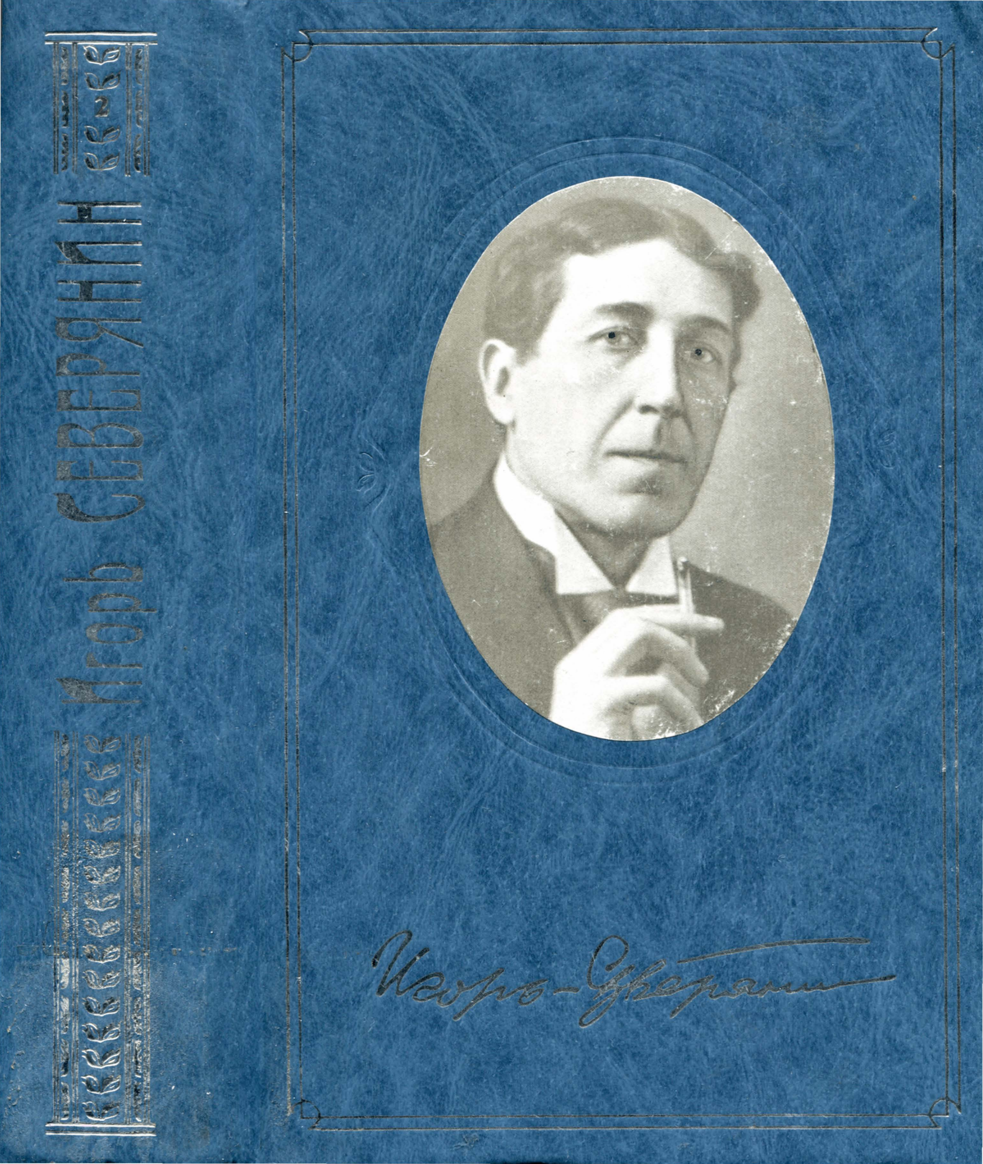

2
Игорь Северянин
Игорь-Северянин

Игорь Северянин

СОЧИНЕНИЯ

в пяти томах

Том второй

Санкт-Петербург
Издательство
«LOGOS»
1995

ББК 84.Р1
С28

Составление, подготовка текста, вступительная статья
и комментарии

В. А. КОШЕЛЕВА, В. А. САПОГОВА

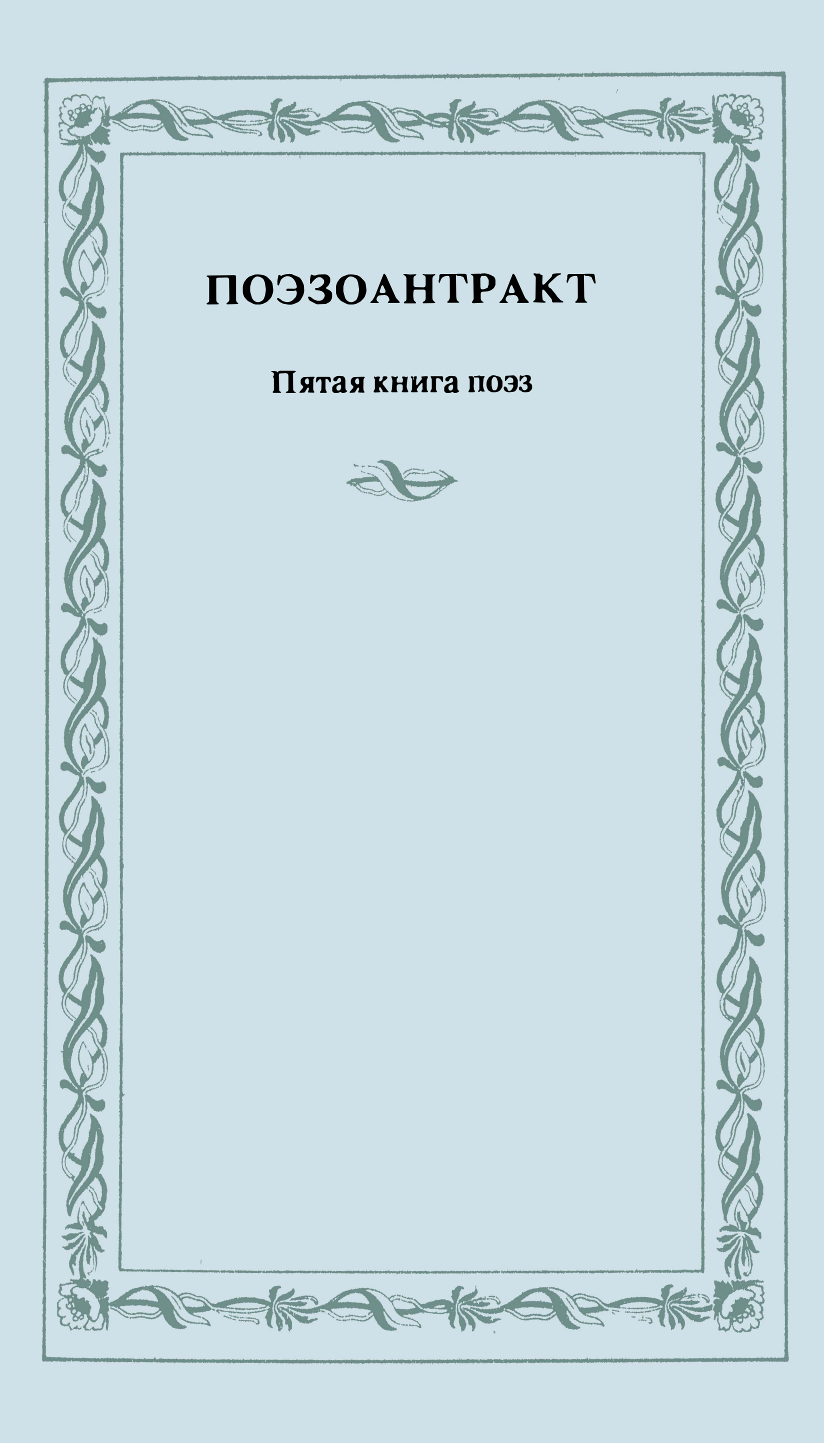
Художник В. КОРНИЛОВ

Фотографии для публикации предоставлены
Череповецким музейным объединением

Подбор фотографий Н. Т. ДОКУМЕНТОВОЙ

С $\frac{4702010102}{Г73(03)-95}$ Подписное

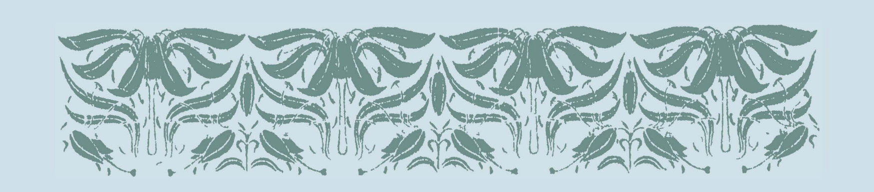
ISBN 5-87288-082-0 (т. 2)
ISBN 5-87288-080-4

ПОЭЗОАНТРАКТ

Пятая книга поэз

I. ЗАРНИЦЫ МЫСЛИ

ДИФИРАМБ

> **Почему не брать от жизни все,**
> **что она дает.**
>
> *Генрик Ибсен*

Цветов! огня! вина и кастаньет!
Пусть блещет «да»! Пусть онемеет «нет»!
        Пусть рассмеется дерзновенное!
Живи, пока живешь. Спеши, спеши
        Любить, ловить мгновенное!
Пусть жизнь за счастье сдачи даст гроши,—
        Что толку в том, когда — все тленное?!
Пой! хохочи! танцуй! смеши!

Воспламенись! всех жги! и сам гори!
        Сгори! — что там беречь?!
Рискуй! рубись! выигрывай пари!
В свой фаэтон сумей момент запрячь!
Сверкай мечом! орлом пари!
        Бери!!.

1909. Июль

МОЙ ГОД

Я десять месяцев мечтаю,
А два живу и пью вино,—
Тогда для всех я пропадаю,
Но — где и как — не все ль равно?

Как лютик, упоенный лютней,—
Я человек не из людей...
И, право, как-то жить уютней
С идеей: пить из-за идей.

1909. Март

СТРАННО...

Мы живем, точно в сне неразгаданном,
На одной из удобных планет...
Много есть, чего вовсе не надо нам,
А того, что нам хочется, нет...

1909

МОЙ МОНАСТЫРЬ

Мой монастырь — не в сводах камня,
Не на далеких островах,—
В устоях духа нерушимых,
В идее: жизнь земная — прах.

Мой монастырь — не в песнопеньях,
Не в облегчении молитв,—
В делах, где принцип справедливость,
В непониманьи смысла битв.

Мой монастырь — не в истязаньи
Бездушной плоти,— в грезе вширь,
В неверии в бессмертье ада
И в вере в Рай — мой монастырь.

1907

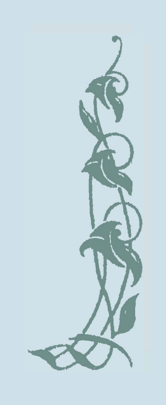

НАДЕЖДЫ НЕТ...

Глупец и трус способны жизнь любить:
Кто понял жизнь — тому надежды нет.
Но я живу и даже жажду жить,
Хотя и жду вседневно новых бед.

Я жизнь люблю, хотя не верю ей,—
Она не даст ни счастья, ни любви.
Приди же, смерть, приди ко мне скорей,
Чтоб я не ждал, и сразу все порви...

1909. Октябрь

ПЕСНЯ

М. И. Кокорину

Велика земля наша славная,
Да нет места в ней сердцу доброму:
Вся пороками позасыпана,
Все цветущее позагублено.
А и дадено добру молодцу
Много-множество добродетелей.
А и ум-то есть, точно молынья,
А и сердце есть, будто солнышко,
И пригож-то он, ровно царский сын,
И хорош-то он, словно ангельчик.
Да не дадено, знать, большой казны,
И пуста мошна, что лес осенью,
А зато не знать ему радости
И прожить всю жизнь прозябаючи...

1909. Август
Мыза Ивановка

ИЗВНЕ

Я не живу душой на свете,
Хотя реально в нем живу;
Но где мой край, где шири эти,—
Я вам навряд ли назову.

Мне непонятна жизнь земная,
Темна, ненужна и гадка;
Зачем мне жить — не понимаю:
Я здесь без чувств, без языка...

Ведь жизнь души моей — в пространстве,
Ни на земле, ни на луне,
Ни в миге и ни в постоянстве,
Но царства злобного — извне.

Я РЕЧЬ ДЕРЖУ...

Я речь держу... Да слушает, кто хочет! —
Черствеет с каждым днем суровый мир.
Порок гремит, сверкает и грохочет.
Он — бог земли! Он — мировой кумир!

Я речь держу... Да слушает, кто может! —
Искусство попирается стопой.
Его огонь болотный мрак тревожит,
Его огонь ослаб перед толпой.

Я речь держу... Да слушает, кто верит! —
Настанет день — искусство станет звук:
Никто значенья строго не измерит,
И, может быть, никто не примет мук.

Я речь держу... Да слушает, кто близок! —
Настанет день, день эпилога чувств.
Тот день убьет (зачем же он так низок?)
Вселенную — искусство из искусств!

1909. Июнь
Мыза Ивановка

РАЗ НАВСЕГДА

> Уделом поэта
> И было, и будет — страданье.
>
> *Мирра Лохвицкая*

> И помни: от века из терний
> Поэта заветный венок.
>
> *Валерий Брюсов*

Мой смех ответом суждений язве!
Поэт сознаньем себя велик!
Вы, судьи,— кто вы? вы боги разве,
Что вам доступен небес язык?

Когда кто видел, чтоб к солнцу совы
Свой обращали полночный взор?
Когда кто слышал, что песни зовы
Дороже людям, чем шумный вздор?

О вы, слепые земли пигмеи,
Что вам до звуков святой трубы! —
В безмозглой злобе — всегда вы змеи.
В убогом гневе — всегда рабы.

Смешон и жалок поэт, доступный
Толпе презренной и зверски злой,
Толпе бездарной, толпе преступной,—
Развенчан гений ее хвалой.

Но славен ясно, но славен вечно
Певец, желанный душе певца.
Кто чует смутно, кто жив сердечно —
Тому пою я с зарей лица.

1909. Апрель

«СОБРАТЬЯ»

Все — Пушкины, все — Гёте, все — Шекспиры.
Направо, влево, сзади, впереди...
Но большинство из лириков — без лиры,
И песни их звучат не из груди...

Все ремесло, безвкусие и фокус,
Ни острых рифм, ни дерзостных мазков!
И у меня на «фокус» рифма — «флокус»,
А стиль других — стиль штопаных носков.

Изношены, истрепаны, банальны
Теперь стихи, как авторы стихов.
Лубочно вдохновенны и подвальны
Их головы — без нужного голов.

Титаны — все, а вместе с тем — все крохи,
Швейцар, столяр, извозчик и купец —
Все, все поют, смеша, как скоморохи,
Гадливость вызывая, как скопец.

И хочется мне крикнуть миллионам
Бездарностей, взращенных в кабаке:
«Приличней быть в фуражке почтальоном,
Чем лириком в дурацком колпаке».

1909. Июнь
Мыза Ивановка

ВЫ, ТЕ...

Вы, те, что носите на плечах мертвый шар,
Наполненный Бог весть какой ничтожной дрянью,
Сумели ли бы вы зажечь в себе пожар
Такой, как я зажег за недоступной гранью?

Вы, те, что учитесь, чтоб ничего не знать,
Вы, незнакомые с восторгом восприятья,
Вы, пролетарии и блещущая знать,
Я вас не допущу до нового распятья.

Все светозарное в вас пробуждает злость,—
Будь это Сам Господь или поэта строфы.
Но помните одно: забит последний гвоздь,
Что кован для Креста,— и нет второй Голгофы!

1909. Июнь
Мыза Ивановка

МОЙ СТИХ

Мой стих — пощечина
Условиям земли.
Чья мысль отточена,
Внемли!

Эй вы, иуды-братья,
Сжигайте песнь мою:
Всему проклятья
Пою!..

1909. Июнь
Мыза Ивановка

ЩИТ-СОЛНЦЕ

Солнце — мой щит от ночного щемящего ужаса.
Я прибегаю ко власти Высоких Защит.
С первым лучом да отпрянет злой дух, разоружася.
И да слепит его очи мой солнечный щит.
Скроется ночь, омертвив беспокойные шорохи,
Тайны свои захватив для грядущей сестры...
Тайна ночей — не огонь ли в чуть тлеющем порохе?
Взоры ночей не цветами ли гроба пестры?
Ночи безумны, и нас призывают к безумию...
Старое здание молит, клянет и трещит...
Мечется сердце, а мысль непогоды угрюмее...
Что бы и было, когда бы не солнце, мой щит...

1909

А ЗНАЕШЬ КРАЙ?..

Ты знаешь край, где все обильем дышит?

Гр. А. К. Толстой

...А знаешь край, где хижины убоги,
Где голод шлет людей на тяжкий грех,
Где вечно скорбь, где лица вечно строги,
Где отзвучал давно здоровый смех,
И где ни школ, ни доктора, ни книги,
Но где — вино, убийство и... вериги?..

1907

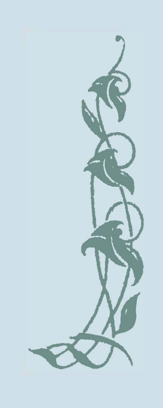

ВСЕ КОНЧЕНО, А СОЛНЦЕ ВНОВЬ ВОСХОДИТ

Параллель

Борец за благоденствие страны
Жизнь отдает, не зная колебанья,
Но зная хорошо, что суждены
Ему, герою, муки и страданья.
С презрением смотря на палачей,
С улыбкою на эшафот он всходит,
Но ясен смысл смеющихся очей:
— Все кончено, а солнце вновь восходит.
Так героиня, знавшая сердец,
В нее влюбленных, силу, ад и пламя,
Почувствовав, что всем мечтам конец,
На море смотрит грустными глазами.
Блестящий, яркий солнечный восход
Ее на размышления наводит.
Она твердит, смотря на лоно вод:
— Все кончено, а солнце вновь восходит.

1906

ВОЗДВИЖЕНЬЕ

Посв. А. Н. Иерусалимскому

Из сел иди, из рощ иди
К широкой лобной площади,
Печальный, сирый люд.
Кричи во всеуслышанье:
«Для праздника Воздвиженья
Погибнет тот, кто лют».
Пред ним, судьею праведным,
И Тем, Кто мудро правит им,
Разлей, как море, скорбь:
Пусть гибнет безрассудное!..
Святится место судное!
Спины, народ, не горбь!
Сегодня крест страдальческий,—
Как эпилог скитальческий,—
Во храме водружен;
Поставьте ж крест забвения
Вы, цепи жизни звения,
Толпа мужей и жен.
Поставьте в душах любящих
Вы, легионы в рубищах,
Своим невзгодам крест;
Прощеньем награжденные,
Живые, возрожденные,
Заполните окрест!

1909

ЦАРСТВО НЕБЕСНОЕ

Рыцарям честным идейного мужества,
Всем за свободу свершившим чудесное,
Павшим со славой за дело содружества —
Царство небесное.

Верным и любящим гражданам нации,
Объединенным могилою тесною,
Детям сознательным цивилизации —
Царство небесное.

Всем закаленным в стремлении пламени,
Всем, испытавшим мучения крестные,
Витязям доблестным честного знамени —
Царство небесное.

Вечная слава героям несдавшимся!
Вечная память и имя известное!
Всем потрудившимся, всем исстрадавшимся
Царство небесное.

1909

РЫЦАРЬ ДУХА

Символ

Человек, заковавший свой разум
В строгих принципов духа кольчугу,
Этим к небу возносится разом,
Примыкая к почетному кругу.

Взявши меч справедливости в руки,
Что гимнастикой развиты веры,
Он идет под штандартом науки
Показать нам отваги примеры.

Ждет его не один уже недруг:
Смотришь, Ложь подползает ехидной,
То Соблазн на ретивом коне вдруг
Пристает к нему с речью бесстыдной.

Не смущается доблестный витязь,
На удар отвечает ударом,
Грозно кличет: «с пути расступитесь!»
И глаза его пышут пожаром.

Наказуя гордыней объятых,
Он — смиренных и правых защита.
Сердце светлое спрятано в латах,
И душа в них великая скрыта.

Да, мечи из божественных кузниц
Обладают могучею силой
И, свободными делая узниц,
Палачам угрожают могилой.

1907

БУНТ ВОЛН

Небо грустно и сиренево,
Как моих мечтаний фон.
Вновь дыханием осеннего
Ветра парус оживлен.

...Воды сильны, воды зелены,
Как идейные юнцы:
Непонятны гор расщелины
Волнам, словно нам — отцы.

Уговоры ветра ласковы,
Он волнует, манит ввысь,
И, кипучие, от ласки вы
Речки-мамы отреклись.

Вы бушуете, взволнованы
Светозарною мечтой,
Тайной мыслью околдованы,
Вызывая все на бой.

И песок, и камни с рыбами
Вы кидаете, грозя
Уничтожить, их ушибами
Награждая и разя.

Все могучими расстреляно!..
Уважая смелый риск,
Вы в гранитные расщелины
Шлете бездну светлых брызг.

Разукрашенный сединами
Возмущается утес
И с другими исполинами
Шлет в ответ огонь угроз.

Вы смеетесь, волны белые,
Над угрозой стариков
И, отважные и смелые,
Шлете брызги вновь и вновь.

Но как дряхлые расщелины
Не опасны для воды,—
Так и брызги, что нацелены
В них,— бесцельны и пусты.

1907

ТЛЕННОСТЬ АДА

(ИНТУИТИВНЫЙ ЭТЮД)

Человек в немом общеньи
С духом мертвого бессмертным —
В вечном перевоплощеньи,
В восприятии инертном.
Дух проходит много стадий,
Совершенствуясь величьем;
Только в высшем он разряде
Будет одарен безличьем.
Все земные оболочки
Только временны и тленны
И нужны для проволочки
Достиженья неизменно.
Интуитивностью слуха
Я вдаюсь в предположенье —
Совершенствованья духа
До известного мгновенья;
Дух достиг культурной точки,
Предназначенной судьбою,
И, уйдя из оболочки,
Кончил навсегда с землею;
В этом — Рай,— души победа;
В чем же ад,— вопрос уместный:
Не испытанные ль беды
В оболочке бренной тесной?
Этим рушу ада вечность:
Ад — в искании предела
Перехода в бесконечность
Пред последней смертью тела;
Мне твердят инстинкты слуха:
Злые духи есть явленье
Совершенствованья духа
В формах перевоплощенья.
Резюмирую: нет злобы
В окончательном пределе,
И живет она особо
Только в воплощенном теле,
Да в моменты перехода;
Солнце правды торжествует,

С голубого небосвода
Нас надеждою дарует.
Рай — в конечном достиженьи
Духом вечного безличья,
В бестелесном воплощеньи
Совершенного величья.

1907

ЗДЕСЬ И ТАМ

РЕФРЕНЫ

1

Тайна смерти непонятна
Для больших умов;
Разгадать,— мы, вероятно,
Не имеем слов.
Мне догадка шепчет внятно:
«Верь моим словам:
Непонятное — понятно,
Но не здесь, а Там».

2

Мысль работает тревожно:
«Жил, всю жизнь греша,
И тебе навряд ли можно
Рая ждать, душа».
Друг, твое сомненье ложно;
Верь моим словам:
«Невозможное возможно,
Но не здесь, а Там».

3

Жил ты с другом беззаботно,
Гимны пел судьбе;
Друг любимый безотчетно
Жертвой пал в борьбе.
Дружий дух ушел обратно
Словно фимиам...
«Невозвратное — возвратно,
Но не здесь, а Там».

1907

ИМПРОВИЗАЦИЯ

Как смеют хоронить утром, когда на небе солнце?
Как смеют ковать цепи, когда не скован венец?
Как смеют срывать розу, когда она благоухает?
Как смеют бросать женщину, когда она полна
любви?
Как смеют пить воду, когда в воде падаль?
Как смеют улыбаться, когда существует скорбь?
Как смеют надеяться, когда есть разочарованье?
Как смеют жить, когда жизни нет?!..

1910. Август

ПОХОРОННАЯ ИРОНИЯ

Мы помолимся, когда придем на вынос:
Господи! Спаси нас, Господи, спаси нас!
        И подумаем, склоняясь над могилой:
        Господи! Помилуй, Господи, помилуй!
И о жизни мы помыслим в нашем тайном:
Господи! Подай нам, Господи, подай нам!..

1910. Июнь

ПОЭТУ

Лишь гении доступны для толпы!
Но ведь не все же гении — поэты?!
Не изменяй намеченной тропы
И помни: кто, зачем и где ты.

Не пой толпе! Ни для кого не пой!
Для песни пой, не размышляя — кстати ль!..
Пусть песнь твоя — мгновенья звук пустой,—
Поверь, найдется почитатель.

Пусть индивидума клеймит толпа:
Она груба, дика, она — невежда.
Не льсти же ей: лесть — счастье для раба,
А у тебя — в цари надежда...

1907

ВЕЛИКОМУ СОВРЕМЕННИКУ

День 20 ноября 1907 г.

В северном небе играют огни,
Вечную жизнь возвещают они.

Мирра Лохвицкая

На пустынной дороге, у старой часовни,
Где старушка-зима в белой шубе брела,
Где скрипучий мороз забирался под дровни,—
Наша первая встреча, учитель, была.

Кротко встретились мы. Как-то ласково молча,
Мы с тобою пошли в твой приветливый дом.
Отчего эта песня далекая волчья,
Что скучала тогда, мне звучала потом?

Отчего, отчего эти бледные блики
Той особой луны не погасли теперь?
Отчего так близки, так безмерно велики
Этот дом, этот сад, эти сени и дверь?

Всею гаммою чувств, всей душою порывной
Я отдался тебе в незабвенную ночь,
Преклонясь перед скорбью твоей беспрерывной,—
И,— спасибо тебе,— ты не гнал меня прочь.

Гениальный поэт — вдохновенный психолог
И провидец людей с их бездушием душ,
Ты взглянул на меня... Был и грозен и долог
Твой внимательный взгляд. Мне лукавить
к чему ж? —

Я, смутясь, трепетал под невиданным взглядом...
Вдруг ты взял — точно солнце, сверкая лицом!
Ты мне мысль подарил бесконечным нарядом,
Ты мне душу объял неразрывным кольцом.

Мой учитель и друг! мой отец и владетель!
Пусть же сердце играет и бьется во мне!
Я к тебе сохраню,— это видит Спаситель! —
И любовь, и восторг в непробуженном сне!

1909. Март

У К. М. ФОФАНОВА

(ОДИН ИЗ ВЕЧЕРОВ У ПОЭТА)

Мигая, лампа освещала,
Как ландыш, чистые листы.
Лицо поэта озаряла
Улыбка ласковой мечты.

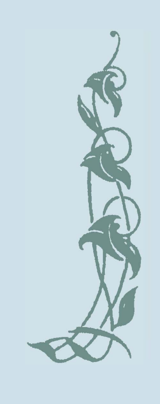
Я, углубляясь в воплощенья
Его измученной души,
Слыхал, как сердце в упоенье
Мне пело: «Стихни... не дыши...»

С миражем в вдохновенном взгляде
Я аромат элегий пил.
Дышало маем от тетради,
Сиренью пахло от чернил!

Как много разных ощущений
Я в этот вечер восприял:
Страданий, бодрости, стремлений,
Поверив снова в идеал.

И в пору зимнюю пахнуло
На нас вдруг раннею весной.
Поэт молчал, жена вздохнула,
Тоскливо пробил час ночной.

1907

ПЕВИЦА СТРАСТИ

(ПАМЯТИ МИРРЫ ЛОХВИЦКОЙ)

Не слышу больше я песен страстных,
Горячих песен, любовных песен,
Не вижу взоров ее прекрасных,
И мир печален, и сер, и тесен.

Темнеет небо, и вянут розы;
Тоска мне сердце щемит уныло;
Сгубили юность певицы грозы,
Ее толкнули они в могилу.

В могиле дева — певица страсти.
Как иронична, жестока фраза!
И сердце рвется мое на части:
Как это скоро! как это сразу!..

О, как контрастно звучат два слова:
Смерть — замерзанье, а страсть — кипенье.
Уж не услышу я песен снова,
Не зарыдаю от вдохновенья.

Но что свершилось, то безвозвратно...
Порвались струны, умолкла лира...
Так спи ж спокойно: ты нам понятна,
Певица страсти горячей, Мирра.

ПОЛУСОНЕТ

Под стрекотанье ярких мандолин
Цвела мечта, моя фата-моргана.
Балькис, Мадлэн, Мирэлла, Вандэлин
Проплыли в даль — как бархат струн органа.

А вот еще — Луиза и Мюргит,
Лилит, Робер, Агнеса, Сандрильона...
У палевых, олуненных ракит
Они стеклись ко мне для котильона.

Но подожди, чей призрак это? Тих
Спокойный шаг в безмолвии долины.
В его очах поет ключистый стих
И заглушает стрекот мандолины.

Средь призраков нетленной красоты,—
Ты, автор их, прекраснее всех — ты.

1909. Сентябрь

РЕКВИЕМ

...И будет дух мой над тобой
Витать на крыльях голубиных.

М. Лохвицкая

Помилуй, Господи, Всесветлый Боже,
Царицу грез моих, Твою рабу,
И освяти ее могилы ложе,
И упокой ее в ея гробу...

И вознеси ее святую душу,
Великий Господи, в пречистый Рай...
А если я, Твой раб, любовь нарушу,
Своею милостью меня карай.

Даруй страдалице — любимой, милой —
Познать величие Твоих щедрот...
Господь, укрой ее! Господь, помилуй!
Услышь, о Господи, мой грешный рот...

Услышь мольбу мою, и, веру множа
В Твое сияние, внемли рабу:
Помилуй, Господи, Всесильный Боже,
Мою владычицу,— Твою рабу!

1910. Март

ОКЕАНУ — КАПЛЯ

(*Посвящается Льву Толстому*)

Сын мира — он, и мира он — отец.
Гигантское светило правды славной.
Литературы властелин державный.
Добра — скрижалей разума — певец.
Он мыслью, как бичом, вселенную рассек.
Мир съежился, принижен, в изумленьи.
Бичуя мир, он шлет ему прощенье.
Он — человек, как лев.
Он — лев, как человек.

1907

ПАМЯТИ Н. А. НЕКРАСОВА

Помните вечно заветы почившего,
К свету и правде Россию будившего,
Страстно рыдавшего,
Тяжко страдавшего
С гнетом в борьбе.
Сеятель! Зерна взошли светозарные:
Граждане, вечно тебе благодарные,—
Живы заветами,
Солнцу обетами! —
Слава тебе!

1907

ПАМЯТИ В. БАШКИНА

Скромным и застенчивым
Ушел от нас он, юным...
Я обращаюсь к струнам,
Струнам переменчивым.

Пойте, струны в трауре,
Кончину незаметную.
Элегию ответную
Моря ль споют, дубравы ли?

Я отпеваю юношу,
Светило мимолетного,
С любовью жизнь твою ношу
В мечте всего бесплотного.

1909. 17 ноября

ГРААЛЮ АРЕЛЬСКОМУ

(Рецензия на его «Голубой ажур»)

...И сладкий мед в растеньи горьком
Находит каждая пчела...

К. Фофанов

Я Вам скажу, как строгий ментор,
Снимая с лампы абажур:
Вы — идеальный квинт-эссентор,
И элегантен Ваш ажур...
Когда б стихи назвать поэзы
И не смущаться света рамп,
Я на мотивы Марсельезы
Вам спел бы наглый дифирамб.
Пускай Верлен с трудом Ренана
Не составляют мезальянс...
Пью рюмку пьяного Банана
За боле спецный ассонанс...

1911. Октябрь

ПАМЯТИ Н. А. РИМСКОГО-КОРСАКОВА

СОНЕТ

Баян умолк... Слеза его аккордов
Еще блестит кристаллом неземным —
Как всплески вод таинственных фиордов,
Как над грехом безгрешный серафим.
Он жизнь отпел... Душа вспорхнула гордо
На небеса зефиром голубым...
Перенеси удар, отчизна, твердо,
Воспой его, как ты воспета им.
Пусть задрожат в сердцах народных арфы
И воспоют творца Садко и Марфы;
Снегурочка воскреснет в Мая Ночь;
Раздастся гимн торжественных созвучий,
Он загудит, живящий и могучий,
Прославив песнь,— нам мать, Баяну — дочь...

1908. Июнь
Мыза Ивановка

АРНОЛЬДСОН

...И время трет его своим крылом.

Ш. Бодлер

Элен себе искала компаньона,
Желая в заграничное турнэ;
Жан, встретясь с ней, сказал: «Je vous connais:
Вы — греза Гёте и Тома — Миньона.
Хоть греза их, положим, без шиньона,
Я,— все равно,— готов продлить свой сон...
Итак, Элен, Вы для меня — Миньона,
Чей образ воплотился в Арнольдсон».

Пусть, пусть года — нещаднее пирата,
Все ж Арнольдсон — конечная Сперата,
В ее душе святой огонь горит.
О время, время! Смилуйся и сдобрись,—
О, подожди стирать слиянный образ
Двух гениев в лице одной Зигрид.

1910. Благовещение

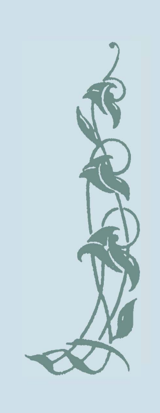

В АЛЬБОМ ОЛИМПИИ БОРОНАТ

Есть где-то край... Есть где-то край волшебный,
Где небеса и море — бирюза,
Где все поет кому-то гимн хвалебный,
Где мысль — огонь, и чувство где — гроза.

И этот край, с его очарованьем,
С его мечтой, струистой, как гранат,
С его огнем, с его благоуханьем
Зовет любить чарунья-Боронат.

1909. Январь

ПОВЕСТУШКА ДНЕЙ МАЛЮТЫ

I

Там, вблизи от пышных гридниц,
Где князья в кругу бесстыдниц —
Полюбовниц правят пир,

Где истомны горностаи
И блестят при люстрах стаи
Безалаберных рапир,

Там разбросились избушки
На темнеющей опушке
У заросшего пруда.

А в избушке все холопы,
Столяры да землекопы
Все сподвижники труда.

У владельца, как нарочно,
Мысль разнузданно-порочна,
И каприз его — закон.

Все боятся, все трепещут,
Видно, больно плети хлещут,
Извиваясь, как дракон.

Княжич Ор из зла изваян.
У кого такой хозяин,
Тот и жизнь готов проклясть.

Раз случилось, что Глашурка,
Миловидная девчурка,
Пробудила в князе страсть.

Что приказано — исполни,
А не то, мгновенней молний,
Вспыхнет гнев,— тогда конец.

И Глафиру шлет к тирану,
Затаив глубоко рану,
Старший брат ее, кузнец.

II

Глазки Глаши — васильковы,
Озарят они альковы,
Точно звезды декабря;
Пробуждают в князе зверя,

В страсть свою всесильно веря,
К пылу новому храбря.
Не кляла Глафира доли,
Полудикая дотоле,
Забрала над Ором власть.
Плеть его давно не хлещет,
Перед Глашей Ор трепещет,
Проклиная втайне страсть.
Что поделать! мозг бессилен,
Точно днем при солнце филин,—
Село чувство на престол.
Всем привольно, всем вольготно,
Всем поется беззаботно,
Весел в праздник людный стол.

III

Честь сестры оберегая,
Думал Петр: «Пускай другая,
Но не Глаша — без венца».
Он один грустил в поместье,
И создался способ мести
Вдруг в мозгу у кузнеца.
Что вы скажете! вот смех-то!
Когда радостно у всех-то,
Положительно у всех,
Вздумал мстить крестьянин честный,
Замуравлен в мысли тесной,
Что любовь без брака — грех.

———

Эх ты, матушка Россия,
Просвещенье, как Мессия —
Не идет к тебе, хоть плачь.
Ты сама себе заноза,
Ты сама себе угроза,
Ты сама себе палач!

1909. Июль
Мыза Ивановка. Пудость

ПОХОРОНЫ

БАЛЛАДА

1

Страна облачается в траур —
Великий поэт опочил...
И замер от горя преемник,
Чей гений певец отличил.

Театры беззвучны, как склепы;
На зданиях — черный кумач;
Притихли людей разговоры;
Бесслезен их искренний плач.

Лишилась держава пророка,
Устала святая звезда,
Светившая темному миру
Путь мысли, любви и труда.

Унылы холодные зори,
И мглисты бесцветные дни,
А ночи, как горе, глубоки,
Как злоба, жестоки они.

Рыдают воспетые ветры,
Поют панихиду моря,
Листву осыпают деревья
В июне, как в дни сентября.

2

Сияет торжественно лавра,
Но сумрачны лики икон;
Выходит старейший епископ
Из врат алтаря на амвон.

Выходит за ним духовенство,—
Оно в золоченой парче.
Кадило пылает в лампаде,
Лампада мерцает в свече.

Толпой окруженный народа,
Подходит к собору кортэж;
Но где же стенанья и слезы,
И скорбные возгласы где ж?

В толпе и природе затишье —
Ни жалоб, ни воплей, ни слез:
Когда умирают поэты,
Земное под чарами грез.

Несут светлоокие люди
Таинственный гроб к алтарю,
И славят церковные хоры
Загробного мира зарю.

Над гробом склонился преемник —
Безмолвен, как строгий гранит —
С негреющим солнцем во взоре
И лунною сенью ланит.

Он смотрит на первую маску:
Смерть шутит жестоко и зло...
Он видит — как лилии руки,
Он видит — как мрамор чело.

3

Что смолкли церковные хоры?
Что, в диве, склонилась толпа? —
С небес светозарною дымкой
Сквозь купол струится тропа.

По этой тропе лучезарной
Снисходит поющий эдем;
То звуки нездешних мелодий!
То строфы нездешних поэм!

Очнулся скорбящий наследник,
Он вещую руку простер;
И солнце зажглося во взоре,
И вспыхнула речь, как костер.

— Живи! — он воскликнул; и тотчас
Поднялся из гроба поэт;

Он был — весь восторг вдохновенья,
Он был — весь величье и свет!
Он принял от ангела лиру
И молвил, отбросив аккорд,
Земною кончиною счастлив,
Загробным рождением горд:

— О, люди друг другу не верят...
Но лгать им не станет мертвец:
Я песней тебя короную,
И ты — мой наследник, певец!..

4

Когда же расплылось виденье,—
Как жизнь, неразгаданный гроб
Хранил в себе прах, еще юный,
И ждал его червь-землекоп.

От чар пробужденная лавра
Не знала,— то чудо иль сон?..
То знал коронованный песней,
Но тайну не вытаит он.

Бряцала ли лира в соборе,
Спускался ль заоблачный мир,
И кто был преемник поэта —
Пророк или просто факир?..

1908. 17-го окт.

ПРИЗРАК ВЕЛИКОЙ ЦАРИЦЫ

БАЛЛАДА

Глава Екатерины Великой —
Великая глава русской истории.

Автор

Я шел крещенским лесом,
Сквозистым и немым,
Мучительной и смутной
Тревогою томим.

Ночь зимняя дышала
Морозно на меня,
Луна лучи бросала
Холодного огня.

Таинственностью леса
И ночи тьмой смущен,
Я шел, и мне казалось,
Что кем-то окружен —

Холодным, как дорога,
Нездешним, словно Бог,
Неясным, как тревога,
Но кем,— я знать не мог.

Деревья заредели
И вышел в поле я;
А там, вдали, мерцали
Уж огоньки жилья.

Загадочной тревогой
Все более томим,
На лес я обернулся,
Завороженный им:

На ели-исполины
Луна, бросая свет,

Второй Екатерины
Чертила силуэт.

Казалось мне: три ели
Как в сказочном кругу,
Царицу воплощали
В сверкающем снегу.

Казалось, три вершины
В слиянии своем —
Глава Екатерины
Под белым париком.

Ветвей же пирамида
Подсказывала мне,
Что в мантии царица
Предстала при луне.

Красивой головою
Она качала вновь:
Знать, ветром колебались
Вершины их стволов.

Прорезали мгновенно
Мне мысли мозг, как бич,
И мог я вдохновенно
Виденья смысл постичь:

Царицы привиденье
Над лесом, в тихом сне,
Всей жизни измененье
Вещало молча мне.

Я вспомнил, что в сияньи
Порфиры золотой
Она не мало блага
Вершила над страной;

И вспомнил я преданье,
Что этим же путем
Из города, при море,
Рожденного Петром,

Она езжала часто
До шведского дворца,
Доставшегося смертью
Последнего борца:

Что ею на дороге
Поставлены везде
Внушительные боги
В чугунной красоте;

Что эти истуканы,
Признательные ей
За их созданье, призрак
Являют для очей.

И мысли, как зарницы,
Сверкали в голове
Пред призраком царицы
В морозной синеве.

И как все изменилось
Под царственным венцом,
Так мне теперь казалось —
И в бытии моем

Произойдет по воле
Великой из цариц...
И я на снежном поле
Упал пред нею ниц.

1907

СНЕЖНАЯ ЛЕТАРГИЯ

(Э Т Ю Д)

Посв. И. А. Дашкевичу

Вам, чьи прекрасные уроки
В душе запечатлели след,
Вам посвящает эти строки
Вас понимающий поэт.
В них не таится смысл глубокий
И мысли в них великой нет,
Но в них надежна вера в свет —
Кипучей молодости соки.
Примите ж, друг мой дорогой,
Этюд, подсказанный душой —
Дитя минуты вдохновенья,
Безвестный автор просит Вас
Мольбой своих печальных глаз
Не похвалы, а снисхожденья.

I

От подводных ключей незамерзшая,
Речка льется, поспешная синяя;
Лишь природа, зимою обмершая,
Заколдована в снежном унынии.
Оголились деревья кудрявые,
Притаились за речкой застенчиво —
Словно витязь, увенчанный славою,
Вдруг развенчан судьбою изменчивой.
Солнце, пылкое в летние месяцы,
Утомилося жизнью палящею,
Бредом солнцу минувшее грезится,
И отрадно ему настоящее.
Часто люди, безделицей каждою
Увлекаясь, палятся порывами
И, упившись мучительной жаждою,
Отдыхают мечтами счастливыми.

II

Я иду и ищу по наитию
В лабиринте лесном указания;

А тропа ариадниной нитию
Сокращает пути расстояния.
Много символов мира далекого:
Духа доброго, Зла инфузорию,
Вплоть до Бога, Собою высокого,—
Мог найти в сосен, елок узоре я.
Вот я вижу лицо Мефистофеля —
Два рожка и бородка козлиная;
Рядом с ним выплывают два профиля —
Чертенята с улыбкой змеиною.
Отстрани от меня нечестивого,
От соблазна избавив угарного;
Силой разума, злого и льстивого,
Да не сделают мне зла коварного.
Вот три ели слились в одной линии
И одною мерещатся издали.
Что за символ над снежной пустынею,
Да и место рожденья их чисто ли?
Преклонись, духом смысл прозревающий
Откровенья Творца всеединого:
Этот символ, тебя поражающий,—
Знак святой Божества триединого.

III

Вечер мягко вздохнул и приветливо
Убаюкивал лес засыпающий;
Ветерок обнимался кокетливо
С липой, днями былыми мечтающей.
Снег кружился воздушными грезами,
Как они, рассыпаяся в воздухе,
Или плакал, растаявший слезами,
Как о силах, накопленных в роздыхе.
Сколько грусти в момент усыпления
В зимний вечер в деревьях мертвеющих —
Словно тысячи душ в угнетении
Здесь собрались, о рае жалеющих!
Ветерок напевает мелодии,
От которых душа разрывается.
Это — песенки смерти пародии;
Кто-то с кем-то надолго прощается...

IV

Заблестит солнце яркое, вешнее,
Разукрасятся ветви одеждою,

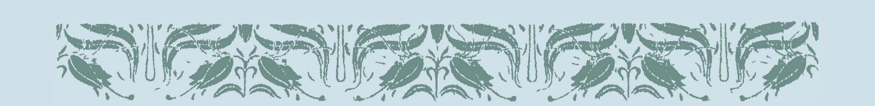
И пробудится — силой нездешнею —
Вновь природа горячей надеждою.
Забурлят воды радостным говором,
Пробужденные царственным голосом;
Разогретые солнечным поваром,
Вновь поля разукрасятся колосом.
Птица станет слетаться за птицею
Из-за синего моря свободного...
Как отрадно весною-царицею
Грезить в царстве Мороза холодного!

V

Так и мы, как природа уснувшая
В пору зимнюю — в смерти мгновение:
Нас не манит земное минувшее
И бодрит светлый луч возрождения.
О, не плачьте, друзья безутешные:
Мы ведь живы душою бессмертною —
Нашей мыслью последней безгрешною,
Наших близких молитвой усердною.

1907

II. ЭТО БЫЛО ТАК НЕДАВНО...

NOTTURNO

Это было в самом деле,
Или только показалось?
Над рекой мы ночь сидели,
Но ни слова не сказалось.
Где — не помню, как — загадка,
Повстречались мы любовно...
Сонно фыркала лошадка,
Отведенная за бревна.
Кто-то пел под арфы гутор.
Кто-то что-то мне ответил...
Спал в бреду вишневый хутор,
Как слиянье наше, светел.
Думал я, сгибая прутик:
«Точно радость, ты короток...»
И на нас смотревший лютик
Был, как чувства наши, кроток.
И хотелось, и желалось
Без конца истомы в теле...
Это только мне казалось,
Или было в самом деле?

1911

ЛИЛИИ ДУШИ

А. На—ой

Лилии, лилии чистые,
Звезды саронских полей...

М. Лохвицкая

В светозарной душе белых лилий посев
Расцветет для услад урожая,
И болотный туман испарится, осев,
Только солнце дохнет, угрожая.
В светозарной душе — белых лилий посев,
И такая душа — всем чужая.

Как расцвет золотист! как расцвет ее бел!
Помнишь? — днем лепестки перелили
Гаммой радуги звонкой,— но луч ослабел,
И померкли мелодии лилий.
А зарею опять тихий колокол бел,
Сердце златно лучи распалили.

Без боязни сбирай белоснежный посев,
Тот сбирай, кто — исчадье порока.
Пусть тебя не страшит окружающий зев:
Эта жатва не знает упрека...
Ты надменно пожнешь искупленья посев,
Но души не поймешь — как пророка...

1909. Ноябрь

МИМОХОДОМ

Зое О.

Она заходит в год раза два...
Совсем случайно... мимоходом...
Ее движенья, ее слова —
Как и давно, как прошлым годом.
Все та же гордость, все тот же лед
И равнодушье напускное;
И то паденье, и то полет,
Полувражда, полуродное...
Но эти взгляды,— они не лгут...
В них даже ненависть любовна...
В них столько чувства, такой уют,
Что, право, дышится не ровно.
Но блещут ядом ее слова,
Цинично мучающим ядом.
Она заходит в год раза два...
Так... мимоходом... бывши рядом...

1909. Сентябрь

ВЫЙДИ В САД...

Выйди в сад... Как погода ясна!
Как застенчиво август увял!
Распустила коралл бузина,
И янтарный боярышник — вял.
Эта ягода — яблочко-гном...
Как кудрявый кротекус красив.
Скоро осень окутает сном
Теплый садик, дождем оросив.
А пока еще — зелень вокруг,
И вверху безмятежная синь;
И у клена причудливых рук —
Много сходного с лапой гусынь.
Как оливковы листики груш!
Как призывно плоды их висят!
Выйди в сад и чуть-чуть поразрушь,
Это осень простит... Выйди в сад.

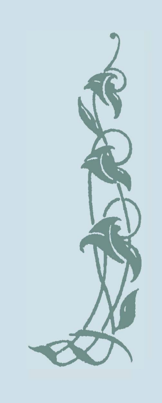
1909. Август
Мыза Ивановка

КАТЮЛИНЬКА

Гули-гулинька, гуля-гулинька,
С белым крылышком голубок...
Это ты, мой друг, ты, Катюлинька.
Ты, Катюлинька, мой дружок?
Осень дымчата. Лес и хижина.
День склоняется. Ночь близка.
Ты обижена... Ты унижена...
Ты любима мной,— как тоска...
Двери скрипнули. Бьется крылышко,—
То колышется твой платок...
Где ты, молодость?.. где ты, силушка?..
Где Катюлинька — мой дружок?

1909

ВДОХНОВЕНИЕ

Я пробегаю мокрой рожью.
Ищу во ржи огнистый мяч...
И слышу-вижу: к Запорожью
Течет Олонецкий Кивач.
И Лена ластится к Дунаю,
Войдя в Байкал, громя Алтай...
О, ты поймешь — я это знаю,
Но берегись,— не разболтай...
Спадает с неба Сакраменто,
Земля — сплошная бирюза...
Привет тебе, мираж момента —
Молниеносная гроза!

1910. Март

В САМУМЕ

Меня качал двухгорбно
Верблюд, корабль пустынь,
Мне было скорбно-скорбно,
Цвела в душе полынь.
Вдали пестрел оазис,
Бездумен был сам ум,
Вдруг небеса порвались,
И взвихрился самум.
Свистело что-то где-то,
Кружился кто-то там;
И кем-то я раздета,
И кто-то льнет к устам...
Чарует черный голос,—
Слабею от борьбы...
Сдаюсь... Но я боролась,
Цепляясь за горбы.
Молиться? — нет святыни...
Я гибну... я в тоске...
Верблюд, корабль пустыни,
Топи меня в песке!

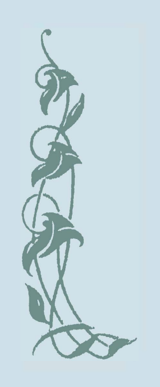
1911

РЕЗЕДОВЫЙ БУКЕТ

Испуганно внемля далекой ракете,
Когда задремали в истоме сады,
Купая лицо в резедовом букете,
Она понимала мирок резеды.
«О, как бархатисты, как томно-кудрявы,—
Она обращалась чуть слышно к цветам:
— Я верю: вы чутки, и люди неправы,
Когда вас срывают,— ведь больно же вам...
Я в вазу поставлю вас, цветики, в вазу
С такою холодной прозрачной водой...»
Цветы эту ласку восприняли сразу
И к ней потянулись душистой мечтой.
Они благодарны, цветковые души,—
Она это знала... Но выпал букет,
И, все их измяв крошкой-туфелькой в плюше,
Она разрыдалась, упав на паркет...

1909

Я ХОЧУ...

Я тебя постараюсь простить,
Как прощает свечу мотылек...
Пусть отныне тебе я далек,
Но приди же меня навестить.
Приходи, как бывало, гостить,
Не вверяйся обиды пращу.
Я хочу... я могу... я прощу...
Я тебя постараюсь простить...

1909

РОНДЕЛЬ

Лионель — певец луны.
Мирра Лохвицкая

Я лунопевец Лионель —
Пою тебя, моя царица.
Твоим лучом да озарится
Моя унывная свирель.
Пою в сентябрь, пою в апрель...
Пока душа не испарится,
Я, лунопевец Лионель,
Пою тебя, моя царица.
Сотки туманную фланель,
Луна, любви и неги жрица,
И пусть тобой осеребрится
Измученный полишинель —
Твой лунопевный Лионель...

1911. Март

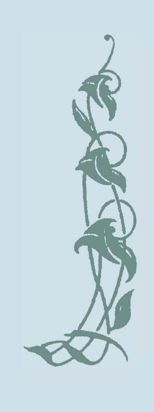
ИНТРОДУКЦИЯ

Не было, может быть, этого?
Может быть, это и было?..
Тайна пруда фиолетова,
Месяц — что солнце без пыла.

Кто-то, как нимфа загадочный,
В тальме, как страсть, беспорядочный,
Дышит в лицо мне гвоздикой
С улыбкой восторженно-дикой...

Хочется мне ненасытного,
Этого тайного *этого*...
Месяца звездносвитного!
Воды, где глубь фиолетова!..

1909. Январь

ГЛАЗЕНКИ

Твои глазенки, как небо — тучки,
Застлали думы, и я, как вождь
Твоих мечтаний, лелеял ручки,
Боясь, что хлынет из глазок дождь.

Крылила чувства в саду певунья,
И раздушила мечты сирень...
Ты прояснилась, моя шалунья,
Защебетала, как майский день.

Нет места грусти! нет русла слезам!..
Под звон природы тюрьму ломай!..
Свободу чувству! свободу грезам!
Свободу страсти! — так хочет май.

1908. Октябрь

ЧТО — ЖИЗНЬ?..

Что — жизнь? грядущим упоенье
И ожиданье лучших дней.
А смерть — во всем разуверенье
И издевательство над ней.

И я — как жизнь: весь скорбь, весь близость
К тебе, готовый вновь расцвесть...
А ты — как смерть: вся зло и низость,
Вся — бессердечие и месть.

1908. Октябрь

ТРИОЛЕТЫ

Вы знаете осеннюю весну
Своей любви унылых увлечений,
    Своей души сонливых пробуждений,—
Встречали ль вы осеннюю весну?
    Какая ширь стыдливых сновидений!
    Какая пропасть к огненному сну!
Ценили ль вы осеннюю весну,
Весну своих бесплотных увлечений?

Улыбок нет. Живительные слезы
Одни поят измученную грудь.
    Тогда... тогда о страсти позабудь.
Улыбок нет: их захлестнули слезы.
    Грезь, только грезь,— заменят чувства грезы,
    Тебе себя удастся обмануть...
Улыбок нет. Мечтательные слезы
Одни поят истерзанную грудь...

1908. Июнь
Лигово

ЛЮБОВЬ

Любовь — это сон в сновиденьи...
Любовь — это тайна струны...
Любовь — это небо в виденьи...
Любовь — это сказка луны...
Любовь — это чувственных строк душа...
Любовь — это дева вне форм...
Любовь — это музыка ландыша...
Любовь — это вихрь! это шторм!
Любовь — это девственность голая...
Любовь — это радуга снов...
Любовь — это слезка веселая...
Любовь — это песня без слов!..

1908. Ноябрь

ТВОЙ ДОМИК

И. Д.

Твой домик затерян в уснувшем лесу,
Где речки капризны извивы.
Утрами ты любишь смотреть на росу —
На слезы тоскующей ивы.

Мой угол — где улицы, ругань и шум.
Оградой от них подоконник,
Где роза улыбкой чарует мой ум.
— Ты — ивы, я — розы поклонник.

1908. 12 октября

СТАНСЫ

Скорбишь ли ты о смерти друга,
Отца любимого ль, сестры,—
Утешься, добрая подруга,
В возмездья веруя поры.
Нет в мире вечного биенья.
Нас всех удел единый ждет.
Поддержку черпай в изреченьи:
«Со смертью мира смерть умрет».

1907

РОНДО

О, не рыдай над мертвым телом
И скорбь свою превозмоги:
Душа ушла в порыве смелом
Из мира мрака и тоски.
Не плакать,— радоваться надо:
Души счастливый переход —
Не наказанье, а — награда,
И не паденье, а восход.
О, не рыдай над мертвым телом,
Молись за вознесенный дух,
Над прахом же осиротелым
Не расточай души: он глух.
Нет, не рыдай над мертвым телом...

1907

ЖИЗНЬ СЧИТАЕШЬ ЛИ...

Жизнь считаешь ли бесполезною,
Утомилась ли ты, скиталица,—
Не кручинься, моя болезная,
Крепни духом, моя страдалица.
Небеса, смотри,— как лазоревы,
Видишь зорьку в них, в даль манящую?
Приласкали бы хоть зори вы,
Душу чуткую и скорбящую.

1907

ГРЕЗЫ МИНЬОНЫ

Памяти сестры Зои

Знаешь рощ лимонных шорох,
Край огнистых померанцев?
Сколько песен, сколько танцев
Там в лесах, морях и горах.

Там, как песня, звучны краски,
Там, как краски, сочны песни...
О, душа моя, для ласки
И для жизни там воскресни!..

1908. 21-го октября

ЛАСТОЧКИ

ДУЭТ ИЗ «MIGNON»

Миньона

Вы, ласточки-касатки,
Туда летите вдаль,
Где взоры женщин сладки,
А зубки — как миндаль;
Где щечки — абрикосы,
А губки — как коралл,
Где круты гор откосы,
Где все поет хорал.

Лотарио

О, ласточки-летуньи,
Туда летите вы,
Где встретят вас певуньи
В просторе синевы.
Мгновенья счастья кратки,
Всем горе даст медаль...
О, ласточки-касатки,
Летите ввысь и вдаль!

1909. Июнь
Мыза Ивановка

КО ДНЮ РОЖДЕНИЯ

Я пришел тебя поздравить
С новым годом дней твоих:
Приласкай же, как ласкала
В пору радостей былых.

Улыбнись былой улыбкой,
Что душе моей мила.
О, какое бы мне счастье,
Улыбнувшись, дать могла!

Улыбнись же снова, детка,
Птичка, звездочка души,
Поцелуй любовно, сладко,
Слово нежное скажи.

И тогда тебя поздравлю
По примеру лет былых,
Не со счастьем, а с терпеньем —
Грустной старью дней твоих.

1908

ЛЕПЕСТКИ РОЗ ЖИЗНИ

I. ВСТРЕЧА

Сонет

Мы встретились холодною зимою
В селении, заброшенном в снегах,
И поняли: пришел конец покою —
Любовь опять забрезжилась в сердцах.
Я видел Вас всегда в своих мечтах,
И были Вы любимою мечтою.
— Я Вас люблю,— так думал я порою;
Что любите,— читал у Вас в глазах.

Любовь опять забрезжилась при встрече;
Смотрите: разрастается она,
Свободна, как могучая волна,
Весна зовет желания на вече;
Я знать хочу: что скажет им весна?
Какие им она нашепчет речи?

С.-Петербург
Январь 1906 г.

II. «НИКОГДА, НИКОГДА»

Ты сказала: «Пойдем мы с тобою туда,
Где впервые увиделись мы».
И пошли мы с тобой. И вела нас мечта
К лету знойному, вдаль от зимы.

Все твердил, что люблю. То же слышал в ответ.
Ручку нежно целуя твою,
Я тебе говорил, мое сердце, мой свет,
Что к тебе в своем сердце таю.

— Нам дорогой одной никогда не идти,—
Ты со вздохом сказала, грустя.
— Отчего же двум розам вблизи не цвести,
Лепестками — «люблю» шелестя?

Дорогая: скажи, что разлучит с тобой?
Я бороться хочу: силы есть.

— Позабудь поскорей, как холодной зимой
Повстречались... Разлучница-честь.

Что я сделать могу, чтобы честь сокрушить?
Да и стану ль ее сокрушать?..
Но тебя буду вечно и нежно любить,
И надеяться тщетно, и ждать.

Но тебя позабыть... Что за тяжесть труда!
Да и зря! — не могу позабыть.
Будь моей! будешь? да? — «Никогда! Никогда!
Не могу никогда твоей быть!»

— Почему? но послушай: мне больно... пойми:
Я страдаю... скажи, почему?
Отвечай поскорей, мне души не томи.—
«Хорошо, я отвечу: к чему?»

— Как к чему?.. я люблю тебя страстно, хочу
Обладать тобой. Молви же: да —
Но напрасно в мечтах я высоко лечу —
Мне в ответ: «Никогда, никогда!»

О, скажи: отчего холодна ты со мной?
Ты призналась, что любишь меня...
Так обнимемся ж крепко и жарко с тобой,
Поцелуемся жарче огня.

В поцелуях найдем мы усладу. Скорей!
Ну, не будь холодна и тверда...
Приласкай понежней, поцелуй горячей,
Будь моей! — «Никогда, никогда!»...

С.-Петербург
Январь 1906 г.

III. ОДНО ИЗ МИНУВШИХ СВИДАНИЙ

Мы с тобой говорили, с любовью смотря
Друг на друга, о наших невзгодах.
И алела любви безрассудной заря
И вещала о солнечных годах.

Приоткрыла мне сердце. Я видел, что в нем
Только с честностью правда да горе;
И что это я видел, ты знала о том
В моем грустном, доверчивом взоре.

Ты меня понимала, как берег волну,
Что порою несет ему ласки,
И любила меня, словно роза весну,
Словно грезы — волшебные сказки.

Грусть ковала сердца, и хотелось,— чего?
Неги? страсти? лобзаний и зноя?
Разумеется, нет: не хотя ничего,
Мы с тобою хотели покоя.

Позабыться хотели от горя и лжи,
Удалиться хотели в пустыню,
Чтобы отдых найти для усталой души;
Чтоб забытую вспомнить святыню.

Молодые сердца бились звучно, и в них
Столько удали было и силы,
Столько чувств вдохновенных и чисто святых,
Что молчать нам немыслимо было.

Твои губы внезапно обжег поцелуй.
Ты зарделась: он огнен и жуток.
Это я, пылкой страсти своей златоструй,
Потерял на мгновенье рассудок.

Но встречает препоны неопытный шаг,
А затем уж свободна дорога;
Мы с тобой целовалися много...
О, порыв! Что за чудный, волшебный ты маг!

Лишь утихла, как все и должно утихать,
Страсть, что вспыхнула яркою искрой,
Мы с тобою печальны и сонны опять,
И ничтожны пред жизнию быстрой.

С.-Петербург
17-го февраля 1906 г.

IV. ТРИОЛЕТ

Зачем ты говорила: «никогда»,
Когда тебя молил я быть моею.
И, чувство обмануть в себе сумея,
Зачем ты говорила: «никогда»?
Теперь ты говоришь: «твоя всегда»,
И до сих пор понять я не умею:
Зачем ты говорила: «никогда»,
Когда тебя молил я быть моею?

1906

ЭЛЕГИЯ

Я ко всем тебя ревную
И — страдая —
Все печалюсь, все тоскую,
Дорогая.
Все сомнения терзают,
Сушат душу;
Голос тайный напевает:
«Все разрушу...»
Тайный голос, страшный голос,
О, проклятый!
И сгибаюсь, словно колос,
В поле сжатый.

1906

ЦАРЕВНА СУДЫ

Помню я вечер — все в слёзах деревья;
Белой вуалью закрылась земля;
Небо бесцветно. Сижу я над Судой,
Шуму вод чистых с любовью внемля.

Лодка на якоре; в центре я русла;
Жадно смотрю на поверхность реки:
Там, под поверхностью этой стальною
Мнятся мне пальцы прекрасной руки.

Пальцы зовут меня нежным изгибом;
В грезы впадаю... Пред мною дворец;
Нимфы, сирены несут меня ко дну;
Перед царевной встаю наконец.

Эта царевна — из Суды русалка:
Бледное тело, и в страсти глаза;
Губы — магниты; широкие груди;
Нежно-волнисты ее волоса.

Взгляд ее манит... Одно лишь движенье —
Новый оттенок велит отступить...
Новые взоры и — новые чувства:
Хочется плакать, сердиться, любить...

Судская дева мне все ж недоступна,
Хоть и играет порою огнем.
Я очарован, озлоблен и жажду
Думать о призрачном счастье своем.

Я забываю, что я ей не пара,
Что создана она не для меня:
Я — сын свободы, она — дочь неволи:
Мы ведь контрастней воды и огня.

Я постепенно от грез пробуждаюсь,
Снова мечтаю, теченью внемля.
Небо бесцветно; все в слёзах деревья;
Белой вуалью закрылась земля...

1903. 6 августа
Порт-Дальний

ОБМАНЩИЦА-ВЕСНА

Ты помнишь мне в письме дала такой вопрос:
«Что принесет с собой весна? — печаль и горе,
Иль радость светлую, без зла житейских гроз,
Широкую, как степь, безбрежную, как море?..»

Я промолчал тогда, предчувствуя вперед,
Что принесет с собой весна,— цветов царица,—
Я промолчал тогда и ждал, когда черед
Зиму-кудесницу заставит в страхе скрыться.

...И вот весна пришла... Ты счастье получила:
Она тебе его в подарок принесла.
А мне, хотя она могилу посулила,
Но до сих пор ее еще все не дала...

Порт-Дальний
Сентябрь 1903

НЕСБЫТОЧНЫЙ СОН

Ты снилась мне прекрасной, как всегда,
Способной понимать мои страданья.
Я шел к тебе, я звал тебя туда,
Где наяву прекрасно, как в мечтаньи.

Я звал тебя, но зов мой умирал,
Меня за дерзость страшную карая;
Преступник я; тебя я в мыслях звал
Любить в пределах Божеского Рая.

...О если б Он воздал за муки мне
Твою любовь хотя за крышкой гроба,—
Моя душа нашла б покой вполне
От мысли — мне смешно! — «мы любим оба...»

Порт-Дальний
7-го декабря 1903

БЕЗОТРАДНАЯ ЖИЗНЬ

Шесть месяцев прошло уж с того дня,
Как... но зачем?.. Нам то без слов понятно.
Шесть месяцев терзаний для меня
И впереди не мало, вероятно...

И впереди не мало сердца мук;
Подумать страшно,— страшно и ужасно...
Я верю, что любовь моя не звук —
Она безмерна, истинна и властна.

Я верю, что любовь моя — вся власть:
Она неизмеряемая сила...
Та сила меня рушит. Скоро пасть
Под тяжестью я должен... Жди, могила.

Любовь — причина горя и тоски:
Начало слезы, под конец молчанье...
Молчанье статуи, тупое... Столбняки,
Бесчувствие — последствия страданья.

Ужасные последствия... Жизнь, как сон,
Растительная жизнь; мысль без сознанья.
Нет больше слез... Стена со всех сторон
Из тупости, а я... я в этом зданьи...

Я в зданьи тупости... И я... я тоже туп...
Я отупел... О, Боже справедливый!
Нет больше слез... Я мучусь, но я груб...
И муки грубы... тени нет красивой...

И чувства грубы... Но уж чувств-то нет...
О, что со мной...

Порт-Дальний
28-го октября 1903

ПИСЬМО

«Ну, что ты делаешь?» — ты говоришь в письме...
Как тяжело давать ответ мне, дорогая.
Сплошной туман в моем измученном уме,
И в жизни многого уж я не понимаю.

Я познакомился и с горем, и с нуждой,
С житейской прозою в мучительной разлуке,
Я ослабел своей весеннею душой;
Глубоко грудь болит, мои бессильны руки.

И в жизни цели нет, ни жажды, ни борьбы...
Все рухнуло... Ну чем я лучше автомата?
Проклятья грозные пришли сменить мольбы...
Сестра моя, мой друг, о, дай поддержку брату.

О, подбодри меня на трудный жизни путь,
О, приласкай меня, в дорогу отправляя!
А там, измученный, пойду я как-нибудь
Туда, куда ты мне прикажешь, дорогая...

1905

СЕРДЦУ — СЕРДЦЕ

(I—II)

1. ЭЛЕГИЯ

Моими слезами земля орошена
На мысе маленьком при речке быстрой устьи,
Есть там высокая тоскливая сосна,
Есть в песне дерева немало нежной грусти.
Моими грезами впервые создана,
Запечатлелась ты в нежизненном убранстве;
И та высокая тоскливая сосна —
Моя любовь к тебе в священном постоянстве.

1907

2. СТАНСЫ

Ты подошла к волнуемой струями,
Ласкаемой туманами реке;
С раскрытыми отчаяньем зрачками
Ты вспомнила о ком-то вдалеке.
Там кто-то плыл куда-то в мглистой дали,
Кольнула сердце чья-то вдруг тоска.
Застыла ты... Деревья застонали.
Вздохнула ночь. Заплакала река.

1907

3. РЭФРЭНЫ

Держу ли путь зимою в снежном поле,
Плыву ли я в ладье морскою синью,
Мне грезятся мечи щемящей боли
Ее бездонных серых глаз унынья.

Я чувствую, что в этом злобном мире,
В трясине лжи, как смерть, всегда один я;
Что буду петь всегда на слезной лире
Ее бездонных серых глаз унынье.

1907

4. РЕКА ПОЕТ…

Река поет… Порог, обросший мохом,
Как я, угрюм, тосклив и одинок:
Камыш дрожит с печальным тихим вздохом,
Когда его тревожит мой челнок.

Ночь грезит солнцем… Ширь реки мелодий
Чарует ночь и грезящих людей.
Ночь кончит жизнь при солнечном восходе,
Как я, решась назвать тебя своей.

1907

ТРИОЛЕТ

Бывал ли ты в лесах полей —
        Лесах цветов?
Что — голубее? Что — алей?
Все так пестро в лесах полей...
Я хохочу. Я петь готов,
И даже жить мне веселей.
И я пою леса полей,
        Леса цветов.

1909. Июль
Мыза Ивановка

ЗВЕНО ЛЮБВИ

Я разрубил докучный узел,—
И оборвалась наша связь.
Я взмахом этим счастье сузил
И ураганом поднял грязь.

Не измеряй мой шаг позорный
И не ищи любви звена!
Подъем души моей нагорной
Замедлит страшная вина.

1909. Май
Мыза Ивановка

НЕ ВЕРЬ

Не верь, не верь, обманутая мной
Весной
Однажды,
Не утоляй моей порочной жажды.
Пусть стон души, стон каждый
Звучит свирелью кровяной:
Не верь, обманутая мной.

Не верь, но жди. Приду — гони, но верь.
Измерь
Мученье.
Мне сладким будет в скорби заточенье,
И пусть твое презренье
Откроет в злое сердце дверь.
Не верь, не верь... Приду,— поверь.

1909. Май
Мыза Ивановка

СКАЗАНЬЕ НОЧИ

Л. А.

Мне ночь говорила сказанья,
Я смутно ее понимал
И, в бешенстве, все достоянья
Грядущего дня изломал.

Не верил я лживым посулам
Врага — обольстителя — дня,
Пьянея раздольным разгулом,
Рассудок пороком дразня.

Не верил. Но только с зарею
Блеснуло мне солнце, я — вновь
Овеян горячей игрою
Лучей, где сияет любовь.

Уходит с улыбкой презренья
Любовница хитрая — ночь.
Прости меня, день, за сомненья
И мщеньем себя не порочь!

1909. Май 4
Мыза Ивановка

МНЕ ВЕСЕЛО ГРУСТИТЬ...

Мне весело грустить о звонких трелях,
        О майских кликах,
Когда мы просыпались при свирелях
        В лазурных бликах.

Как были хороши тогда улыбки
        На лицах светлых!
Так часто серебрятся в речке — рыбки,
        И росы — в ветлах.

1909. Март

ПРОШЛИ ГОДА...

Тебя мне встретить не хотелось бы,
Когда расстались мы в грозе.
— Живя в избе, я не хотел избы,—
— Слеза растопится в слезе.—

Прошли года. Любовь — забава нам.
И вот опять хочу твой взор.
— Кто шевелился ли под саваном?
— Кто передал ли грез узор?

1909. Июнь
Мыза Ивановка

ФАНТАЗИЯ

Был взгляд ее надменен
И черен, как порок.
Я знал, что слаб и пленен,
Когда скрипел порог.

Бывало: вечер сонен,
Вуалится туман,
Я вижу облик Сонин,
Неясный, как обман.

Придет и сядет: «Здравствуй».
Угрюм я: «В чем нужда?»
— О, милый, не коварствуй,
Что я тебе чужда.

Невольная улыбка
Раскружит губы мне,
Мечта нырнет, как рыбка,
В сердечной глубине.

А дева сладострастно
Прижмется — и возьмет,
Но как — и мне неясно...
Кто знает? кто поймет?

1909. Май
Мыза Ивановка

НЕ ПОНЯТЬ

Отчего ты, дорогая, так ко мне несправедлива?
Отчего ты не простила? не сказала ничего?
Отчего не улыбнулась примирительно-стыдливо?
Отчего же, дорогая, отчего?

Что люблю в тебе — ты знаешь, как люблю,—
тебе известно,—
Почему же мы расстались и обязаны чему?
Наша страсть неудержима, мы сплелись друг
с другом тесно,
Почему ж ты не вернешься? почему?

Ты страдаешь одиноко, я страдаю перед всеми,
Мы не можем жить в разлуке, но не можем —
и вдвоем.
Что за странное проклятье нашей страсти скрыто
в семе?
Никогда,— о, никогда! — мы не поймем...

1909. Июль
Мыза Ивановка

ДИНА

Тридцать весен встречала она,
Отдавалась бесстыдно не раз,
Но была ли хоть раз влюблена,
Влюблена от души, без прикрас?

Отчего так ее я хотел?
Я ведь в ней не нашел ничего,
Кроме жажды познания тел.
Но ее я хотел... Отчего?

Эти шелесты, краски, духи
Опьяняли меня, как толпа,
Распевала Баркова стихи
И была невозможно глупа.

А в дурманной ее красоте,
В дерзких ласках ее и словах
Мой рассудок терялся в правах,
И... сияла она в высоте...

Ноябрь

ЗИНА

Кроткая, ленивая, ласково-покорная,
Скромно-миловидная пошлая мещанка
Не могла увлечь меня вялая, повторная,
В каждом проявлении — скучная шарманка.

Но любил я за город, сев в купэ уютное,
Ездить к ней, затерянной в деревушке малой,
И о ней осталося чувство мягко-смутное,
И о ней с улыбкою вспомню я, пожалуй...

Ноябрь 1909

ТРИОДИССОНА

Но почему так ясны ясени,
Когда ветрит дыханье осени,
Когда в прудах цветенье плесени?

И почему рябины кисточки
Пугают взоры быстрой ласточки
На юг завеерившей перышки?

Не потому ли пред кончиною
Ты, человек, гора песочная,
Меняешь бренное на вечное?

1909. Июль
Мыза Ивановка

NOCTURNE

П. Г. Гаврилову-Лебедеву

Кто был со мною
Вчера при звездах,
Когда сырели
Ковры полей?
Кто цвел луною?
В чьих взорах-гнездах
Сверкали трели
Во тьме аллей?

Была ль загадка
Для сердца ясной?
Быть может, смутно
Я знал: был с кем?
И чья палатка
С каймою красной,
Дрожа уютно,
Звала зачем?

Почем я знаю!
Зачем мне нужно! —
Будь это призрак,
Будь то живой...
Но я страдаю...
Мысль безоружна...
О ты, кто близок,
Чаруй собой!..

1909. Июль
Мыза Ивановка

ГОЛОСОК

Голосок, как колокольчик,
Зазвонил любви слова,
И от гула у поэта
Закружилась голова.

Все могло бы быть так мило,
Но разбито пустячком:
Голосок, твой колокольчик,
Вяло двигал язычком.

Но и вышло очень скучно...
Голосок, ты — дурачок:
Тем приятней колокольчик,
Чем резвее язычок...

1909. Октябрь

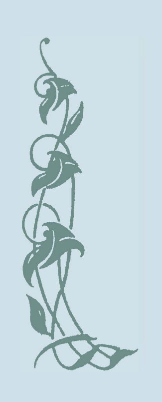

А ВСЕ ВМЕСТЕ...

Голосок твой — серебристый колокольчик,
А глазята — лиловатые прудки...
Уст жемчужные улыбки — коротки,
И не счесть твоих волос веселых кольчик.

Губки? губки — две пушистые малинки,
И чело — равнина снежной чистоты.
Брови? брови — это в мир чудес тропинки,
А все вместе... а все вместе — это ты!

1909. Октябрь

У ГОРОШКА

Там, где кружатся кузнечики
У душистого горошка,
Поцелую крошку в плечики,
Засмеется тихо крошка.

Обоймет руками смуглыми,
Расцелует прямо в губы.
Над прудами влажно-круглыми
Нам свиданья эти любы.

1909. Июль
Мыза Ивановка

НО ЗАЧЕМ?

И в каштановых волнах прически,
И в бутоне прищуренных губ
Мне сквозят голубые наброски,
Что влюблен и, мне кажется, люб.

Но зачем бирюзятся зигзаги
Этих ясных, доверчивых глаз:
Избегают ли ясности влаги,
Или прячут свой девственный сказ?

1909. Март

ЛЮБИТЬ РАДИ ЛЮБВИ

О, если б ты умела
Любить ради любви,
И мне сказала смело:
«Мужайся и живи».

Я стал бы жить, пожалуй,
Свободней и живей...
О, друг мой, мозг усталый
Мне ласкою овей.

Но ты в ответ немела,
Был сон в твоей крови...
Нет, нет, ты не умела
Любить ради любви...

1909. Май
Мыза Ивановка

УВИДЬ...

Увидь меня близким и любящим,
Под ветхим, изодранным рубищем,
Дай слезы мои с твоим хохотом слить.
Ты видела гордого, смелого,—
Увидь же теперь запустелого...
Увидь...

1909

ОНИ ПОЮТ

МИНЬОНЕТ

Они поют, вершины эти,
Они поют, они поют!
Опять тоскуют о поэте
И обещают свой приют.
Я слышу в липовом дуэте
Мечте обещанный уют.
Они поют, вершины эти,
Они поют, они поют...

1909

КАК КОШЕЧКА

В ее устах томилася малина,
В ее глазах смеялись васильки,
А по ночам синели угольки...
Она была изящна, как Филина.
Она была как кошечка. «Кис-кис»,
Хотелось ей сказать, ее лаская.
В ее фигурке хрупкость восковая,
В ее душе — величие Балькис.

1909

ЛЮБИЛА

Любила... Но что это значит?
Да, что это значит — любила?
Откуда узнал я? Не знаю...
Но знаю, что это так было...
Мы счастливы были... Что значит —
Мы счастливы были? Пойми-ка!
Но помню: при ней жизнь и солнце,
А нет ее — жутко и дико...

1909

ЖЕНЩИНА В ТЮЛЬБЭРИ

Она приезжала ко мне в голубом тюльбэри,
Когда утопленное солнце сменялось луною.
Встречал ее конюх, приняв от нее: «убери».
Она поспешала скорей повидаться со мною
И быстро взбегала, заставив шептаться батист,
На темный балкон, проходила поспешно вдоль зала
И — в мой кабинет. Улыбалась, как тонкий артист...
А сердце любило, хотя о любви не сказало!
Стихала в дверях. Я перо оживлял за столом,
Рисуя мгновенье... Глаза наслаждались глазами...
Затем подходила, склоняясь высоким челом,
И целовал ее губы, сверкая слезами.
Мы с ней говорили не много: зачем нам слова,
Когда мы сольемся в молчаньи чудесней и краше?
Я пил эти губы... Она успевала едва
Наполнить их страстью и вновь подносила, как чаши...

1909

ВСЕ ГЛУШЕ ПАРК...

А. И. Лопатину

Все глуше парк. Все тише — тише конь.
Издалека доносится шаконь.
Я утомлен, я весь ушел в седло.
Май любит ночь, и стало быть — светло...
Я встреч не жду, и оттого светлей
И чище вздох окраинных аллей,
Надевших свой единственный наряд.
Не жду я встреч. Мне хорошо. Я рад.
А помнишь ты, усталая душа,
Другую ночь, когда, любить спеша,
Ты отдавалась пламенно другой,
Такой же пылкой, юной и родной?
А помнишь ты, болезная моя,
Какой голубкой грезилась змея,
Как обманула сердце и мечты?
Нет, не могла забыть той встречи ты.
Май любит ночь, и стало быть — светло...
Качает сон, баюкает седло.
Блуждает взор меж лиственных громад,
Все глуше парк,— все тоньше аромат...

1910

В АВГУСТЕ

Есть в тихом августе, мечтательном и кротком,
Такая мягкая, певучая печаль,
Что жаль минувшего, мелькнувшего в коротком,
Что сердце просится: «к забвению причаль».
Мне вспоминаются, туманны и бессвязны,
Обрывки августов, их встречи, их уход...
И для души моей они однообразны,
Как скалам озера — проплывший пароход...

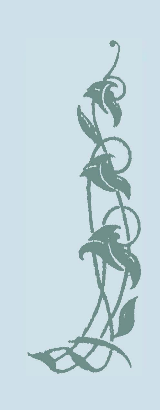
1909

САМООБМАН

Я писал ей вчера,— робко, слезно просил,
Если можно, зайти вечерком —
Потому что забыт, потому что нет сил,
Потому что я плачу тайком.
И я знал, что она приласкает, я знал,
Что не будет фальшивым порыв.
Ах, от сердца письмо — это к счастью сигнал,
На него не ответить — разрыв.
...Не пришла,— побоялась... Чего же, чего?
Откровенно любить и... спасти?
Душно... слезы... люблю... все пройдет... ничего...
Пошутила... ошибся... прости...

1908

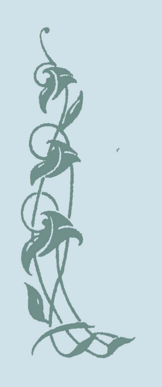
Я ИДУ

Вглубь извилистой тропинки
Я иду из пустоты
Поля снежного. Цветы
Мая сердца пьют росинки.
Грезы вьются, как снежинки,
И снежинки, как мечты.

Я иду в дремоту леса
Бредить сказкою небес,
Сказкой той, что бредит лес,
Как невинная принцесса.

День был хмур, угрюм и гневен;
Ночь спустилась на поля;
Звезды — точно рой царевен,
А рабыня их — земля...

1908. Октябрь. СПб

ЛАНДШАФТ

Глушь, северная глушь — как скорби изваянье —
Способна вдохновить не мало гордых душ
И залечить порыв душевного страданья.
Глушь, северная глушь.

Снег бледный, как лицо покойника, холодный...
Со дня рождения он — старец,— словно век:
Такой же он немой, осмысленно бесплодный,
Бездушный бледный снег.

И в снежных берегах стеклянное теченье
Чарующей раздолием реки...
О, если б знала ты, как эти впечатленья
Душе моей близки!

1907. Февраль
Мыза Ивановка

ЖАЖДА ЖИЗНИ

Жизни — в полном смысле слова!
Жизни дайте — умоляю.
Вихря жизни! Жизни снова!
Жизни, жизни я желаю!
Задыхаюсь... Жизни больше!
Жизни, сколько капель в море.
Жизни бездну! Жизни столь же,
Сколько в мире зла и горя!..

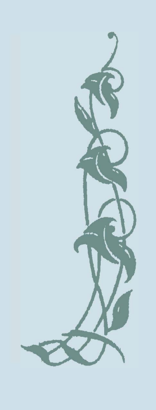
1903. Порт-Дальний
Квантун

СОНЕТ

В томящих сумерках увидел этот свет,
В томящих сумерках влачил существованье...
Никто не понимал души моей страданья,
Никто на мой вопрос мне не давал ответ.
Живу немного я, но в веренице лет
Томящих сумерек я знаю прозябанье;
Блестящих, ясных дней не помню я сиянья;
И были ли они?.. теперь их больше нет.
О, скорбь души моей, мятущейся, бессонной,
В томящих сумерках заглохшей и больной,
Как ненавистен мне твой облик бледно-тонный,
Безгранно близкий мне, до странности чужой...
В томящих сумерках вступал на путь земной,
Услышу в сумерках напев я похоронный...

1907. Апрель

СТРАДАТЬ...

Страдать, страдать... Но это ведь ужасно,—
Вчера, сегодня, завтра и — всегда.
Страдать — как жить: вседневно, ежечасно...
Иль разом никогда...

Пусть разум мой решит,— есть два исхода:
Коль жить нельзя, зачем существовать?
Нет, нет. Во имя светлого восхода
Рискну еще страдать!

1907. Апрель

МНЕ ТЯЖЕЛО

Мне тяжело. Унынье без просвета,
Когда-то в сердце бедное легло.
Душа моя любовью не согрета.
Мне тяжело.

Мне тяжело. Не надо мне причины.—
Пусть в жизни мне упорно не везло,
Пусть я погряз в болоте злобной тины.—
Мне тяжело.

Мне тяжело. Что с сердцем — сам не знаю,
Теченьем жизни радость унесло,
И что надежду в счастье я теряю —
Мне тяжело.

УШЕДШАЯ ВЕСНА

Лазоревые цветики, порхающие ласточки,
Сияющее солнышко, и небо, как эмаль.
О, дни мои прекрасные! О, дни мои счастливые!
Как вас вернуть мне хочется! Как искренно
вас жаль!
Далекое! минувшее! высокое! волшебное!
Красавица, будившая любовь в душе моей.
Улыбки, слезы чистые, молитвы и рыдания.
О радости бывалые! О бури вешних дней!
Где вы, брильянты юности? Зарницы грез
пленительных?
Любовь благоуханная? Чарующие сны?
Где ты, моя желанная, божественная, светлая?
О, где ты, вдохновение умчавшейся весны!

1906

СТАНСЫ

Не высказать ничтожной речью
Величья ледяной тюрьмы.
Но, друг мой, сколько красноречья
В молчаньи северной зимы.

Не описать бесцветным словом —
Как жизнь прекрасна и ясна,
И сколько счастья, друг мой, в новом
Краю любовно даст она.

МЕЛОДИИ «ИДЕАЛЬНОЙ ИДИЛЛИИ»

I. ЭЛЕГИЯ

Шумит, шумит падучая стремнина;
Бежит, бежит зеленая волна;
А я стою в раздумьи у плотины,
И ночь, как я, тоской упоена.
Мой взор плывет на водные равнины
В тумане слез; но мысль моя ясна
И глубока — как шумная стремнина,
И рвется вдаль — как звонкая волна.

Летят, летят и месяцы, и годы;
Живут, живут бессчетные века
Всегда везде несчастные народы,
И их удел, как всех людей — тоска.
Живут — грешат пигмеи, исполины;
Но час придет,— и доля всех равна —
Как брызги волн, что мечет вширь стремнина,
И — как волне беспечная волна.

1908

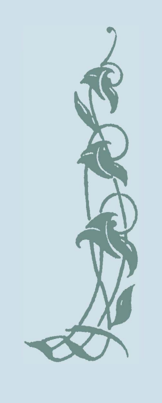
II. ТЫ, ВЕРОЯТНО, ПОМНИШЬ...

Ты, вероятно, помнишь, да и забыть могла ли,
Хотя бы и старалась навеки позабыть
Те вечера и ночи, когда с тобой мечтали —
И как с тобой мечтали счастливыми мы быть!

Ты, вероятно, знаешь, да и не знать возможно ль,
Хотя бы и хотела ты этого не знать,—
Что я виной несчастью... Но ты-то, ты тревожно ль
Относишься, что стражду и буду впредь страдать?

Ты, вероятно, веришь, да и не верить странно,
Хотя бы и не верить отраднее подчас,—
Что встреча наша мною так пламенно желанна,
Что в этот час — прощенье, а нет,— мой смертный
час...

1908

ДУЭТ ДУШ

Как арфа чуткая Эола
Поет возвышенный хорал,—
Моя душа пропела соло,
Рассвету чувства мадригал.

Тобой была ли песня спета,
Споешь ли песню эту впредь,—
Не мог дождаться я дуэта
И даже мыслил умереть.

Но я живу... С тех пор красиво
Мной спето много песен дню;
Лишь песнь рассвету чувств ревниво
Я в тайнике души храню.

Я увлекался, пел дуэты,
Но вскоре забывал мотив,
Мелодий первого обета,
Страданий первых не забыв.

Сестре раскрылася могила
В июньской шелковой траве,
И сердце мне захолодило
Предчувствие, что будут две.

Уйду... и скоро, веря свято,
Что ты над грудою песка
Споешь мотив, тоской объята,
И будет долгою тоска.

Но возрождением мотива,
Хотя и поздним (ну, так что ж?..)
Ты беззаботно и счастливо
В эдем прекрасный перейдешь.

И там душа — раба обета
И чувства первого раба —
С твоей сольется для дуэта,
Как повелела ей судьба.

1907

ТЫ ВОШЛА...

Ты вошла в кабинет неожиданно,
Упоительно снова обрадовав...
Твое сердце давно мне разгадано,
Но тобой его тайна не выдана.

Рассказать ли про все, что мной видано?
Рассказать ли?.. Но лучше — не следует.
Часто море кипенья не ведает,
А глядишь — вспыхнет шторм неожиданно.

1909
Декабрь, 6

ЛЕТОМ

Студеной синью блещет озеро,
Знобя полдневные лучи.
Рой бархатистых пчелок, к розе рой
Стремясь, гуторит, как ключи.
Над малахитовою лужею
Жужжит комар, заворожен.
Мой жаркий взгляд щемящей стужею
Твоих очей расхоложен.

1909

НЕ БУДЕТ ОПЯТЬ...

Ты всегда с голубыми очами
Приходила ко мне ночевать...
Это было так сладостно-больно,
Но не будет, не будет опять.
И порхали мгновенья-стрекозы,
Приседая к заре на цветок.
Мы любили, хотели друг друга...
Ты близка, но теперь я далек.
Да, не ты далека: ты все та же,
Как желанье, покорная мне...
Это было так сладостно-больно,
Это было всегда при луне...

1909

ОТЧЕГО?

Отчего снег бесследно пропал,
И ручьи отчего потекли?
Отчего соловей засвистал,
И цветы отчего зацвели?

Отчего лес оделся в листву,
И влечет меня зелень в него?
Отчего я дышу и живу
Так привольно?.. зачем! отчего?

Отчего так внезапно весь мир
Пробудился от долгого сна?
— «Отчего? — прошептал мне зефир,—
Оттого, что настала весна».

1904

ЗАРЯ ВОСКРЕСА

Воскрес любви зарей Воскреса!
Я, умиленный без мольбы,
С зарею жду Господня взвеса
Моей трагической судьбы.

Оркестр любви — в груди, как прежде,
И вера — снова лейт-мотив.
Я верю будущей надежде,
Что ты вернешься, все простив.

Я спать не лягу в ночь святую
И до зари колоколов
Я буду ждать тебя, простую,
Мне все сказавшую без слов.

Едва блеснет на небе марта
Воскресный луч, воскресный диск,
Предскажет сердце, точно карта,
Что наступил последний риск.

И грянут гимн во храмах хоры,
И запоют колокола,
Зовя на солнечные горы,
Где высь близка и весела.

Я буду знать, внимая пушке,
Что Он незримо снова тут,
И лица в праздничной опушке
Природы раньше расцветут.

Я подойду тогда к воротам
И распахну их широко,
И ты войдешь к моим заботам,
Желая твердо и легко.

О, долгожданное мгновенье,
В святую ночь — твоя пора...
Прощен, кто верит в воскресенье
Любви, прощенья и добра!

1909
Март, 28

ВЕДЬ В ДВЕНАДЦАТЬ ЧАСОВ...

Я хотел бы тебе рассказать,
Как мне страшно в старинном дворце,
Рассказать тебе все, но молчать
Я обязан с мученьем в лице...
Но когда бы тебе рассказать!..

Ты мне можешь не верить, мой друг,
Что червями исползан покой,
Что в углу притаился паук,
Весь кровавый паук — вот какой!
Но попробуй поверить, мой друг...

А в двенадцать часов... не могу...
Не могу продолжать, извини...
Для бессмертья я смерть берегу...
Ах, зачем прекращаются дни:
Ведь в двенадцать часов... не могу!..

1909. Июль
Мыза Ивановка
Дворец

КРАСНЫЙ ЖАСМИН

— Ты меня целовала в жасмине...
— ...Одуванчик мечтал об измене...
— ...На цветах стрекозовые тени...
— ...Дай припомнить: все озеро — в тине...
— ...Подожди... Шаловливые рыбки...
— ...А еще?.. змеи дерева крепки...
— ...И... ты, помню, бледнела от счастья...
— ...Как краснею теперь от бесчестья.

1909. Декабрь

ПОЗДНЕЙ ОСЕНЬЮ

Посв. К. Ф. и И. Д.

Болела роща от порубок,
Душа — от раненой мечты.
Мы шли по лесу: я да ты,
И твой дубленый полушубок
Трепали дружески кусты —

От поздней осени седые,
От вешних почек далеки,
Весною — принцы молодые,
Порой осенней — голяки.
Уже зазвездились ночные
Полей небесных светляки.

Уже порядком было снега,
Хрустели валенки в снегу,
Мы шли, а нам хотелось бега
Под бесшабашную дугу.

Люблю дугою говорливой
Пугать лесов сонливых глушь!
На тройке шустрой и сварливой
Ломать кору дорожных луж!
Эх-ма... В душе моей гульливой
Живет веселый бес — Разрушь.

Эй, бес души, гуляй, найди-ка,
Найди-ка выход для проказ!
Давай посулы напоказ!
Но бес рыдал в бессилье дико,
И жалок был его приказ.

А мы все шли, все дальше, дальше,
Среди кустов и дряблых пней,
Стремясь уйти от шумной фальши,
Дыша свободней, но больней.

...Присел ты, мрачный, на обрубок
Червями съеденного пня...
Стонала роща от порубок,
Душа — от судного огня...

20 ноября 1909

ТЕРЦИНА

Люблю в туман осенних вечеров
Мечтать с тобой в избушке в сердце леса,
Смотря на печь, на агонию дров.

Из уст моих плывет за пьесой пьеса,
Гремят пред нами оргии пиров,
Как наяву. Пятою Ахиллеса

Шагает впечатление. Нам кровь
Волнует взор то ангела, то беса.
О, сколько вечера дают даров!

И сколько чувств! И сколько интереса!
Деревня спит. Молчание дворов
Пугает нас. Глядит из-за навеса

Сквозь темноту ряд туловищ коров.
Нам тяжело от тяжести их веса...
Восток далек. Пока под звездный кров.

В постели мы. Но долго поэтесса
Еще нам шепчет много тайных строф,—
И в них я — принц, а ты — моя принцесса.

1909. Ноябрь

ТЕБЕ Я ВЕРЮ ИНОГДА...

Ты, может быть, меня и любишь,
Я в это верю иногда,
Но никогда не приголубишь
И не отдашься никогда.

Ты никогда мне не раскроешь
Своей причудливой души,
Но от меня любви не скроешь,
Как чувство там ни придуши.

Твоя любовь — как на ладони:
Пожатье плеч, холодный тон,
Уста в прищуренном бутоне —
Все это верный камертон.

С тобой тепло, уютно, славно
Играть до утренней поры,
Твоя игра, дитя, забавна,
Но берегись такой игры!

1909. Ноябрь

ПЕРЕКАТ I

На кладбище, на родственных могилах,
Для всех живых далекий и чужой,
        В ее глазах, доверчивостью милых,
Я отдыхал усталою душой.

        В ее глазах, доверчивостью милых,
Я находил забвенье и покой
И от людей вдали, людей постылых,
Я оживал под нежною рукой.

Вся жизнь моя, весь дальний путь земной —
        В ее глазах, доверчивостью милых...
«О не грусти о притупленных силах»,—
Мне голос пел, спокойный и грудной.

Я приникал к ней, близкой и родной,
Среди крестов, на вянущих могилах,
И плакал, плакал, веря ей одной,
        У глаз ее, доверчивостью милых...

1909

ОСЕННЯЯ ЭЛЕГИЯ

Посв. П. М. Кокорину

Сердцу больно-больно,
Сердце недовольно,
Жалобно так плачет,
Стонет и болит.
Осень грустно-грустно,
Нагибаясь грузно,
В сад вошла, и значит —
Будет сон разлит.

Где вы, краски лета?
Скоро вид скелета
Примет сад певучий,
Теплый и цветной.
Выйду я, горюя,
В сад и посмотрю я
Листьев дождь летучий,
Скорбному родной.

1909

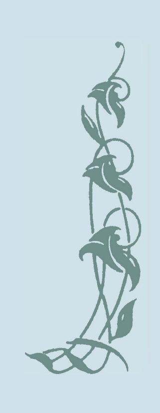

СИРЕНЕВЫЙ НОКТЮРН

Инстассе

В твоем саду вечернем бокальчики сирени
Росою наполняет смеящийся Июнь,
И сердце утопает в мелодиях курений,
И сердце ускользает в развеенную лунь.
Меня ты клонишь в кисти, расцветшие лилово,
Захлебывая разум в сиреневых духах.
Истомно отдаваясь, растаявая слово,
Тобою наслаждаюсь, целуя впопыхах...

1910. Март

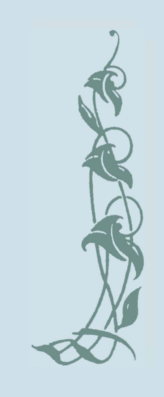
ГАТЧИНСКАЯ МЕЛЬНИЦА

Неумолчный шум плотины;
Пена с зеленью в отливе;
Камни — в ласке теплой тины;
Ива, жмущаяся к иве;
Государя домик низкий —
Пункт во дни его охоты —
Спит у быстрой речки близкой,
Мрачно хмурясь отчего-то;
Историческое зданье
Над рекой стоит убого;
Зданье знатно по преданью,
Стариною зданье строго.
Спеет в холоде крокетус —
Диссонанс унынья фону;
Добродушно смотрит Термос,
Встав на ржавую колонну.
Не в сверкающем чертоге
Он поставлен,— у плотины
На проселочной дороге,
Встарь, во дни Екатерины;
Вея прошлым, бюст чугунный
Выделяется в ракитах;
Он причудлив ночью лунной
В ветвях, инеем повитых.
В старой мельнице колеса
Воду пенят равнодушно.
Здесь рождаются вопросы,
В голове теснятся дружно.
Здесь, где все так элегично,
Так пустынно, одичало,
Мысль с природой гармонична,
И для отдыха — причалы;
Здесь, где веяньем культуры
Не всколышены ракиты,
Где избушки дремлют, хмуры,
Здесь идеи не убиты.
Приходи, усталый духом
Брат, изверившийся в счастье,
И лови здесь чутким слухом
В шуме вод слова участья;
Приходи, ослабший верой
В солнце, в утренние зори,

Приходи и вникни в серый
Колорит — целитель горя.
Исцелишься от кручины,
Наберешься сил счастливых
Под глубокий шум плотины,
Под напевы ив тоскливых.

1907

ПО ВЛАДЕНИЯМ КУЧУМА

1. НА УРАЛЕ

Чернозем сменился степью,
Необъятною для взора;
Вдалеке синеют цепью
Разновидной формы горы.

Все покрыты травкой свежей
Скаты древнего Урала;
Взглянешь вправо, влево — те же
Содержатели металла.

Много речек и потоков
Вдоль по скатам вниз стремятся,
Средь деревьев и порогов
Воды их в горах теснятся.

Там покрытые хвоею
Появились пихты, ели,
И одеждою седою
Кедры-старцы засерели.

Горы круче, горы выше;
А в горах теснятся робко,
Льются речки; вправо ближе
Александровская сопка.

Неуклюжей пирамидой,
С виду пасмурной и темной,
Лесом изредка покрытой,
Сопка кажется огромной.

Вот и воды Сыростана
Миновали мы два раза,
Там бледнеет гладь Атляна,
А за ней простор Миаса.

Вот Ильменские отроги,
Пресноводные озера,
Те же реки, те ж пороги,
Те ж долины, те же горы.

1903. Порт-Дальний

2. ОКОЛО ИРТЫША

Местность вкруг уныла, скучна:
Тундра, кочки и болота —
Перед взором безотлучны...
Жизнь без шума, без заботы.

Я завидую той жизни
Средь глуши в уединеньи:
Здесь не слышно укоризны,
Злого слова, оскорбленья.

Нет здесь лжи несправедливой,
Нет здесь зависти и злобы,
В этой тундре молчаливой
Веет прелестью особой.

Едем дальше. Вечереет.
Средь прибрежного камыша
Плавно льются и чернеют
Воды мутного Иртыша.

Я смотрю на эти воды,
Что текут, как будто, в мире —
Воды взяли воеводу,
Победителя Сибири.

Я смотрю, припоминая
Славный облик атамана,
Что фантазия, играя,
Создает в фате тумана.

Уж Иртыш остался сзади,
Уж тайга сменила тундру,
Спит природа вся в прохладе;
Через Обь поедем к утру.

Вкруг тайга мрачна, угрюма.
Поезд наш ползет лениво.
Царство, бывшее Кучума,
Живописно и красиво.

1903. Порт-Дальний

3. ОЗЕРО БАЙКАЛ

Зеленая вода в высоких берегах,
И берега вокруг, подернутые мглою.
Вершины темных гор виднеются в снегах
И грозно высятся над чистою водою.

Какой кругом простор! Какая ширина!
Как воздух чист и свеж! как озеро спокойно!
Какая мертвая, холодная весна!
Как дышится легко! Как сердце бьется стройно!

Святое море спит... Воды зеркальна гладь;
Местами только лед покоится на водах;
Не может сразу взор картины всей обнять,
И даль теряется вдали на неба сводах.

А в горах глухо ветр порывисто гудит;
Тоскливый шум его в ущельях замирает;
В прозрачном воздухе Святое море спит;
При солнце северном гладь озера сверкает.

1903. Июнь
Порт-Дальний

НОЧНАЯ ПРОГУЛКА

ЭСКИЗ

Прозрачный небосклон далекого Востока
Сменяет ночи тьма, мертвя собой жару.
Я шляпу легкую и плащ с собой беру,
Дышу прохладою живительной глубоко.

Вдоль улиц города, среди китайских фанз,
Коттэджей в зелени, залитых ярким светом,
Иду вперед, и родины приветом
Меня дарит знакомый мне романс.

А вкруг клокочет жизнь: гуляют пешеходы;
И рикши грязные, согнувшись до горба,
Бегут рысцой; шумят залива воды;
Да где-то вдалеке с тоской скрипит арба.

1906

СИРИУС

ИНТРОДУКЦИЯ

Ты, человек, клянущий небеса,
Клянущий землю, плаху вечной казни,
Пойми меня; о, что за чудеса —
Снега — снега — снега... И гасни... гасни...

ИЗ ЦИКЛА «СИРИУС»

ВТОРОЙ СОНЕТНЫЙ ВАРИАНТ

Я пристаю на легком корабле
К планете льда, сверкательной как сабли.
Что пред моим судном все дирижабли,
Созданья рук живущих на земле?
Какой мороз! Тому, кто жил в тепле,
Не вытерпеть брильянтовых иголок,
Но я рожден на севере — я колок,
Как сам мороз, запрятанный в игле.
Встречает ночь,— светла и голуба,—
Там ночь всегда, там солнце не знакомо...
Я познаю, что я теперь лишь дома...
Я рад, я горд. Прощай, земля-раба.
Я превращу теперь в ничто корабль,
Моим безумьям верный дирижабль.

1909. Декабрь

ИЗ ЦИКЛА «СИРИУС»

НА СИРИУСЕ

Снега — снега... Снега — снега — снега...
На них растет так тихо-тихо замок.
Иду, иду... Чуть звякает нога...
Сапфирный тон чуть льется из-за рамок.
Какая тишь! Какая пустота!
За залом зал сияние немое...
О, лишь в таком палаццо Простота
Достойна жить, себя безлюдьем моя!..
За залом зал меня рисует пол,—
Он золотисто-зеркально опалов.
Мой шаг земной тут легок, как Эол,
И каблуки звенят, как тост бокалов.
Иду, иду... Чуть звякает нога.
Снега — снега... Снега — снега — снега...

1909. Декабрь

МУЗА

Волнистый сон лунящегося моря.
Мистическое око плоской камбалы.
Плывет луна, загадочно дозоря
Зеленовато-бледный лик сомнамбулы.

У старых шхун целует дно медуза,
Качель волны баюкает кораблики,
Ко мне во фьорд везет на бриге Муза
Прозрачно-перламутровые яблоки.

В лиловой влаге якорь тонет... Скрип.
В испуге колыхнулась пара раковин,
Метнулись и застыли стаи рыб,
Овин полей зовет и манит в мрак овин.

Вот сталью лязгнул бриг о холод скал,
И на уступ спустилась Муза облаком.
Фиорд вскипел, сердито заплескал
И вдруг замолк, смиренный строгим обликом.

Она была стройна и высока,
Как северянка, бледная и русая,
Заткала взор лучистая тоска,
Прильнув к груди опаловою бусою.

Нет, в Музе нет античной красоты,
Но как глаза прекрасны и приветливы!
В ее словах — намеки и мечты,
Ее движенья девственно-кокетливы.

Она коснулась ласково чела
Устами чуть холодными и строгими
И яблоки мне сыпать начала
Вдохновлена созвездьями высокими.

К лицу прижав лицо, вся — шорох струй,
Запела мне полярную балладу...
О Муза, Муза, чаще мне даруй
Свою неуловимую руладу.

И яблоко за яблоком к устам,
К моим устам любовно подносила.
По всем полям, по скалам и кустам
Задвигалась непознанная сила.

Везде заколыхались голоса,
И вскоре в мощный гимн они окрепли:
Запело все — и море, и леса,
И даже угольки в костровом пепле.

А утром встал, под вдохновенья гром,
Певец снегов с обманчивой постели,
Запечатлев внимательным пером
Виденья грез в изысканной пастэли.

1909. Октябрь

«ОНА ОСЧАСТЛИВИТЬ ЕГО ЗАХОТЕЛА...»

ПОВЕСТЬ

Любовь к женщине! Какая бездна тайны!
Какое наслаждение и какое острое, сладкое сострадание!

А. Куприн («Поединок»)

1

Художник Эльдорэ почувствовал — солнце
Вошло в его сердце высоко; и ярко
Светило и грело остывшую душу;
Душа согревалась, ей делалось жарко.

2

Раздвинулись грани вселенной, а воздух
Вдруг сделался легче, свободней и чище...
И все-то в глазах его вдруг просветлело:
И небо, и люди, и жизнь, и жилище...

3

Напротив него жила женщина... Страстью
Дышало лицо ее; молодость тела
Сулила блаженство, восторги, усладу...
Она осчастливить его захотела...

4

Пропитанным страсти немеркнущим светом,
Взглянула лишь раз на него она взором,
И вспыхнули в юноше страсти желанья,
И чувства восторгов просить стали хором.

5

Он кинулся к ней, к этой женщине пылкой,
Без слова, без жеста представ перед нею,
И взгляд, преисполненный царственной страстью,
Сказал ей: «Ты тотчас же будешь моею!..»

6

Она содрогнулась. Сломалась улыбка
На нервных устах, и лицо побледнело —
Она испугалась его вдохновенья,
Она осчастливить его захотела...

7

Она осчастливить его захотела,
Хотя никогда его раньше не знала,
Но женское пылкое, чуткое сердце
Его вдохновенно нашло и избрало.

8

Что муж ей! что люди! что сплетни! что совесть!
К чему рассужденья!.. Они — неуместны.
Любовь их свободна, любовь их взаимна,
А страсть их пытает... Им тяжко, им тесно...

9

И молнией — взглядом, исполненным чувства
Любви безрассудной, его подозвала...
Он взял ее властно... Даря поцелуи,
Она от избытка блаженства рыдала...

10

Так длилось недолго. Она позабыла
И нежные речи, и пылкие ласки,
Она постепенно к нему остывала,
А он ей с любовью заглядывал в глазки.

11

А он с каждым днем, с каждым новым свиданьем,
С улыбкою новою женщины милой,
Все больше влюблялся в нее, ее жаждал,
И сердце стремилось к ней с новою силой.

12

Ее тяготила та связь уже явно,
И совесть терзала за страсти порывы:
Она умоляла его о разлуке,
Его незаметно толкая к обрыву.

13

Она уж и мненьем людей дорожила,
Она уж и мужа теперь опасалась...
Была ли то правда, рожденье рассудка,
Иль, может быть, в страхе она притворялась?

14

Вернулся супруг к ней однажды внезапно.
О, как его видеть была она рада...
Казалось, что только его ожидала,
Что кроме него никого ей не надо...

15

А бедный художник, ее полюбивший
Всем сердцем свободным, всей чистой душою,
Поверивший в чувство магнитного взора,
Остался вдвоем со своею тоскою.

16

И часто, печально смотря на окошко,
Откуда смотря, она им завладела,
Он шепчет с улыбкой иронии грустной:
— «Она... осчастливить меня захотела...»

1905

ИХ ВСТРЕЧА

ДРАМАТИЧЕСКАЯ ПОЭМЕТТА

Зое О-вич

Она

Что скажете?..

Он

Все то же, что всегда:
Я Вас люблю.

Она

Но это мне известно,
И знаете,— не интересно мне...

Он

Пускай. Готов, как прежде, на страданье
Безмолвное; на многое готов.

Она

На многое... О друг мой, на словах —
Мы рыцари, а иногда и боги...

Он

А иногда, к несчастью, мы ничто...
Но не всегда мы в этом виноваты,
И не всегда мы можем проявлять
Все мужество, весь пыл и благородство
Своей души, священной, как Синай.

Она

Однако, Вы, я вижу, вдохновенны...
Но не у всех великая душа,—
Вы увлеклись...

Он

Нисколько. Повторяю:
Я то сказал, что я желал сказать —
Душа есть луч Единственного Духа,
Источника сиянья и тепла,
Прекрасного уже своим бессмертьем,
Которого зовем мы Божеством.
А может ли быть грязным луч — от солнца,
От Божества спускающийся к нам?

Она

Итак, душа есть луч Святого Духа?
Согласна я; но вот что странно мне:
Как этот луч способен ослабеть,
Впитать в себя земной порок и злобу
И не сиять, а тлеть, как уголек?
Вот что меня смущает. Отвечайте.

Он

Скажите мне: когда-нибудь в болоте
Вы видели потопленное солнце?
Не делалось ли жутко Вам? Но взор
Направив в высь, Вы видели... другое.
Спеша улыбку вызвать на уста
И свой минутный страх, как сон, развеять,
Вы убеждались сами, что оно,
Светило дня, корона мировая,
Не создано быть жертвою болот...
Но в плесени блуждавшие лучи —
Не правда ли, не — украшали плесень?
Наоборот, озарена лучом,
Гладь мутных луж отталкивала взоры
И, остывая в предзакатный час,
Дышала ядовито и опасно,
Дурманя грудь туманом. Это так?

Она

Все ясно мне и это все прекрасно.
Всему виной земная оболочка,
Негодная для таинства души.
Душа всегда останется душою —
Прекрасною, лучистой и живой...
Но человек, от разума безумный,
Спешит умом святыню осквернить:
Из этого что следует? — что разум
Властней души, раз царствует порок?..
Но это не ужасно. Вы поймите
И я права, сказав, что человек
По существу — порочен и бессилен...

Он

О нет! О нет! Неправы Вы, о нет!
Поверьте мне: душа сильней рассудка.
В конце концов она восторжествует,

В конце концов возьмет победный верх,
Но весь вопрос: где только это будет —
Здесь, на земле, иль после где-нибудь?

Она

Но солнце-то, гостящее в болоте,
Уродует его, я поняла?

Он

Но это ведь наружное уродство...
Так видит созерцатель; между тем,
Подумайте, какое бы несчастье
Произошло с болотом, если б луч
Не посещал его, собой не грея:
Болото бы задохлось от себя!
И если нас теперь оно тревожит,
В закатный час туманами дыша,
Струя нам в грудь проклятье испарений,—
То каково бы было человеку,
Когда б светило пламенного дня
Не погружало луч свой златотканный
В сырую мглу стоячих, тленных вод?..

Она

Утомлена. Оставим эту тему:
Есть что-то беспощадное во всем,
Где разумом желаем мы проникнуть
В непостижимое и тайну разгадать.
Мы отвлеклись от главного...

Он

От страсти
И от любви моей мы отвлеклись.

Она

Опять любовь. Но это, право, скучно;
Хотя, хотя...

Он

Вы любите меня.

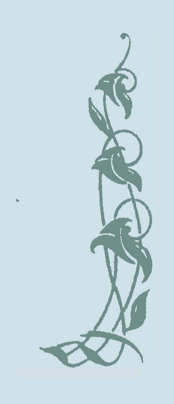
Она

Нет, не люблю. Однако, отчего Вы
Так думали? Ваш убежденный тон —
Я сознаюсь — меня интересует
И несколько смущает...

Он

О, дитя!
О, девочка, с лукавою улыбкой,
Как ты мила в наивности своей!

1910. Лето. СПб.

ВТОРАЯ СИМФОНИЯ

1. ОКТАВА

Когда в апреле поля воскресли
От летаргии пустых снегов,
Элеонора смотрела в кресле
На пробужденье своих лугов —
И умирала... «А вдруг? а если?»
Хотелось верить... Как на врагов,
Она смотрела на маргаритки...
А силы чахли... а грезы прытки...

2. ТРИОЛЕТ

И умиравшая на литургии
По тихо канувшей Зиме,— ворон
И тьмы сообщнице,— как в летаргии,—
Княжна услышала на литургии
Напевы жуткие и похорон
Своих подробности — со всех сторон.
Княжна заплакала на литургии
По тихо канувшей душе ворон.

3 ПРОСТО ПОЭЗА

Как тяжело, как грустно умирать,
Когда душа наряжена апрелем,
Когда цветет земля, дурманя прелем,
Когда леса уже не мумий рать.
Как он хорош, застенчивый шумок
Апрельских трав и веток сочно-скользких!
Как он легко запасть ей в душу мог
В садах ее владений южно-польских!
Чуть пошутить, немного поиграть —
И в этом жизнь, и в этом — водопады!
Где говорит коню подвода: «Падай»? —
Нигде, нигде. Так как же умирать?..

4. ФИНАЛ

А сад весной благоухал... Воскресли,
        Кто только мог.
Сон жизни тихо потухал,
        И в кресле
        Земли комок...
Но как же так, если
        Сад весной благоухал?..

1910. Апрель

ТОСКА ТО́СКИ

НАБРОСКИ

Пуччини и Сарду

Стонет, в страданиях мечется Тоска,
Мысли расплылись, как глетчеры воска,
Взоры — безумны, в устах ее — вопли...
— Пли ему в сердце,— ей мнится: — в него пли!
Марио мучают, Марио в пытке...
Скарпиа пьян, его грезы в напитке
Ищут себе упоительной злости.
Марио тяжко, хрустят его кости.
Дороги Глории призраки счастья.
...Скарпиа мертв. Но глядит без участья
Мертвому в очи страдалица-Тоска,
В сердце зазвездилась мщения блестка.
...К смерти художник готовится стойко.
Сердце часов бьется ровно и бойко,
Моется в облаке радужном зорька.
Марио плачет и сетует горько,
И призывает любовницу долго
Именем прошлого, именем долга.
В грезе далекой — былого услада.
Холодно в сердце, и в утре — прохлада.
Сколько стрел веры! о, сколько любви стрел!
Марио верит, надеется... Выстрел! —
Падает, падает... холоден, бледен...
Тоска смеется, и смех так победен.
Молча стрелявшие шествуют в крепость.
Тоска смеется: «Какая нелепость!»
Тоска склоняется к Марио: «Встань же...»
Нет, он не встанет, не встанет — как раньше.
Ужас ужалил ей сердце... «Жизнь — робость...
Пропасть — без жизни, поэтому — в пропасть».

1909. Февраль

В СЕВЕРНОМ ЛЕСУ

I

Поет метель над тихо спящим бором;
Мерцает луч холодных, тусклых звезд;
Я еду в глушь, и любопытным взором
Смотрю на туч волнующихся рост.

Я еду в глушь, в забытую усадьбу,
На берега играющей реки.
Мне чудится, что леший правит свадьбу
Пируя у невесты, у Яги.

Мне чудится, что рядом пляшут бесы,
И ведьмы сзади водят хоровод;
Мне слышится в тоске мелодий леса
Порою песнь. Но кто ее поет?

Порою смех, порою восклицанье
Мне слышится, вселяя в душу страх.
Чье скорбное лицо встает в слезах?
Чье слышу я безумное рыданье?

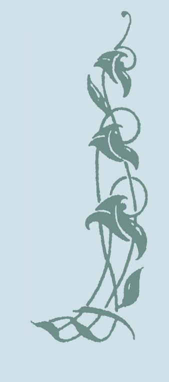
Кто плачет здесь, здесь, в мерзлом царстве снега,
И почему здесь сотни голосов?
В ответ мечте я слышу топот бега
Своих коней да говор бубенцов.

II

Мне нравится унылая природа
Мне дорогого севера с красой
Свободного славянского народа
С великою и гордою душой.

Люблю леса я северных окраин,
Люблю моря, и горы, и тайгу.
Я — властелин над ними! Я — хозяин!
Я там дышать и властвовать могу!

Любовь моя! Лети к простору поля,
Где я порой на паре быстрых лыж

Лечу стрелой с хвалебным гимном воле,
С беспечностью, с какой летает чиж.

Лети, моя любовь, с поклоном к лесу,
Ты соснам вековым снеси привет:
Скажи, что не завидую я Крезу,
А тем, кто может жить в расцвете лет,

Когда бывает сердце нежно,— чутко,
Когда весною веет от души,—
В лесу глухом, где так отрадно-жутко,
В любимой мною северной глуши.

Я вас пою, волшебные пейзажи,
Бегущие при трепетной луне,
И вас пою я, звезды,— ночи стражи,—
Светящие в лесу дорогу мне.

И лес в одежде цвета изумруда,
И небо шатровидное из туч.
Пою тебя, моя царица Суда.
И песни звук победен и могуч.

Пою тебя, мой лес,— товарищ старый,—
Где счастье и любовь я повстречал,
И вас пою, таинственные чары
Любви, которой молодость отдал.

На север я хочу! На север милый!
Туда, туда, в дремучий хвойный бор,
Где тело дышит бодростью и силой,
Где правду видит радостный мой взор.

Мечты мне сказки нежно шепчут хором,
Пока я тихо еду через мост.
Поет метель над тихо спящим бором;
Мерцает луч холодных, тусклых звезд.

1905. Декабрь

III. ЛИРОИРОНИЯ

КОЛОКОЛ И КОЛОКОЛЬЧИК

Грузно каялся грешный колокол —
Это медное сердце собора.
Он эфир колол, глубоко колол,
Как щепу, звук бросал у забора.

В предзакатный час неба полог — ал;
Звуки веяли в алые долы...
И пока стонал хмурый колокол,
Колокольчик смеялся удало...

1909. Декабрь

ХАБАНЕРА IV

Под бубны солнца, под гуд гитары,
Эксцессы оргий не будут стары,
Своим задором лишь будем стары,
Под гуд гитары, под бас гитары,
        Под солнца бубны.

Литавры солнца — вот наши лавры.
С цепей сорвутся души центавры...
Пускай трепещут души центавры,
Когда заслышат лучей литавры
        И грохот трубный.

Наполним солнцем свои амфоры,
Давая нервам вкушать рокфоры —
Весь день, весь вечер, всю ночь — рокфоры,
Смущая утром глаза Авроры
        Разгулом тела...

В кострах желаний, в безумном пекле,
С рассудком нити мы пересекли...
Но кто ж мы сами, что все рассекли?..
Не все равно ли,— скот, человек ли,—
        Не в этом дело...

1909. Декабрь

ПОЛОНЕЗ «БРАВУРА»

Расцвел камин костром пунцовым,
Расцвел костром.
Целую долго я лицо Вам,
Под серебром.
Вы пунцовеете, маркиза,
Цветком костра.
Изящна грезовость эскиза
И так остра.
Хотите спелого дюшеса,
Как Ваша грудь?
Люби поэта, поэтесса,
И строфы сгрудь.
Подайте, нимфы и сирены,
Вина, вина,—
Светлей под винные рефрэны
Волшба звена.
Бряцайте, грезовые звенья,
Сплетаясь в цепь,
Пылайте, красные поленья,
Как лес, как степь.
Беги, испытанный прозаик,
В провалы ниш:
Ты не поймешь души мозаик
И осквернишь.
Целую страстно я лицо Вам,—
Гроза и гром!
Расцвел камин костром пунцовым,
Расцвел костром.

1910. Апрель

ИНОГДА...

Иногда — но это редко! —
В соблазнительном вуале
Карменситная брюнетка
Озарит мой уголок
И качнет — но это редко! —
Вы при качке не бывали! —
И качнет мечты каюту,
Пол вздымая в потолок.
Тут не вихрь — какое! — вихри!
И не шторм — какое! — штормы!
Вдруг завоют, вдруг закрутят,
Приподнимут, да как — трах!..
Ай, да резвы эти игры!
Ай, да резки эти формы!
Ай, да знойны эти жути!
Я люблю их, просто страх!..

1909. Декабрь

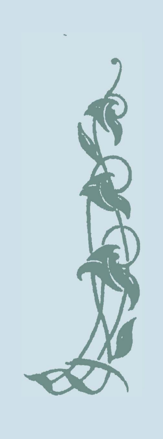

СОНЕТ-КАПРИЗ

Встрепенулся звонок и замолк,
        А за дверью — загадка.
Это кто? Это ты? Как мне сладко!
Дорогая, войди... Черный шелк
Зажурчит ароматно сонату,
И конфузливо скромная складка
Вдруг прильнет к огневому гранату.

За окошком завистливый толк
        Приумолк ядовито.
Это вздорно для нас... Все повито
Упоеньем... Страсть алчет, как волк...
Я пойму... ты поймешь... мы поймем...
Да, поймем, как мечта даровита,
И гранат мы иссушим вдвоем...

1909. Декабрь

СИРИУСОТОН

Н. А. Тэффи

Счастье снежинки —
Ландыша с Сирьюса —
В таяньи алом...
    Будут поминки
    В сердце у ириса,
    Лунно-линялом.

1910. Сентябрь

КАКОЕ МНЕ ДЕЛО?

Какое мне дело, что зреют цветы?
Где вазы? ваз нет... не куплю ваз!
Какое мне дело! Когда созревали мечты,
        «Простите, но я не люблю вас»,—
                Сказала мне ты.
Сказала... Горел, но теперь не горю,
На солнце смотрю уже — щурясь.
К чему эти розы? окрасить больную зарю?
        Простите, но я не хочу роз,—
                Тебе говорю.

1909. Март

ПОЭЗИЯ МЕЩАНКИ

Все было поэтично в ней... хотя
Ее отец был при соборе сторож.
Уж с ранних лет нездешнее дитя
Любило снег черемуховых порош.

Став девушкой, взяла она иглу,
Питалась ею, язычком колола,
Живя в подвале, в бедности, в углу,
Спасала честь девичью от укола.

Знакомых было много. Все пшюты,
Как девушка говаривала броско,
Но появился «он», и он стал «ты»,—
Расцвел пейзаж шаблонного наброска,
Но кто был он? Да царь ее мечты —
Писец с физиономьей недоноска...

1909. Июль
Мыза Ивановка

В ЛУНИ

Ты пела грустно, я плакал весело?!
Сирень смеялась так аметистово...
Мне показалось: луна заметила
Блаженство наше,— и серебристого
Луча с приветом послала ласково...
Нас луч к слиянию манил неистово...
Сюда, сирены! Оставьте пляски вы!
    Оставьте пляски вы, скажите сказки нам
О замках раковин, о рыбках в золоте,
О влажных лилиях, песке обласканном,
    Чего вы просите, кого вы молите...
Рассейте грезы, испепелите их! —
Они сжигают, они неистовы.
Такая мука в былых событиях...
Глаза сирени так аметистовы...
    Сирены, с хохотом, на маргаритки
Легко упали и сказки начали.
Позабывали мы о нашей пытке...
Твои глазенки во тьме маячили...

1910. Январь

МАЛЕНЬКАЯ ДИССОНА

Да, вспоминай, как ты бродила
Лениво грубым шагом в долы,
Как тупо над рекой сидела,
Дыша уродливо-устало.

И если вспомнишь это лето,
Его стесняющие латы,
Поймешь, что часто позолота —
Как монумент аэролита.

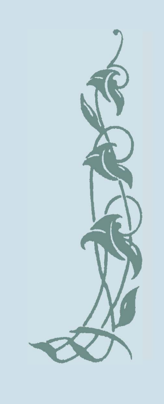
1909. Декабрь...

АХ, АВТОР...

Она ли взяла меня? Я ли?
Забылось: давно ведь: забылось.
Но кто-то играл на рояле;
Я вспомнил рояль,— и забилось
Былым мое сердце... Дыханье
Вдруг стало и жарче, и суше...
Я вспомнил ее колыханье...
Мнет нервно она мои уши...
И стиснула зубы... И губы
Сжимает своими губами...
Ах, автор! Бесстыдно и грубо
Плясать кэк-уок над гробами.

1909. Декабрь

ЗНАТЬ ЭТО НАДО ЛИ?..

Сбываются грезы лазоревые,
Сбываются майские сны,
И, снова восторг раззадоривая,
Дарят упоенье весны.

Даль — сказка волшебно олунена,
Танцует незримый прибой,
Все веет палитрою Бунина,
Как северный май голубой.

В чем счастье? Но знать это надо ли? —
Мы счастливы тем, что живем,
И чувства в восторге запрядали,
А мы их поем да поем.

1909

ИЛИ МНЕ ПОКАЗАЛОСЬ ТО...

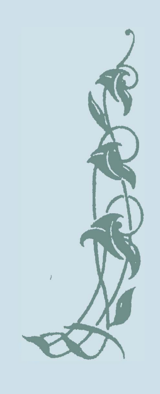
Сколько горя, и злобы, и жалости,
Если дерзко при встрече кричать —
Этих женщин вульгарные шалости
И проспектный, чудовищный чад.

Вот сейчас (или мне показалось то?),
Оттянув подбородком вуаль,
В красной шубке сказала: «Пожалуйста —
Если Вам золотого не жаль...»

А глаза — точно вялые финики,
На устах утомленный сарказм...
— Эй, прохожие, изверги, циники,
Слезопийцы, убили бы разом...

Иссосали, расхитили женщину
И швырнули, глумясь, на панель...—
«Не впадайте, милсдарь, в декадентщину»,—
На ходу проворчала шинель.

1909. Декабрь

ОРЕДЕЖ

Скала молчит. Ответам нет вопроса...

Валерий Брюсов

О, швейцарец обрусевший,— о, Оредеж!
Ты течешь недоуменно, тайно бредишь
Об утонченных притоках. Звонок, тонок,
Ты опошлился от ласки рек-чухонок.

Ты, альфонс России дряхлой, чисто вымыт
И прилизан, и причесан. Серый климат
Отражается опасно на здоровье...
Хмуришь ты свои леса, как чернобровье:

Так все дико, так все странно чужево̀дцу.
Мужики к тебе приходят, как... к колодцу.
Господа к тебе приходят, как... к вертепу.
Розе Альпов ли отдаться... курослепу?!

Да, Оредеж, нам твои красоты чужды:
Ведь у нас, великороссов, плоски нужды...
Поневоле о Швейцарии ты бредишь,
Чуждый нам, как мы тебе, альфонс Оредеж.

1911. Сиверская

ХАБАНЕРЕТТА

Наликерьте сердца, орокфорьте мечты,
Всех зовите на «ты».
Пейте уст алькермес. Ешьте девий дюшес,
Чтоб рассудок исчез...
Ало жальте уста и вонзайте кинжал,
Чтобы бюст задрожал...

ЕЕ МУЗА

Ее муза — конечно, шатенка,
Как певица сама,
И накидка такого оттенка —
Как мечта вне ума...

Улови-ка оттенок, попробуй!
Много знаю я муз,
Но наряд ее музы — особый.
Передать не возьмусь...

1909. Июль
Мыза Ивановка

ВОСЬМИСТРОЧИЕ

Каждая женщина любит неправду,
И комплименты, и лесть.
Если понравишься,— будет награда,
Если прогневаешь,— месть.

Каждая женщина любит измену
И униженья, и... бич.
Женщины любят такие контрасты,
Что невозможно постичь.

1909. Июнь
Мыза Ивановка

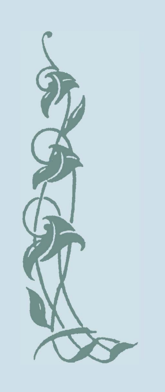

НА ЧУЖОЙ МОТИВ

(*в пику Л. А.*)

Как бездна, страшен мне таинственный кошмар,
И мечутся, как мышь бесперая, химеры;
Как зарево, горит багряный солнца шар,
Молчанье, как удав, и мысли даже серы
От пошлой суеты и всех житейских зол,
Медлительно мой мозг окутавших сетями,
Стремлюсь туда в мечтах, где Аполлон возвел,
Как яркий метеор, дворец парит над нами...

1909. Октябрь

БЕСЕДА САМОВАРОВА С КОФЕЙКИНЫМ

(*ДИАЛОГ*)

Самоваров:

Что пьешь лениво? Ну-ка, ну-ка,
Давай-ка хватим по второй...

Кофейкин:

Изволь, потешить надо друга;
Ну, будь здоров, любезный мой.

Самоваров:

И ты. Закусывай селедкой.
Или вот семгой,— выбирай.
Огурчики приятны с водкой...

Кофейкин:

Да ты меня не угощай,
Я, братец, сам найти сумею,
Что выбрать: выбор ведь не мал,
А коли в случье охмелею,
Скажу, что ты наугощал.

Самоваров:

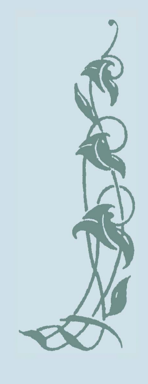
Ну, ладно там, не философствуй,
Знай пей; и больше никаких...
Уж коли вдов, так ты и вдовствуй —
Пей больше с горьких дум своих.

Кофейкин:

И, братец, горя-то немало
И впрямь приходится мне пить.
Здоровье только б позволяло,—
Сумею грусть свою залить.

Самоваров:

Чего здоровье, ты ли болен?
Здоров, как бык, силища — во!
За это должен быть доволен.

Кофейкин:

Не видишь сердца моего
И говоришь ты, эдак, сдуру,
Что только в голову придет.
Имею крепкую натуру,
Да сердцем, сердцем я не тот.

Самоваров:

Ну, съехал дурень на амура.

Кофейкин:

Как умерла моя хозяйка,
Оставив пятерых птенцов,
Узнал я горя... Ты узнай-ка,
Ты испытай, что значит «вдов».

Самоваров:

Э, надоел мне. Только скуку
На всех умеешь нагонять.
Давай-ка лучше хватим, ну-ка,
Не заставляй же угощать.
Эх, вспомню я порой, Петруша,
Как жизнь мы нашу провели,
Как отводили наши души,
Как много денег мы прожгли.
И жалко мне, да вспомнить сладко:
Вот это жизнь так жизнь была!
С тобою жили мы вприсядку,
Глядишь — и старость подошла.
Вспомянь, как пили мы у Лиды
«Клико», да разные «Помри».
Да што там, видывали виды
И пожил всласть, черт побери.
А как француженок купали
В шампанском, помнишь?
Ха, ха, ха!
Мы в ванны дюжины вливали
И пили, пили вороха.
Однажды, помню, мы на тройке
Компаньей теплой, удалой,

Катили с дружеской попойки,
«Вдрызг нализавшися», домой.
Катим. Навстречу мужичонка
С дровами едет напрямик.
«Эй, отверни свою клячонку!» —
Кричит напившийся ямщик.
А он, каналья, в ус не дует,
Кричим, как будто не ему.
«Не знаешь, што ль, где рак зимует?
Покажем мы тебе зиму».
Захохотали мы тут звонко,
Ямщик по тройке выгнул кнут,
И вот с дровами мужичонка
Перевернулся, старый шут...

1907

НА МОТИВ ГЕЙНЕ

Не помню, когда это было,
Но, помнится, было когда-то...
Она меня просто любила,
А я — даже нежно и свято.

Что счастливы были мы, это
Теперь для меня несомненно,
Но вот уж которое лето
Я петь не могу вдохновенно.

Мы с нею расстались преглупо
В разгаре любви, без причины,—
Как два застывающих трупа,
Забывшие ужас кручины.

Мы встретиться больше не можем,
Хотя почему — неизвестно...
К разлуке привыкли, положим,
Но все-таки встреча — прелестна.

Как жаль, что из вздора и чуши
Порой вырастают страданья.
Но так наши созданы души,
И в этом — дефект мирозданья.

А все же она не забудет,
Вернется, любовью объята.
Не знаю, когда это будет.
Но чувствую, будет когда-то.

1909. Июнь
Мыза Ивановка

ПОД ШАРЛЯ БОДЛЕРА

ОТРЕЗВЛЕНИЕ

Ангел веселья. Знакомо ль томленье тебе,
Стыд, угрызенье, тоска и глухие рыданья,
Смутные ужасы ночи, проклятья судьбе,
Ангел веселья, знакомо ль томленье тебе?

Ненависть знаешь ли ты, белый ангел добра,
Злобу и слезы, когда призывает возмездье
Напомнить былое, над сердцем царя до утра?
В ночи такие как верю в страдания месть я!
Ненависть знаешь ли ты, белый ангел добра?

Знаешь ли, ангел здоровья, горячечный бред?
Видишь, изгнанники бродят в палатах больницы,
К солнцу взывая, стремясь отрешиться от бед...
Чахлые губы дрожат, как в агонии птицы...
Знаешь ли, ангел здоровья, горячечный бред?

Ангел красы! ты видал ли ущелья морщин,
Старости страх и уродство, и хилость мученья,
Если в глазах осиянных ты встретишь презренье,
В тех же глазах, где ты раньше бывал палладин?
Ангел красы, ты видал ли ущелья морщин?

Радости, света и счастья архангел священный,
Ты, чьего тела росой обнадежен Давид,
Я умоляю тебя о любви неизменной!
Тканью молитвы твоею да буду обвит,
Радости, света и счастья архангел священный!

1909. Декабрь

ПОД ШАРЛЯ БОДЛЕРА

МУЗЫКА

Переносит меня музыка, как море,
    К моей бледной звезде,
Под защитою тумана, на просторе
    Путь держу я везде.
Раскрывая грудь, вздуваю я дыханье,
    Как челнок — паруса.
И прорезываю спины волн, в мерцаньи
    Ночи, взявшей глаза.
Я душой своей впиваю все волненья,
    Все страдания скитальца-корабля,
Влажный ветер и гроза, в огне биенья,
    Этой бури меня нежат. А внемля,
А внемля порой волнам в оцепененьи,
    Если зеркало спокойно,— стражду я...

1909. Июнь
Мыза Ивановка

ПОД ШАРЛЯ БОДЛЕРА

БОЛЬНАЯ МУЗА

Бедная муза моя, что сегодня с тобою?
Впадины глаз твоих полны видений ночных,
И на лице разливаются тени волною,
Тени безумья и ужаса чувств ледяных.

Ваза зеленая с сумраком розово-бледным,
Страх и любовь в тебя влиты из пасмурных урн...
Деспот-кошмар, распаленный задором победным,
Он не столкнул ли тебя в знаменитый Минтурн?

Я бы хотел, аромат разливая здоровья,
Грудь напоить твою мыслью могучей и властной,
Чтоб твоя кровь протекала струею согласной,—

Точно античных письмен миллионные звуки,
Где воцарились навек с неизменной любовью
Феб, царь мелодий, и Пан, бог оправданной муки.

1909. Июнь
Мыза Ивановка

ЦЫГАНЕ В ПУТИ

Вчера опять пророческое племя
Пустилось в путь, забрав своих детей;
У матерей созрел дюшес грудей;
Зрачки горят... (Не знойно ль было семя?..)

Отцы бредут, блестя своим оружьем,
И табором раскинулась семья,
Тяжелыми глазами обоймя
Простор небес с тоскливым равнодушьем.

Всегда при них звучнее песни птиц.
Им божество дает благоволенья:
Там, где они,— пышнее цвет растенья,
Там орошен утеса гордый шпиц.

И, как сады, цветут для них пустыни...
Для них нет тайн,— и счастья нет отныне...

1909

ПЛЕННИЦА

СОНЕТ

(Из Анри де Ренье)

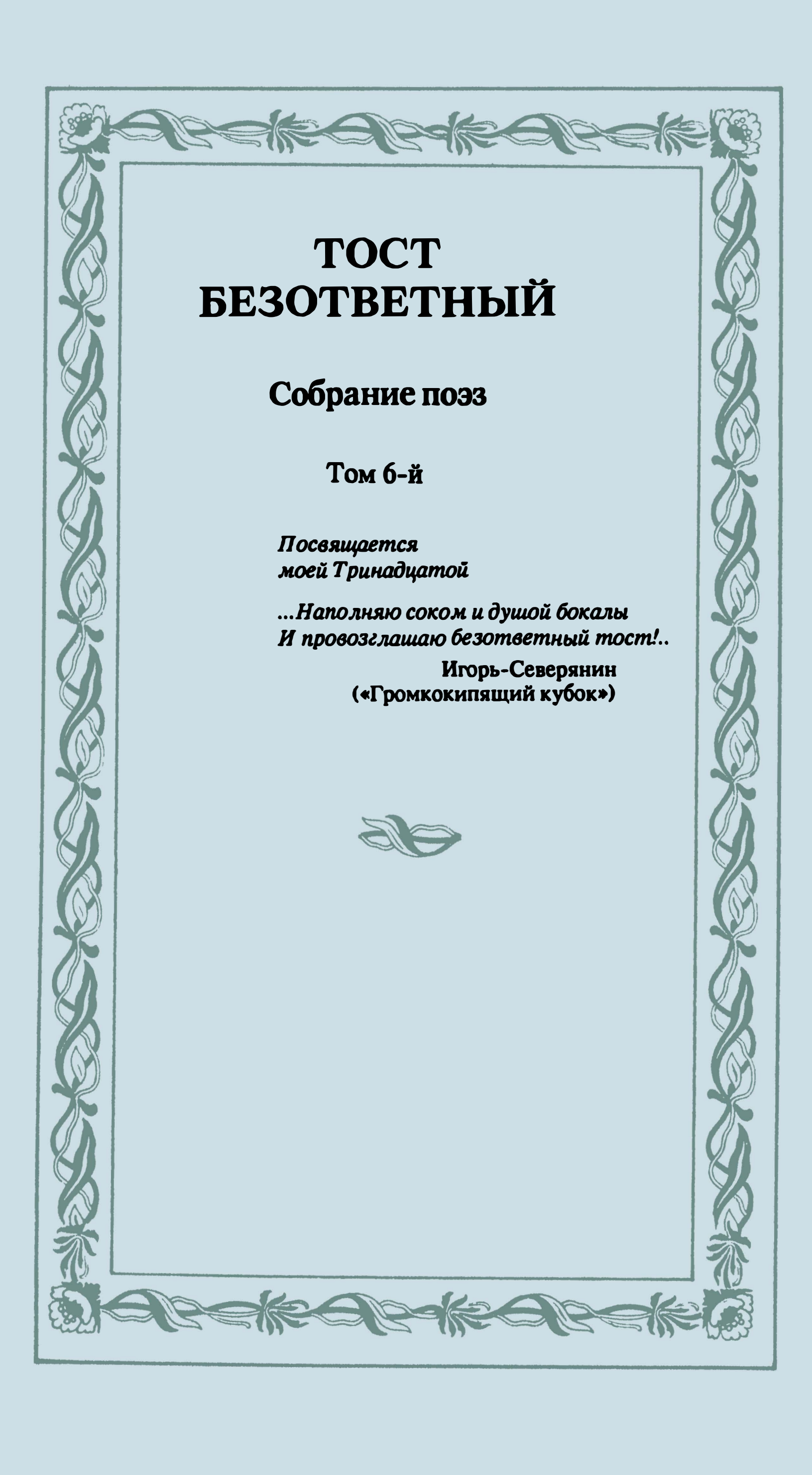
Ты убежала от меня, ты убежала,
Отдав свои глаза, как амулет...
Запомнила рука моя,— как жало,—
Вес горла твоего, и вкус, и цвет,

И линию исчезнувшего тела,
К которому желание крылит...
Ты ночь и лес поставить захотела
Преградою меж нами. Но, налит

Твоею вероломной красотою,
Я воссоздам расплывшеюся тьмою
Твою красу. Забрезжили поля...
Я выкую твой образ отомщенно,
И будешь ты — вся мрамор иль земля,
Вся гнев немой — змеиться возмущенно...

1910. Август

ТОСТ БЕЗОТВЕТНЫЙ

Собрание поэз

Том 6-й

Посвящается моей Тринадцатой

...Наполняю соком и душой бокалы
И провозглашаю безответный тост!..

Игорь-Северянин
(«Громкокипящий кубок»)

I. БАЛ ЗАЦВЕТАЮЩИЙ

Пусть завтра смерть — сегодня мы живем!

Мирра Лохвицкая

ТРИНАДЦАТАЯ ВСТРЕЧА

Подлец ли я, что я ее покинул,
Ее, с которой прожил трое лет,
Что, может быть, уйдя, ей сердце вынул?
Подлец ли я? подлец я, или нет?

Немолода, нехороша собою,
Мещаниста и мало развита,
Она была оправдана весною,
Когда в уродстве бродит красота...

Кто сблизил нас? Весна, вино и юность,—
Мои друзья и тайные враги,—
Те, что давали лире златострунность
И героизму — шаткие шаги...

Двенадцать дев прошло передо мною,
В которых тщетно я искал «ее»,
Двенадцать дев, оправданных весною,
Явивших все убожество свое...

И каждый раз разочарован снова,
Скорбя и обвиняя лишь себя,
Искал я в новой все *того ж, иного*,
Что отличает от других — тебя!

Тебя, моя Тринадцатая Встреча!
Тебя, моя Годива наших дней!
Сама Балькис была тебе предтеча
И грезила о высоте твоей!

Ты — совершенство в полном смысле слова!
Ты — идеал, приявший плоть и кровь!
Моя душа приять тебя готова,
Воздав тебе бессмертную любовь!

Подлец ли я?! Но что такое подлость?!
И кто из вас быть смеет мне судьей?..
Я знаю независимости гордость,
И что двенадцать жизней — пред тобой?!.

1915. Май
Эст-Тойла

КРАСОТА ПРЕДСМЕРТНАЯ

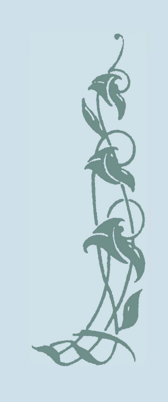
Безнаказанно не воплощается
Целомудренная мечта,—
И Тринадцатая встречается
В белых лилиях у креста...
А встречается,— начинается
Предсмертная красота.

Встретил женщину небывалую,
Невозможную на земле,—
Береги ее, так усталую,
Так озлобленную в зе́мном зле,
Всею нежностью запоздалою
Возожги восторг на челе.

До Тринадцатой жизни не было:
Повстречавшаяся — конец:
Отвергающая — жизнь потребовала
И сплела гробовой венец.
Все ошибочное вдруг ослепло,
Как прозрела правда сердец.

В светлой мрачности, в мрачной светлости,
В скорбной радостности конца —
Столь значительные незаметности
Предназначенного лица.
Я молюсь твоей нежной бледности,
И в глазах твоих — два кольца...

1915. Апрель

ПРИМИТИВА

Я слишком далеко зашел,
Полушутя, полусерьезно...
Опомниться еще не поздно:
Недаром я тебя нашел.

Все на поэзию валить —
Ах, значит ли всегда быть правым?
И с помышлением лукавым
Тебя мне можно ль заслужить?

Я жил все годы как-нибудь,
Как приходилось, без отчета...
Я тяготился отчего-то,
Себя стараясь обмануть.

Халатность это или лень —
Я не задумывался много
И, положась на милость Бога,
Все верил в поворотный день.

Я знал, что ты ко мне придешь,
С твоим лицом, с твоей душою.
И наглумишься надо мною
За всю мою былую ложь.

Сначала будет грусть и тишь,
И боль и стыд в душе поэта.
Потом я обновлюсь. За это
Ты праведно меня простишь...

1915. Май
Эст-Тойла

ВСТРЕЧА ПРЕДНАЧЕРТАННАЯ

Не отнимай у меня ее:
В ней все будущее мое,
В ней предгрозье весенних дней,
Безнадежье надежды в ней.

Наша встреча нам суждена:
Предначертанная она.
Повстречавшиеся во лжи,
Мы стоим у одной межи.

В изумлении и в тоске
Замирает рука в руке;
Негодует ее душа,
Так в сомнениях хороша.

Не ворочаются века,
Выпрямляя свои бока,
И стараются вас задавить,—
Встретившихся разъединить.

Берегись! Берегись! Берегись!
Нам завидуют бездна и высь.
На земле — нет труднее труда,—
Так — не встречаются никогда...

1915. Март
Харьков

МУРИНЬКА

Муринька, милая-милая девонька,
Радость моя!
Ты ли мечта моя, ты ль королевонька
Грезного «я»?

Гляну ль в глаза твои нежно-жестокие,
Чую ль уста,
Узкие, терпкие, пламеннотокие,—
Все красота!

Чувствую ль душу твою равнодушную —
Млеющий лед,—
Сердце играет во мне простодушное,
Сердце поет!

Сколько искания, сколько страдания,
Сколько обид
Сердце твое, Мессалина-Титания,
Строго таит.

Так-то, всегда и во всем чересчуринька,
Радость моя!
Муринька, милая-милая Муринька,
Ангел-змея!

1915. Март
Ростов-на-Дону

ТРИНАДЦАТАЯ НАЯВУ

Тобою услаждаясь ежечасно,
Мне никогда тобой не досладиться:
Ты, как Балькис опасная, прекрасна,
Как истина прекрасная, опасна,
Тринадцатая — ты! ты — синептица!

Как ты могла мне встретиться так поздно?
Как мог в тебе не ошибиться сразу?
Как подошла ты просто и серьезно
К моей душе! Как посмотрела грозно,
Безмолвностью уничтожая фразу!

Все прошлое мое взяла на плаху
И назвала его своим названьем.
Беспечность превратила в... росомаху!
И по лицу души моей с размаху
Ударила врачующим сознаньем!

1915. Апрель
Петроград

ДВА ТРИОЛЕТА

1

— Хочу быть Аделиной Патти! —
В три года говорила ты.
О, милые твои мечты
О замечательности Патти!..
Прошло семнадцать лет. Чисты
Венки святых твоих объятий.
Что будешь выше всякой Патти,
В три года думала ли ты?

2

Пройдя сквозь хлесткий строй мужчин,
Осталась ты сама собою,
Я преклоняюсь пред тобою
И презираю «тех» мужчин!
А ведь никто, ведь ни один
Не посвятел твоей душою.
Пройдя сквозь ярый строй мужчин,
Осталась ты сама собою.

1915. Июнь
Эст-Тойла

НЕ ПО ЛЮБВИ

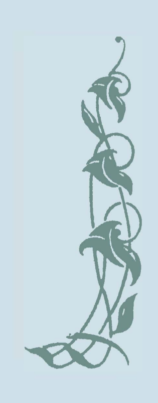
Год назад я была молода
Для любви, для добра, для труда —
Было столько избытка в груди,
Было столько надежд впереди!

За немилого сватала мать.
Как бы свадьбы такой избежать?
Да, но надо ль? Возникнул вопрос,—
И взошла я на брачный утес...

Но зато в ту же ночь, в ту же ночь
Я ушла от немилого прочь
И товарищу,— не по любви,—
Отдала все куртины свои...

А с рассветом ушла от него,
Я ушла от него оттого,
Что себя обобрала в чаду...
— Как единственного я найду!

1915. Апрель
Петроград

ПОГИБАЮЩИЕ СПАСАТЕЛИ

Их было так много, так много,
И не было ни одного,
Который бы нежно и строго
Коснулся ума твоего.

И попросту, тайной инерце
В угоду, к тебе подойдя,
Прослушал бы чистое сердце,
Как лилию после дождя.

В своей целомудренной грусти
Презрительностью весела,
Уздала взбешенных в разнузде —
Спасая, спасти не могла...

Погибшим не ведать спасенья!
Нельзя самогибцев спасать! —
И гибли они в исступленьи,
Способные лишь погибать!..

Да, гибли, и вот, погибая
В безра́зумной тине услад,
Тянули тебя, дорогая,
За твой милосердный канат...

Да, гибли и, гибнув, в захлебе,
Кричали: «Цепляйся за нас!»
И в самоубийственной злобе
К тебе приближали твой час.

Но — тронутая недотрога —
Ты гневно швырнула канат.
Их было так много, так много,
Был каждый *собой* виноват.

1915. Июнь
Эст-Тойла

ПОЭЗА МОЕГО БЕСПРАВИЯ

Только в силу своей человечности,
Не любя, о любви не сказав,
Проявляешь ты столько сердечности,
Что всегда пред тобой я неправ.

Я неправ непонятной жестокостью,
Что порою нежданно томим,
Роковою духовной безокостью,—
Я неправ всем бесправьем своим!

И в минуты затмения гневного,
Даже в эти минуты любя,
Перед солнцем лица королевного
Я тускнею, разволив себя...

Огради меня от упоенности
Разрушенья невинных вещей
Всей святыней своей невлюбленности,
Всей премудростью ясной своей!

Я неправ мотыльковой беспечностью,
Тщетным бешенством, гневным огнем...
Идеальною всечеловечностью
Ты спасаешь меня день за днем.

День за днем истомленно усталая,
Ускользающая светотень,
Ты, откашливаясь кровью алою,
Незакатный готовишь мне день...

Поклоняюсь твоей бронзокудрости
И дышу лишь твоею душой!
Что же, сдержанную по премудрости,
Удержало с тяжелым со мной?

Молодая, смеюнья, здоровая
(Ты горда: ты здорова для всех!..)
Жизнерадостная, вечно новая,
По тебе истоскуется Грех!

Или мало тропинок пленительных
Вдоль ручьев, сквозь сирень, в трелях птиц?..
И возможностей умокружительных
В роскоши деловитых столиц?..

Есть вопросы, понятные вечности,
А не людям, рабам пред судьбой...
Только в силу своей человечности
Ты всегда остаешься собой!

1915. Май
Петроград

ВСЕ ХОРОШО В ТЕБЕ...

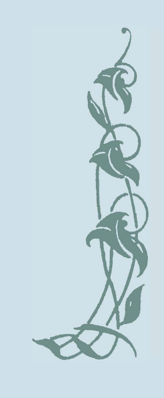
> Быть любимым как ни сладостно,
> Все же сладостней — любить.
>
> *Д. Мережковский*

Все хорошо в тебе: и ноги, и сложенье,
И смелое лицо ребенка-мудреца,
Где сквозь энергию сквозит изнеможенье,
В чьей прелюдийности есть прóтени конца...

Все хорошо в тебе: и пламенная льдяность,
Ориентация во всем, что чуждо лжи,
Щек майски-девственных осенняя багряность...
Что ни подумай ты и что ты ни скажи —
Все хорошо в тебе!
Дитя, ты лучше грезы!
И грезу отебить хотел бы я свежо:
Тебя нельзя уже огрезить: все наркозы,
Все ожидания — в тебе: все — хорошо!

Все хорошо в тебе! и если ты инкубишь
Невинные уста, инкубость тут нужна...
Люблю тебя за то, что ты меня не любишь,
За то, что ты в своей жестокости нежна!..

1915. Май
Петроград

ПОЭЗА ТЕБЕ

Ни с кем сравнить тебя нельзя:
Сама ты по себе.
К тебе по лилиям стезя.
Молиться бы тебе!

Тебя ни с кем нельзя сравнить:
Ты лучше, чем мечта!
Тобой дышать, тебя любить,
Святить твои уста.

Сравнить нельзя ни с кем тебя:
Ты — женщина, а те,
Кого, вводя в обман себя,
Так звал,— барьер к мечте!..

Нельзя сравнить тебя ни с кем —
Ни на земле, ни вне...
Твоею музыкой я нем,—
То смерть пришла ко мне!

1915. Май
Эст-Тойла

II. АМФОРА ЭСТЛЯНДСКАЯ

И сколько новей в чарах мая,
Ведь столько ж песен впереди

Игорь-Северянин
(«Victoria Regia»)

ПРЕЛЮДИЯ

Воспетое Лохвицкой Миррой,
Ее златострунною лирой,
Балтийское милое море
Вскипело в эстляндской амфоре...

Вскипело оно и запело,
Запело о том, что вскипело,
А это ничто ведь иное,
Как то, что оно — молодое!..

1914. Июнь
Эст-Тойла

ПОЭЗА МАКОВЫХ ПОЛЕЙ

Снова маки в полях лиловеют
Над опаловой влагой реки,
И выминдаленные лелеют
Абрикосовые ветерки...

Ты проходишь мореющим полем,
Фиолетовым и голубым,
К истомленным усладам и болям,
Одинаково близким своим...

Как серебряные черепахи,
В полднелень проползают серпы...
Сколько бодрости мягкой во взмахе
Струнно-млеющей девьей стопы!

На златисто-резедной головке
Пылко-красный кумачный платок,
А в головке так много обновки,
И в душе — обновленный поток!

Розовеют лиловые маки,
Золотеет струистый опал,
И луна возжигает свой факел,
Отравив зацветающий бал...

1915. Март
Харьков

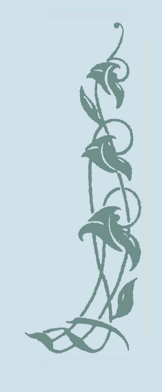
ПОЭЗА О БАРАШКАХ

По дороге над морем, ясным утром весенним,
В Духов день лучезарный — в молодой! в молодой! —
Шли в сосновую рощу, дорогая, с тобой.
Нежно нежилось море голубым сновиденьем,
Вековою медузью, устрицевым томленьем,—
Нежно нежилось море, упиваясь собой.

Нам встречались то дачи, то блондинки-эстонки,
Строголицые девы с жуткой старью в глазах.
И барашки в пятнашки не играли в волнах,
А резвились на воле, так ажурны и тонки,
Как рожденные в море... Отчего,— ах! — ребенки
Не родятся барашковыми в городах?..

Оттого, что там город. Оттого, что здесь поле.
Оттого, что здесь море. Оттого, что здесь свет.
Ах, вы очень культурны, но души-то в вас нет:
Вы не знаете горя, вы не знаете боли,
Что в столице лишились этой шири и воли,
Что подснежник мудрее... чем университет!

1915. Май
Эст-Тойла

УТРО ДНЯ СВ. ДУХА

Мы сидели в соснах над крутым обрывом,
Над лазурным морем, в ясный Духов день.
Я был безоблачно счастливым,
В моей душе цвела сирень!

В ландышевом шелке, затканном златисто
(Дивен в белорозах милый твой капот!)
Ты, лежа, слушала лучисто,
Как вся душа моя поет!

Не было похожих на тебя,— не будет.
Изменял другим,— тебе не изменю.
Тебя со мною не убудет,
Себя с тобою сохраню.

Я построю замок,— маленький, дешевый,—
В этих самых соснах будущей весной,—
С тобою жить всегда готовый,
Готовый умереть с тобой!

1915. Май
Эст-Тойла

МАЛЕНЬКАЯ ДЕВОЧКА СКУЧАЕТ...

Маленькая девочка скучает,
Маленькая девочка не знает,
Как смотреть на грусть ее мне больно,
Что своей печали мне довольно...

А какие могут быть печали
У меня, все ждавшего вначале,
Чуть не с детства, женщину такую,
Как она, несбыточно-простую?

Маленькая девочка скучает,
Маленькая девочка не знает,
Как жестоко ошибался часто,
Как платился, как и сколько раз-то!

Так платился за свои ошибки,
Что дивлюсь, как расцветать улыбки
На устах моих не разучились,
Как мозги мои не помрачились!..

Маленькая девочка скучает,
Маленькая девочка не знает,
Что ее одну искал я в каждой,
В каждой встречной, а нашел однажды:

В ней самой нашел ее случайно!..
Как находке рад необычайно,
Маленькая девочка не знает.
Знает, да не верит... и скучает!

1915. Май
Эст-Тойла

ПОЭЗА О ГОГЛАНДЕ

Иногда, в закатный час, с обрыва,
После солнца, но еще до звезд,
Вдалеке Финляндского залива
Виден Гогланд зá семьдесят верст.

Никогда на острове я не был,
Ничего о нем я не слыхал.
Вероятно: скалы, сосны, небо,
Да рыбачьи хижины меж скал.

Обратимся, милая, к соседям,
К молчаливым хмурым рыбакам,
На моторной лодке мы поедем
Далеко, к чуть видным берегам.

Я возьму в волнистую дорогу
Сто рублей, тебя, свои мечты,
Ну, а ты возьми, доверясь Богу,
Лишь себя возьми с собою ты!..

Вот и все. Нам большего не надо.
Это все, что нужно нам иметь.
Остров. Дом. Стихи. Маруся рядом.
А на хлеб я раздобуду медь.

1915. Май
Эст-Тойла

ПОЭЗА СЧАСТЬЯ

Я не могу не радоваться маю
И не воспеть его я не могу,
Когда тебя так пылко обнимаю
На благодатном этом берегу.

Который раз все в тот же, все в зеленый,
В весенний шелк закуталась земля?
Который раз, в мечту свою влюбленный,
Я ухожу в зовущие поля?

Но в этот год — весна совсем иная,
И май иной,— все лучше, все светлей!
Мечта сбылась: со мною ты, родная,
А потому — я только соловей!

Мне все равно, в какие там размеры
Вольется стих горячий, все равно! —
Кощунственны изысков камамберы,
И быть банальным снова мне дано!..

Когда тебя я к сердцу прижимаю,
И твоего капота тлеет тюль,
Могу ли я не радоваться маю
И пережить любимую могу ль?

1915. Май
Эст-Тойла

ДЕВЯТНАДЦАТИВЕШНЯЯ

Девятнадцативешней впечатления жизни несравненно
новее,
Несравненно острее, чем готовому встретить май
тридцатой весны.
Девятнадцативешней легче в истину верить, как
в прекрасную фею,
Как бы ни были годы,— восемнадцать минувших,—
тяжелы и грустны...
И когда расцветают бирюзовые рощи и душистый
горошек,
Ей представить наивно, что они расцветают для нее,
для одной;
И когда вылетают соловьями рулады из соседних
окошек,
Ей представить наивно, что поет кто-то близкий, кто-то
тайно-родной...
Девятнадцативешней может лес показаться никогда
не рубимым,
Неувядными маки, человечными люди, неиссячным
ручей.
Девятнадцативешней может сделаться каждый
недостойный любимым:
Ведь его недостойность не видна, непонятна
для пресветлых очей...
И когда молодые — о, душистый горошек!
о, лазурные розы!—
Веселятся резвуньи, мне мучительно сладко, но
и больно за них...
И когда голубые поэтички, как птички, под угрозами
прозы,
Прозревать начинают, я в отчаяньи плачу о мечтах
голубых!..

1915. Май
Эст-Тойла

АХ, ВСЕ МНЕ КАЖЕТСЯ...

Ах, все мне кажется (и отчего бы то? —
Ведь ты мне поводов не подаешь...)
Что ты изменишь мне, и все, что добыто
Твоим терпением, продашь за грош.

В тебе уверенность не поколеблена.
В твоей корректности — тому залог.
Но все мне кажется, что ложь остеблена,
И распускается ее цветок.

И все мне кажется, и все мне чудится
Не то подпрапорщик, не то банкир...
И все мне чудится, что *это* сбудется,
И позабудется тобой весь мир.

Поверь, о милая, что мной не скажется
Ни слова едкого тебе в укор:
Ты — неизменная! Но все же кажется,
И то, что кажется, уже позор!

1915. Май
Эст-Тойла

ПОЭЗА ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ

Я бессловно тебя застрелю,
Если ты... с кем-нибудь... где-то там...
Потому что тебя я люблю
И тебя никому не отдам.

Предаю себя в руки твои,
Твой защитник, твой раб и твой друг,
Лишь со мной неуходно живи,
Замыкая мой пламенный круг.

Если скучно тебе иногда,
Если хочется видеть людей,
Будь спокойна, тверда и горда,
О безлюдьи, дитя, не жалей:

Вспомни, сколько тревог и обид
В жизни ты получала от них,
Сколько сердце печали таит,
Сколько низких на свете и злых...

Презирала — и впредь презирай!
Не искала — и впредь не ищи!
В хлев людьми превращается рай...
Бойся их! избегай! трепещи!

А скучать... ах, нельзя не скучать,
Если хочется жить! — о, пойми:
В одиночестве лучше кричать,
Чем смеяться, болтая с людьми!

Болтовня перейти может в крик,
В крик не скуки, а горя и зла.
Как мне больно! — тебя я постиг,
Ты меня допостичь не могла...

Впрочем, делай, что хочешь, но знай:
Слишком верю в невинность твою.
Не бросай же меня! не бросай!
Ну, а бросишь — прости, застрелю.

Застрелю потому, что нельзя ж
Сжиться с мыслью, что гибнет мечта,

Что другому себя ты отдашь
И его поцелуешь в уста.

Если ж ты, от тоски изойдя,
Для земли беспробудно уснешь,
Ты прозреешь, невеста-дитя,
И меня в светлый рай призовешь!

1915. Май
Эст-Тойла

ЧТО ЗА СЧАСТЬЕ

Что за счастье — быть вечно вдвоем!
И ненужных не ждать визитеров,
И окружных не ткать разговоров,—
Что за счастье — быть вечно вдвоем!

Быть с чужою вдвоем нелегко,
Но с родною пьянительно сладко:
В юбке нравится каждая складка,
Пьется сельтерская, как «клико»!..

И «сегодня» у нас — как «вчера»,
Но нам «завтра» не надо иного:
Все так весело, бодро, здорово!
Море, лес и ветров веера!

1915. Июнь
Эст-Тойла

НЕ УЛЕТАЙ!

Бегут по морю голубому
Барашки белые, резвясь...
Ты медленно подходишь к дому,
Полугрустя, полусмеясь...

Улыбка, бледно розовея,
Слетает с уст, как мотылек...
Ты цепенеешь, морефея,
И взгляд твой близок и далек...

Ты видишь остров, дальний остров,
И паруса, и челноки,
И ты молчишь легко и просто,—
И вот — крыло из-под руки!..

Не улетай, прими истому:
Вступи со мной в земную связь...

Бегут по морю голубому
Барашки белые, резвясь...

1916
Эст-Тойла

ПОЭЗА ГОЛУБОГО ВЕЧЕРА

Мы ехали с тобою в бричке
Широкою и столбовой.
Порхали голубые птички,
Был вечер сине-голубой.

Из леса выбежала речка
И спряталась, блеснув хвостом.
О речка, речка-быстротечка!
О призрак, выросший кустом!

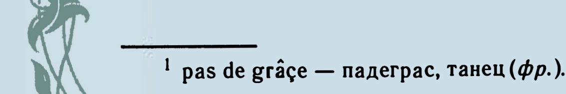
Плясали серые лисички
На задних лапках pas de grâçe [1].
Мы ехали с тобою в бричке
И бредили,— который раз.

Навстречу нам ни человека!
Безлюдье мертвое и тишь.
И только хата дровосека,
Да разве ель, да разве мышь.

Смотрю: глаза твои синеют,
И бледный лик поголубел,
И только губы весенеют —
Затем, что я их алость пел...

Не по желанью,— по привычке
Нам надо двигаться с тобой,
А потому мы ездим в бричке
Проселочной и столбовой.

1915. Май
Эст-Тойла

[1] pas de grâçe — падеграс, танец (*фр.*).

БОЛЬНАЯ ПОЭЗА

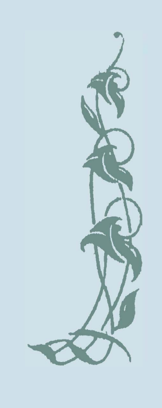
В твоих висках немолчные прибои
И жуткий шум в настраженных ушах.
Незримые вторгаются гобои
В твою мечту о солнечных ночах.

О, солнце ночи! Вечная безднённость!
И полуявь. И сказка наяву.
Опалово-лазорная томленность.
Молочный блеск оголубил листву...

О, существа без крови и без плоти!
О, голоса кого-то, но ничьи...
Наструненные выплески в болоте
И судорожно-страстные ручьи.

Ты влажнеешь. Ты присталишь обои:
Сто паучков возникло в их цветах...
Угрозные в висках твоих прибои,
И страшен алый шум в твоих ушах...

1915. Июнь
Эст-Тойла

ПОЭЗА УСПОКОЕНИЯ

Ты так напугана, должно быть
Еще с младенчества, что я
Весь трепещу глазами трогать
Неосторожными тебя.

Ты так боишься потрясений,
Хотя бы чуть неверных слов,
Что даже здесь, в благой сирени,
Твой взор от ужаса лилов...

Но... где здесь город? где здесь люди?
Здесь только ты. Здесь только я.
Здесь только ягоды на блюде,
И скрыта ль в ягодах змея?..

Здесь только море, только травы,
Нет ревности и нет вина.
Зачем же в сердце лить отравы
Для аппетита и для сна?

Не запирай ножей в буфете,
Но лучше душу отвори,
Утончившуюся на Фете
В дни утренней твоей зари.

Спокойна будь, дыши свободней,
Поправься в тихом уголке.
Я не убью тебя сегодня,
А будущее — вдалеке...

1915. Май
Эст-Тойла

ПОЭЗА МАЛЕНЬКОЙ ДАЧИ

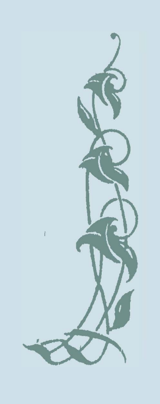
Граммофон выполняет под умелой рукою
Благородно и тонко амбруазный мотив.
Я внемлю Тетраццини с мимолетной тоскою:
Тетраццини — в деревне, где безбрежие нив!..

Разве могут быть где-то и толпа, и эстрада?
Разве может даваться элегантный концерт?
Сердце бьется спокойно, сердце сельнему радо,
Сердцу здешнему чужды и Вильгельм, и Альберт...

Как поверю я в город? Как поверю я в войны?
Как поверю в театры? Как поверю в толпу? —
Если плещется море бирюзово-спокойно
И луна намечает золотую тропу?

Я — в Эстляндии светлой, с воплощенной мечтою!
У меня есть поэзы; мне незримо поют
Тетраццини и ветер... Потому-то не стоят
Все заботы земные дачи маленькой — Крут!

1915. Май
Эст-Тойла

ТОМЛЕНИЕ БУРИ

Сосны качались, сосны шумели,
Море рыдало в бело-седом,
Мы замолчали, мы онемели,
Вдруг обеззвучел маленький дом.

Облокотившись на подоконник,
В думе бездумной я застывал.
В ветре галопом бешеным кони
Мчались куда-то, пенился вал.

Ты на кровати дрожко лежала
В полуознобе, в полубреду.
Сосны гремели, море рыдало,
Тихо и мрачно было в саду.

Съежились листья желтых акаций.
Рыжие лужи. Карий песок.
Разве мы смели утром смеяться?
Ты одинока. Я одинок.

1915. Июнь
Эст-Тойла

ПОЭЗА ОТТЕНКОВ

Есть в белых ночах лиловость,
Лиловость в белых ночах.
В нежных очах — суровость,
Суровость в твоих очах...

В фиалке бывает бледность,
Бледность в лиловом цветке.
В златоприческе — медность,
Медь в золотом волоске.

Есть что-то в весне старушье,
Как вешнее есть в былом.
В душе у тебя — бездушье,
Душа — в бездушьи твоем!

1915. Май
Эст-Тойла

ХОЧЕТСЯ МНЕ ПЛАКАТЬ

Хочется мне плакать, плакать безнадежно, плакать бесконечно,
Плакать о минувшем, плакать о грядущем, плакать беспричинно...
Все как будто мирно, все как будто верно, все как будто чинно,
А на самом деле очень уж условно, кратко, бессердечно.

Слушайте, что лучше: не любить, все время говоря о страсти?
Или же тиранить, не любя открыто, сладкой нелюбовью,
Блестко издеваясь, хлестко угрожая, опьяняться кровью,
Любящего кротко и самозабвенно сердце рвя на части?

Красота и злоба, молодость и черствость тайно-совместимы!
Берегите женщин, говорящих часто о своем уходе:
Надо их лелеять хладнокровно-мудро. Сказка на исходе.
Тягостно и душно. Сладостно и грёзно. Глубь невозмутима.

1915. Май
Эст-Тойла

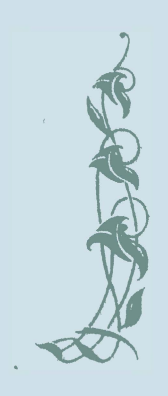

СКОРБЬ, ПРОРЕЗАЮЩАЯ СМЕХ

Ты сегодня алоуста, ты сегодня синеглаза,
И лицо полно экстаза,
Веселишься и поешь,
Вся — весна, вся — май счастливый, восхитительная грезка,
И кокетливо, и броско
Ты улыбки расточаешь,
Все живишь, все оживляешь,
И живешь! живешь! живешь!

Дай наслушаться мне песен! Дай мне в очи наглядеться!
Дай куда-нибудь мне деться
От весны и от стихов!..
Посмотри, за этим полем — видишь сосны? видишь елки? —
Тлеют там в зеленом шелке
Трупы жизнь любивших нежно,
Целовавшихся мятежно
Под напевы соловьев...

1915. Май
Эст-Тойла

ТРЕХЦВЕТНЫЙ ТРИОЛЕТ

Пойдем, Маруся, в парк; оденься в белый цвет
(Он так тебе идет! ты в белом так красива!)
Безмолвно посидим на пляже у залива,—
Пойдем, Маруся, в парк; оденься в синий цвет.
И буду я с тобой — твой рыцарь, твой поэт,
И буду петь тебя восторженно-ревниво:
Пойдем, Маруся, в парк! Оденься в алый цвет:
Он так тебе к лицу! ты в алом так красива!

1915. Май
Эст-Тойла

ПОЭЗА РАСКРЫТЫХ ГЛАЗ

Арфеет ветер, далеет Нарва,
Синеет море, златеет тишь.
Душа — как парус, душа — как арфа.
О чем бряцаешь? куда летишь?

Свежо и знойно. Свежо и смело.
Чего-то надо. Чего-то ждешь.
Душа жестокость свершить посмела!
Душа посмела отвергнуть ложь!

В былом ошибка. В былом — ненужность.
В былом — уродство. Позор в былом.
В грядущем — чувства ее жемчужность,
А в настоящем — лишь перелом.

Ах, отчего-то арфеет ветер,
Далеет берег, поет залив!..
Ах, отчего-то и жить на свете
Я страшно жажду, глаза раскрыв!..

1915. Июнь
Эст-Тойла

ПОЭЗА ДЛЯ МАДЛЭНЫ

Мадлэна здесь. Мадлэна рядом.—
Сегодня видели ее...
Но нет! душа моя не рада,
И сердце холодно мое.

В волненьи не брожу по саду,
Сирень восторженно не рву,
Я только чувствую досаду
И больше прошлым не живу.

Как флер полей, как в море пена,
Как обольстившие слова,
Растаяла моя Мадлэна,
И для души уже мертва...

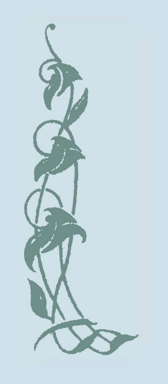
Прозрел: о, в прошлом все пустое!
Мечта, ты стала инженю...
Меня не трогает былое:
Я настоящее ценю!

Когда назад четыре года
Ее я встретил в первый раз,
Всю жизнь, всю юность, всю свободу
Я ей вручил без громких фраз.

Не отвергая, не приблизив,
Любя другого, но в тоске,
Она шутя бросала вызов
Мне, грезившему вдалеке.

Она брала меня за сердце
И, нежно сердце теребя,
Его колола, чтоб вертеться
Меня заставить,— не любя.

Изнемогал. Изнемогая,
Молил прижать иль отшвырнуть.
Ее игра четыре мая
Мою испытывала грудь.

Ее игра четыре лета
Из жизни вырвала моей.
Но славою стихи поэта
Обязаны, быть может, ей.

Благодарю. Но — просветленный —
Крушу безжалостно Мечту,
В свою Последнюю влюбленный,
В которой Сбывшуюся чту!

1915. Июнь
Эст-Тойла

ПОЭЗА РАЗДРАЖЕНИЯ

Не успокоиться и не поправиться
Мне в этой местности, всегда чужой:
Мне все недужится, мне все не нравится,
Мне все мечтается пейзаж иной...

Здесь сад на улицу, здесь многодачие,
Здесь домик к домику рабом прижат.
Соседка мучает меня Боккачио,—
О, вальс Боккачио сто раз подряд!..

Лес в отдалении весьма значительном,
И море милое мое вдали...
Я весь в тоскующем, я весь в мучительном,
Весь в полонении иной земли...

Хотел бы выскочить утрами юными
Из душной комнаты, упасть в траву
И, в упоении, бряцая струнами
Души восторженной, кричать: «Живу!»

Читать без умолку стихи свободные —
Мое дыхание! моя душа! —
Лобзать без устали лицо природное —
Букеты ландышей, вовсю дыша!

Но разве мыслимо в осуществление
Желанья пламенные привести,
Раз любопытные у «дачи гения»
Снуют, и некуда от них уйти?!

1915. Июнь
Эст-Тойла

ПОЭЗА УДИВЛЕНИЯ

Ты хочешь немногого,
По-моему — лишнего;
Какого-то общества,
Каких-то людей...

И в кинематографе
Смотреть на Венецию,
И в поле с прислугою
Цветы собирать.

В гамак в палисаднике
Ложиться с романами,
На почту за письмами
Ходить по утрам.

Меня ты уверила
В классической верности
И в высокомерии
К убогой земле.

Я верю восторженно
В порядочность редкую,
Но ты понимаешь ли,
Что ты говоришь?!

Поймешь ли ты, странная,
Свои оскорбления,
Которые, попросту,
Наносишь ты мне!..

Ведь это ж пощечина —
Желанье обидное,
Хотя бы мгновение
Прожить не со мной!..

Придет ли мне в голову
Упиться разлукою,
Когда вся вселенная —
В тебе лишь одной?!

1915. Июль
Эст-Тойла

ПЛЕННИЦА ЛИЛИИ АЛОЙ...

Лилиевое тело
В прожилках голубых
Искристо запотело
В сонах полубольных...

Лепестки лилии алой
Ты затаила в платке...
Разве же этого мало,
Чтоб сжалось сердце в тоске?

1915. Июнь
Эст-Тойла

ПОЭЗА ОТКАЗА

Она мне прислала письмо голубое,
Письмо голубое прислала она.
И веют жасмины, и реют гобои,
И реют гобои, и льется луна.

О чем она пишет? что в сердце колышет?
Что в сердце колышет усталом моем?
К себе призывает! — а больше не пишет,
А больше не пишет она ни о чем...

Но я не поеду ни завтра, ни в среду,
Ни завтра, ни в среду ответ не пошлю.
Я ей не отвечу, я к ней не поеду,—
Она опоздала: другую люблю!

1915. Июнь
Эст-Тойла

ИЗБЕГНУВШИЕ ПЕТРОГРАДА

Я с каждым днем к тебе все чутче,
В моей душе властнеет Тютчев,
Любовь углубней с каждым днем,
Все слаже — слаже быть вдвоем.

Мне тягостно себе представить,
Как мог бы я тебя оставить,—
Хотя на день, хотя на час,
Из деревушки отлучась...

Прощай, in pace Петрограда:
Тебя избегли мы. Отрада
Да внидет к нам с крестом в руке
В уездном старом городке.

Засентябреет желтополье,—
Прости, эстляндское приволье,
Покинем мы тебя на год,
Нас в Нарве снегом занесет...

Чем больше тиши, больше снега,
Тем выразительнее Эго;
Тем упоительнее дни,
Чем дольше будем мы одни...

В дубовом синем кабинете
Я буду петь о новом лете,
Я буду новых ждать побед,
Твоим присутствием согрет...

И ты, как рыцарица духа,
Благодаря кому разруха
Дотебной жизни — где-то там,
Прижмешь свои к моим устам...

1915. Июнь
Эст-Тойла

ТРИ ТРИОЛЕТА

1

Страданья старого урода —
Никчемней шутки Красоты.
Согласен ли со мною ты,
Ты, защищающий урода?
Со мною — Бог, со мной — природа,
Мои понятия чисты.
Жизнь отнимаю от урода
Из-за каприза Красоты.

2

Она казалась мне прекрасной,
Всегда уродливою быв.
Пусть миг, но был я с ней счастли́в!
Пусть миг, была она прекрасной!
Прозрел. И с жаждой ежечасной
Искал тебя, мечтою жив.
И ты, прекрасная, прекрасной
Пришла, уродливой не быв.

3

Она всегда была мне верной
И быть не верной не могла:
Суха, неинтересна, зла,
Была она, конечно, верной...
Тебе, любимая, примерной
Труднее быть: ты так мила!
Но если б ты была неверной,
Ты быть собою не могла!..

1915. Июнь
Эст-Тойла

ПОЭЗА «НЕВТЕРПЕЖ»

> Терзаю ли тебя иль веселю,
> Влюбленности ли час иль час презренья,—
> Я через все, сквозь все,— тебя люблю.
>
> *З. Гиппиус*

Чем дальше — все хуже, хуже,
Все тягостнее, все больней,
И к счастью тропинка уже,
И ужас уже́ на ней...

И завтрашнее безнадежней,
Сегодняшнее невтерпеж:
Увы, я мечтатель прежний,
За правду принявший ложь.

Ты мне про любовь молчала,
Чужого меня не любя.
Надеялся я сначала,
Что трону потом тебя.

Но в месяцы дни стекались,
Как в реки текут ручьи,
И чуждыми мы остались,—
Не ведал твоей любви...

То в нежности, то в исступленьи,
Желая любовь вкусить,
Решался на преступленье,
Готовый тебя умертвить...

Мы пламенно отдавались,
Единым огнем горя,
Но чуждыми оставались,
Друг другу в глаза смотря.

И в месяцы дни стекались,
Как реки текут в моря.

1915. Июль
Леса Эст-Тойлы

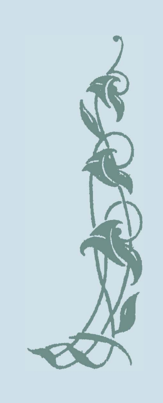
ПОЭЗА ЛЕСНОЙ ОПУШКИ

Ты бродила на опушке леса,—
Девушка без крови и без веса,—
В синей с белым воротом матроске,
С персиковым шарфом вкруг прически.

Накорзинив рыжики и грузди,
С тихим смехом, в чуть веселой грусти,
Кушала лиловую чернику,
Брал тебя туман в свою тунику.

Так, от полдня вплоть до повечерья,
Ты со взором, чуждым суеверья,
На опушке леса проблуждала
И меня глазами колдовала...

1915. Июль
Эст-Тойла

ПОЭЗА О ТЩЕТЕ

В ее руке платочек-слёзовик,
В ее душе — о дальнем боль...
О, как ненужен подберезовик!
О, как несладок гоноболь!

И лес, не давший исцеления,
Она меняет на экспресс,
На мимолетность и движение
Она меняет тихий лес.

Как раздражают эти станции!
Олюденные поезда!
Как в город хочется Констанции!
Как ей наскучила езда!

Навстречу яркому и резкому
И скорбному наперекор,
Она по блещущему Невскому
Пускает пламенный мотор.

То в опере Консерватории,
То в блеске званых вечеров,
То в промельке пустой истории
Старается расслышать зов...

Все тщетно. Явно обесцелено.
Ни в чем забвенья не найти.
Страдать до смерти кем-то велено,
И к смерти все ведут пути!..

23 авг. 1915
Ст. Иеве

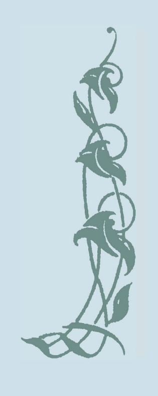
НАКАНУНЕ

Как на казнь, я иду в лазарет!
Ах, пойми! — я тебя не увижу...
Ах, пойми! — я тебя не приближу
К сердцу, павшему в огненный бред!..

Ты сказала, что будешь верна
И меня непременно дождешься...
Что ж ты, сердце, так бешено бьешься?
Предбольничная ночь так черна...

Я пылаю! Я в скорби! И бред
Безрассудит рассудок... А завтра
Будет брошена жуткая карта,
Именуемая: Лазарет.

1915. Ноябрь
Петроград

ПОЭЗА О ТОМ, ЧЕГО, МОЖЕТ БЫТЬ, НЕ БЫЛО

С каждым днем, пятый месяц, ты все тоньше и тоньше,
Все нежней эта бледность, все острей этот взор...
Каждый день, пятый месяц, туалет свой не кончив,
Ты, ложась, изучаешь оттоманки узор...

И на нежные речи, и на нежные взгляды
Я не знаю иного отвечанья, как тишь —
Тишь цветущей запруды, тишь весенней прохлады,
Тишь, в которой ты столько уязвленья таишь...

А еще так недавно, в дни цветенья сирени,
В дни фиолевых флеров и лиловых сирен,
Ты, как белка пушиста, в золотом озареньи,
Мотыльчила по парку, напевая «Кармен»!..

Говорила так пылко, целовалась так славно,
Хохотала так звонко и смотрела светло!
Ты теперь еле дышишь... А еще так недавно
Было то, что, пожалуй, вовсе быть не могло!..

16 дек. 1915
Москва

ПОЭЗА ИЗДАЛЕКА

Ты ледовитыми глазами
Полгода цепенишь меня...
За синелистными лесами
Живет меня добавный я...

Он полон тем, чем я пустею...
Во мне, чем он опустошен...
Он ждет тебя, как лесофею,
Ты ждешь его, как лесосон...

Весна сменяется весною,
И осень — осенью. А я
И ты, живущая со мною,
Все чтим добавного меня...

25 сент. 1915
Петроград

III. САГИ, БАЛТИКОЙ РАССКАЗАННЫЕ

СКАЗАНИЕ О ИНГРИД

1

На юго-восток от Норвегии, в Ботническом шхерном
заливе,
Был остров с особенным климатом: на севере юга
клочок.
На нем — королевство Миррэлия, всех царств и
республик счастливей,
С красавицею-королевою, любившей народ горячо.

2

У Ингрид Стэрлинг лицо бескровно. Она — шатенка.
Стройна. Изящна. Глаза лиловы. И скорбен рот.
Таится в Ингрид под лесофеей демимондэнка.
Играет Ингрид. Она поэзит. Она поет.

3

Она прославлена, как поэтесса. Она прославлена, как
композитор.
Она прославлена, как королева. Она прославлена
всеславьем слав.
Наследник маленький, Олег Полярный — и дочь
прелестная Эклерезита,
И принцем-регентом суровый викинг, но сердце
любящее — Грозоправ.

4

Эрик Светлоокий, Севера король, любит Ингрид нежно,
Любит Ингрид тайно, любит Ингрид вечно.
Эрик Светлоокий, Севера король, хочет к ней мятежно.
Ищет с ней случайной встречи и сердечно
Пишет: «Королева! выслушать изволь: ждет с тобой свиданья Севера король».

5

Ингрид прочла посланье, Ингрид смеялась нервно,
Ингрид кусала губы: Ингрид любила его!
Но Грозоправ был мужем! Но Грозоправ был первым,
Первым, невинность взявшим; кроме нее — ничего!..

6

И отвечает Ингрид Эрику, и отвечает Ингрид дальнему,
Такому дальнему и милому страны полярной королю:
«Привет влюбленному,— любимому! Привет, как я сама, печальному!
Привет тому, о ком тоскую я! Привет тому, кого люблю!»

7

И больше ни слова. Пойми, как желаешь.
Пойми, как умеешь. Пойми, как поймешь.

8

Плывет эскадрилья в столицу Сияиж.
О Эрик! в Миррэлию ты ли плывешь?

9

Его корабль с штандартом короля
В восходный час
Приплыл.
И свита дев, страну ее хваля,
Поет: «Для нас
Край мил».

10

Выходит Ингрид на южный берег,
При Грозоправе идет к нему:
— Тебя встречаю, пресветлый Эрик,
Ты осветляешь земную тьму.

11

Но край мой, не правда ли, светел? но край мой, не правда ли, ясен?
И светлого гостя встречает не менее светлый народ.
Я знаю, что Эрик отважен! Я знаю, что Эрик прекрасен!
Я знаю, что любит он Ингрид и смело к себе призовет!

12

Ты прости, Грозоправ: я тебя не хочу.
Светлоокому Эрику рада...

13

Потянулась рука Грозоправа к мечу
И свершила мгновенно, что надо.

14

Грозоправа хоронили, Грозоправа провожали,
Грозоправа называли: «Справедливый Грозоправ».
В замке Ингрид начертали в спальне новые скрижали:
«На несчастии другого каждый счастье строить прав».

15

Это было в счастливой Миррэлии,
В синей тени лазоревых слив.
Златолира же оменестрелила
Сердцу Игоря сладостный миф.

1915. Май
Эст-Тойла

СЛЕПАЯ ЗИГРИД

Слепая Зигрид девушкой была.
Слепая Зигрид с матерью жила.
Их дом стоял над речкою в лесу.
Их сад впивал заристую росу.

До старого села недалеко.
Им Диза приносила молоко,
Хорошенькая шведка из села.
Слепая Зигрид девушкой была.

Она была добра и молода,
Но так уродлива и так худа,
Что ни один прохожий селянин
Не звал ее в траву своих долин.

Коротко ль, долго ль — только жизнь текла.
Слепая Зигрид девушкой жила.
Слепая Зигрид жаждала любить:
Ах, кто придет любовью упоить?

Никто не шел, но шел за годом год.
Слепая Зигрид верить устает,
Слепая Зигрид столько знает слез,
Что весь от них растрескался утес...

И старый дом, и затаенный сад,
Уже, дрожа, обрушиться грозят.
И безобразный лик ее слепой
Все безобразней с каждою весной.

И час настал: в закатный час один
Пришел ее мечтанный властелин...
Седой скопец... и, увидав ее,
Вскричал: «Отдайте прошлое мое!»

Но он заглох, его безумный крик:
Холодный труп к груди его приник.
Слепая Зигрид девою жила,—
Слепая Зигрид девой умерла.

1915. Май
Эст-Тойла

«ПРИВИДЕНИЕ ФИНСКОГО ЗАЛИВА»

«Привиденье Финского залива»,
Океанский пароход-экспресс,
Пятый день в Бостон плывет кичливо,
Всем другим судам наперерез.

Чудо современного комфорта —
Тысячи вмещающий людей —
Он таит от швабры до офорта
Все в себе, как некий чародей.

Ресторан, читальня и бассейны;
На стеклянных палубах сады,
Где электроветры цветовейны
Знойною прохладой резеды.

За кувертом строгого брэкфэста
Оживленно важен табль-д-от.
Едет Эльгра, юная невеста,
К лейтенанту Гаррису во флот.

А по вечерам в концертозале
Тонкий симфонический оркестр,
Что бы вы ему ни заказали,
Вносит в номеров своих реестр.

И еще вчера, кипя как гейзер,
Меломанов в море чаровал
Скорбью упояющий «Тангейзер»,
Пламенно наращивая вал.

И еще вчера из «Нибелунгов»
Вылетал валькирий хоровод,
И случайно мимо шедший юнга
Каменел, готовый на полет...

А сегодня важную персону —
Дрезденского мэра — студят льдом,
И оркестр играет «Брабансону»,
Вставши с мест и чувствуя подъем.

Побледнела девушка-норвежка
И за Джэка Гарриса дрожит,
А на палубе и шум, и спешка:
Их германский крейсер сторожит!

Но среди сумятицы и гама,
Голосов взволнованных среди,
Слышит Эльгра крик: «Иокагама
Показалась близко впереди!..»

Точно так: под солнценосным флагом
Шел дредноут прямо на врага,
Уходящего архипелагом,—
Несомненно, немец убегал.

Но теряя ценную добычу —
Английский громадный пароход —
Немец вспомнил подлый свой обычай:
Беззащитный умерщвлять народ.

К пароходу встав вполоборота,
За снарядом выпускал снаряд,
А корабль японский отчего-то
Промахнулся много раз подряд...

Вдруг снаряд двенадцатидюймовый
В пароходный грохнулся котел,
И взревел гигант, взлететь готовый,
Как смертельно раненный орел.

Умирали, гибли, погибали
Матери, и дети, и мужья,
Взвизгивали, выли и стонали
В ненасытной жажде бытия...

Падали, кусали ближним горла
И родных отталкивали в грудь:
Ведь на них смотрели пушек жерла!
Ведь, поймите, страшно им тонуть!

Только б жить! в болезнях, в нищете ли,
Без руки, без глаза — только б жить!
«Только б жить!» — несчастные хрипели:
«Только б *как-нибудь еще побыть...*»

Был из них один самоотвержен;
Но, бросая в шлюпку двух детей,
И толпою женщин ниц повержен,
Озверел и стал душить людей.

Женщины, лишенные рассудка,
Умоляли взять их пред концом,
А мужчины вздрагивали жутко,
Били их по лицам кулаком...

Что — комфорт! искусства! все изыски
Кушаний, науки и идей! —
Если люди в постоянном риске,
Если вещь бессмертнее людей?!

1915. Июнь
Эст-Тойла

ВЕРАНДА НАД МОРЕМ

Роланд

Полгода не видясь с тобою,
Полгода с Эльвиной живя,
Грущу и болею душою,
Отрады не ведаю я.
Любимая мною когда-то
И брошенная для другой!
Как грубо душа твоя смята!
Как шумно нарушен покой!
Оставил тебя для Эльвины,
Бессмертно ее полюбя.
Но в зелени нашей долины
Могу ль позабыть я тебя?
Тебя я сердечно жалею
И сам пред собою не лгу:
Тебя позабыть не умею,
Вернуться к тебе не могу.
И ныне, в безумстве страданий,
Теряясь смятенной душой,
К тебе прихожу для признаний,
Как некто не вовсе чужой...
Найдем же какой-нибудь выход
Из тягостного тупика.
Рассудим ужасное тихо:
Довольно мучений пока.

Милена

Полгода не видясь с тобою,
Полгода кроваво скорбя,
Работала я над собою,
Смирялась, любила тебя.
Когда-то тобою любима,
Оставленная для другой,
Как мать, как крыло серафима,
Я мысленно вечно с тобой.
Но в сердце нет злобы к Эльвине:
Ты любишь ее и любим.
Ко мне же приходишь ты ныне,
Как ходят к умершим своим.
Роланд! я приемлю спокойно

Назначенный свыше удел.
Да буду тебя я достойна,
Раз видеть меня захотел.
Ничем вас, друзья, не обижу:
Вы — милые гости мои.
Я знаю, я слышу, я вижу
Великую тайну любви!

Эльвина

Полгода живя с нелюбимым,
Полгода живя — не живя,
Завидую тающим дымам,
Туманам завидую я.
Рассеиться и испариться —
Лелеемая мной мечта.
Во мне он увидел царицу —
Тринадцатую у креста.
И только во имя чувства,
Во имя величья его
И связанного с ним искусства
Я не говорю ничего.
Но если б он мог вернуться,
Тоскующая, к тебе,
Сумела бы я очнуться
Наперекор судьбе.
Но, впрочем, не все равно ли
С кем тусклую жизнь прожить? —
Ведь в сердце черно от боли,
Ведь некого здесь любить!

Милена

Я плачу о радостных веснах,
С тобой проведенных вдвоем,
Я плачу о кленах и соснах,
О счастьи плачу своем,
Я плачу о бедном ребенке,
О нашем ребенке больном,
О забытой тобой иконке,
Мной данной тебе в былом.
Я плачу о мертвой маме,
О мертвой маме своей,
О твоей Прекрасной Даме —

Бессердечной Эльвине твоей.
Но плачу всего больнее
Не о ребенке, не о себе,
Я плачу, вся цепенея,
Исключительно о тебе.
Я плачу, что ты ее любишь,
Но ею ты не любим,
Я плачу, что ты погубишь
Свой гений сердцем своим.
Я плачу, что нет спасенья,
Возврата, исходов нет.
Я плачу, что ты — в смятеньи,
Я плачу, что ты — поэт!

Роланд

Я жить предлагаю всем вместе,—
О, если бы жить нам втроем!..
Милена не чувствует мести
К сопернице в сердце своем.
Эльвина же, чуждая вечно,
Не станет меня ревновать.

Эльвина

Ты слышишь?

Милена

Я слышу, конечно.

Эльвина

И что же?

Милена

Не смею понять.

Эльвина

Я тоже.

Милена

Ты тоже? Что значит
Твоя солидарность со мной?

Эльвина

Он плачет, Милена, он плачет.
Утешь его: мне он... чужой...

Роланд

Милена! Эльвина! Милена!
Эльвина! Что делать? Как быть?
Есть выход из вашего плена:
Обеих вас надо забыть.
Жить с чуждой Эльвиной — страданье,
Вернуться к Милене — кошмар.
Прощайте! пускаюсь в скитанья:
Мой путь — за ударом удар.

1915. Июль
Эст-Тойла

IV. ШАЛОСТИ КУЗИНЫ

ШАЛИТ...

Упруга, как резина,
(Уж лучше не задень!..)
Шалит твоя кузина
Сегодня целый день.

Шалит, сама не зная,
Чего она шалит...
Должно быть, воздух мая
Кузину веселит...

Такая уж девчонка
(Ну что поделать с ней?)
Кудрява, как болонка,
Нежна, как цвет лилей...

За миной строит мину,
В лицо швыряет зов...
Схвачу твою кузину,
В уста! — и был таков!..

1915. Май
Эст-Тойла

АЖУР ВЕСЕННИЙ

Мне сладостно-грустно сегодня...
Ах, это весна-ежегодня
 Навеяла милую грусть!
Мне хочется странных хотений,
И лик офиолили тени,
 Подчеркивая алоусть...

Ты смотришь изнеженно-томно,
Вздыхаешь глубоко-укромно,
 Увлажнив фиолью зрачки.
Меня ты томишь и томишься,
С садовой фиалкой кумишься,
 Горошку грызешь язычки...

Весенься весенняя весень!
Просторься щемящая тесень!
 Озвенься, звеня, алозвонь!
Все влажно! душисто! фиольно!
Всего и всегда не довольно!..
 Целуй! прикасайся! затронь!

1915. Май
Эст-Тойла

ТВОЕ УТРО

С постели
Встала.
На голом теле
Дымится ало
И стынет сон.

Улыбки дрожко
Стрекозят крылья.
В глазах — умилье...
Еще немножко,—
И под уклон!

1915. Май
Эст-Тойла

БИРЮЗОВАЯ ПОЭЗА

Как солнце восходит раз в сутки,
Восходит в крови моей страсть...
И счастья минуту украсть
Спешу у Тоски-Беспробудки,
Сидящей собакою в будке,
Оскалив зубастую пасть.

Вся уличка в маевой тюльке
Качается, чуть бирюзясь.
Окрепла подснежная грязь.
Эстонка проносит копчульки.
И в птичьем восторженном бульке
Есть с бульком крови моей связь...

Я молод! Отдайся мне, солнце!
Отдайся, вся зелень! вся синь!
Отдайся отдачей святынь
Пчелиной душе аполлонца!
Сквози голубая коронца
Над ликом любимой! Аминь.

1915. Май
Эст-Тойла

«ПОКЛОННИЦА»

Приехала из Петрограда
Поклонница и — вот досада! —
Блуждает целый день вдоль сада,
        Неинтересна и суха.

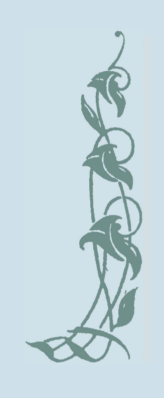
Мне пишет пламенные письма.
Пойди, Барбос, старушку высмей,
Полай, кусни!.. Встречался ты с ней?
        А я — подальше от греха:

Боюсь, не удержусь и резко
Наговорю ей, не без блеска,
Что в море, право, больше плеска,
        Чем в письмах, пошлых и тупых...

Что эти письма и букеты
Мешают мне писать сонеты,
И что лишь для того и лето,
        Чтоб летом отдохнуть от них...

Избрала б цензора иль гуся
И поклонялась им, не труся,
А у меня — моя Маруся,
        И я давно ее жених.

1915. Май
Эст-Тойла

ЦАРСТВО ЗДРАВОГО СМЫСЛА

Царство Здравого Смысла —
Твоя страна.
Чуждо над нею нависла
Моя луна.

Все в образцовом порядке
В стране твоей;
Улицы блестки и гладки,
Полны людей.

Люди живут, проходят
Туда-сюда,
Все, что им нужно, находят,
И без труда.

Учатся, и на спектакли
Ходят подчас.
Только поэты иссякли
Что-то у вас...

Да! Но никто не скучает:
Меньше грехов,
Благо, страна процветает
И без стихов...

1915. Июнь
Эст-Тойла

ЭТО СТРАШНО

Это страшно! — все одно и то же:
Разговоры, колкости, обеды,
Зеленщик, прогулка, море, сон,
Граммофон, тоска, соседей рожи,
Почта, телеграммы про победы
И в саду все тот же самый клен...

Из окна коричневая пашня
Грандиозной плиткой шоколада
На зеленой скатерти травы.
Где сегодняшний и где вчерашний
Дни? Кому была от них услада?
Я не знаю! Знаете ли вы?

Лето 1915
Эст-Тойла

ЛЕТНЯЯ ПОЭЗА

Белеет черемуха над сонной гусынею,
И море прохладою подернулось синею...
А в поле так воздушно! а в парке так сосново!
О, радости праздного! восторг безвопросного!

Где желтые лютики златеют на солнышке,
Забегали клевера веселые волнышки,
И белые бабочки, и белые курочки
Доверчиво ластятся к резвящейся Мурочке...

Блаженство бессмысленно, и в летней лилейности —
Прекрасен и сладостен триумф безыдейности...
Лишь думой о подвиге вся сладость окислена,
И как-то вздыхается невольно двусмысленно...

1915. Июнь
Эст-Тойла

ШУТЛИВАЯ РОНДЕЛЬ

Тебе в альбом электростишу
Свою шутливую рондель,
Возьми же эту самодель,
Чтоб спрятать в башенку под крышу.

Ты что-то говоришь, я слышу?
Что? лучше скрыть ее в постель?
Как хочешь! — я электростишу
Тебе в альбом свою рондель.

А может быть, ты спрячешь в нишу
Своей души, под сердца хмель?
Там ненадежно? неужель?
Своей тревоги не утишу,
Но все-таки электростишу.

1915. Июнь
Эст-Тойла

ТРИОЛЕТ О КЛЕНЕ

О, если б клен, в саду растущий,
Расправив ветви, улетел!..
О, если бы летать хотел
Безмозглый клен, в саду растущий!..
Он с каждым днем все гуще-гуще,
И вот уж сплошь он полиствел.
Что толку! — лучше бы: растущий,
Взмахнув ветвями, улетел!

1915. Июнь
Эст-Тойла

V. БЕССМЕРТНИКА ЗОЛОТОЦВЕТ

ПОЭМА БЕСПОЭМИЯ

А если я себе позволю,
Дав ямбу пламенному волю,
Тряхнуть прекрасной стариной
И, вдохновляемый весной,
Спою поэму на отличье,
В которой будет пенье птичье,
Призывотрели соловьев
И воды рек, и сень лесов,
И голубые лимузины,
И эксцентричные кузины,
И остро-пряный ассонанс,
И элегантный Гюисманс,
И современные грезэрки,
Заполнившие этажерки
Томами сладостных поэз,
Блестящими, как полонез,
И просто девственнь е дамы,
Себе построившие храмы
В сердцах совсем чужих мужей,
Забывшие своих детей,
Своих супругов — из-за скуки;
И тут же Скрябинские звуки,—
Поэма, полная огня,—
И жалопчелье златодня,
И сумасшествие Берлина,
И мудрость английского сплина,
И соком блещущий гранат,
Эолпиано Боронат
И с ней снегурочность Липковской,
И Брюсов, «президент московский»,
И ядовитый Сологуб

С томящим нервы соло губ,
Воспевших жуткую Ортруду,
И графоманы, отовсюду
В журналы шлющие стихи,
В которых злющие грехи,
И некий гувернер недетский
Адам Акмеич Городецкий,
Известный апломбист «Речи»,
Бездарь во всем, что ни строчи,

И тут же публикой облапен,
Великий «грубиян» Шаляпин
И конкурент всех соловьев
И Собинова — сам Смирнов,
И парень этакий-таковский
Смышленый малый Маяковский,
Сумевший кофтой (цвет танго!)
Наделать бум из ничего.
И лев журналов, шик для Пензы,
Работник честный Митя Цензор,
Кумир модисток и портних,
Блудливый взор, блудливый стих...
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
И свита баб Иллиодора,
Сплошной нелепицы и вздора,
И, наконец, само Танго —
«Бери ее! бери его!..»

———

Мой пылкий ямб достиг галопа
И скачет, точно антилопа,
Но я боюсь его загнать:
Вдруг пригодится мне, как знать!
Уж лучше я его взнуздаю
И дам погарцовать по маю:
Иди, пленяй собой луга...
А там — ударим на врага!

1915. Май
Эст-Тойла

«БРОДЯЧАЯ СОБАКА»

1

Залай, Бродячая Собака!
И ровно в полночь в твой подвал
И забулдыга, и гуляка
Бегут, как рыщущий шакал.
Богемой в папах узаконен,
Гостей встречает Борька Пронин
Подвижен и неутомим
(Друзья! вы все знакомы с ним!)
И рядом — пышущий, как тульский
С солидным прошлым самовар,
Распространяющий угар,
Известный женовраг Цибульский,
Глинтвейнодел и музыкант,
И, как тут принято, талант...

2

А кто же эти, с виду дети,
А по походкам — старички?
Их старший книжку издал «Сети»,
А эти — альманах... «Сморчки!»
Глаза подведены кокотно,
Их лица смотрят алоротно,
И челки на округлых лбах
Внушают дамам полустрах...
О, сколько ласки и умилий
В глазах, смотрящих на *своих*!..
От них я очищаю стих,
И, избегая их фамилий,
Уж превращенных в имена,
Оставлю им их времена!..

3

Все это «цвет литературы»,
«Надежда» выцветших писак,
Готовых пригласить на туры
Поэзовальса этот «брак»,
Дабы помодничать прекрасным
Зло-недвусмысленным маразмом,
Себя их кровью обновить...

Но тут легко переборщить
И гнилокровьем заразиться...
Нет, в самом деле, черт возьми,
Какими полон свет «людьми»!
Я не могу не возмутиться
И поощрителям «сморчков»
Бросаю молнии зрачков!

4

«Они талантливы»... Допустим!
Но что — в таланте без души?
Бездушные не знают грусти,
А только скуку. Напиши
Поэзу, вызванную скукой,—
И гений мой тому порукой,—
Как тонки ни были б слова,
Она останется мертва.
Ни возмутит, ни зачарует
Скопец, развратник, женофоб.
И современца медный лоб
Теперь лишь сталь бича взволнует,
Да, сталь бича иль гений! Вот
Какой пошел теперь народ!

5

«Ну что же, разве это плохо?
Ведь требовательность нужна...» —
Тут не сдержалась бы от вздоха
Моя знакомая княжна.
Однако ж, чем живет богема?
Какая новая поэма
Бездушье душ объединит?
Что мысли их воспламенит?
Чего хотят? о чем тоскуют?
Зачем сбираются сюда?
Да так... Куда ж идти? куда?
Посплетничают, потолкуют
И, от безделья отдохнув,
Зевают: «Скучно что-то, уф...»

6

Ничьей там не гнушались лепты,—
И в кассу сыпали рубли
Отъявленные фармацевты,
Барзак мешавшие с Шабли!
Для виду возмущались ими,
Любезно спрашивая: «Имя
Как ваше в книгу записать?»
Спешили их облобызать,
А после говорили: «Странно,
Кто к нам пускает всякий сброд?..»
Но сброд позатыкал им рот,
Зовя к столу на бутерброд...
Но это все уже туманно:
Собака околела, и
Ей околеть вы помогли!

1915. Май
Эст-Тойла

ПОЭЗА О ХАРЬКОВЕ

Я снова в нежном, чутком Харькове,
Где снова мой поэзовечер,
Где снова триумфально-арковы
Двери домо́вые — навстречу.

О Харьков! Харьков! буквoрадугой
Твоею вечно сердце живо:
В тебе нежданно и негаданно
Моя мечта осуществима.

О Харьков! Харьков! Лучший лучшего!
Цвет самой тонкой молодежи! —
Где я нашел себя, заблудшего,
Свою тринадцатую тоже.

Такая журчная и сильная,
В лицо задором запуская,
Мной снова изавтомобилена
Смеющаяся мне Сумская.

На восхищающем извозчике
Спускаюсь круто прямо к Поку.
Улыбки дамьи, шляпок рощицы
Скользят на тротуарах сбоку.

А вот и девочка графинина,
Одетая тепло-кенгурно,
Болтает с мисс (здесь это принято?):
«Maman им принята... „недурно“...»

Пусть афишируют гигантские
Меня афиши,— то ль не эра!
— Мартын! Сверни к ручьям шампанского
В гурманоазисах Проспэра.

1915. Декабря 19-го
Харьков — Павлоград
(поезд)

ПОЭЗА О МАЙОРЕНГОФЕ

Я помню: в Майоренгофе,
Когда мне было семь лет,
Я грезил о катастрофе,
О встречах, которых нет.

Как верная мне вассалка,
Собака ходила за мной,
И грезилась мне «Русалка»,
Погибшая той весной.

Maman с генеральшей свитской
Каталась в вечерний час.
И *нынешний* Кусевицкий
Настраивал контрабас...

А я увлекался рьяно
Оркестром «дружка» своего:
О, палочка Булерьяна!
О, милый автограф его!

И это же самое море,
Когда мне было семь лет,
Мне пело, мечты лазоря,
О встречах, которых нет...

1915. Июнь
Эст-Тойла

ПОЭЗА О ИОЛАНТЕ

Иоланта в брильянтах, Иоланта в фиалках,
Иоланта в муаре, Иоланта в бандо,
Иоланта в шантанах, Иоланта в качалках,
Иоланта в экспрессе, Иоланта в ландо!

Иоланта в идеях, Иоланта в болезнях,
Иоланта в страданьях, в кабаках и в нужде,
Иоланта в порывах и в восторженных песнях,
И в любви Иоланта! Иоланта везде!

Иоланта в Калуге, Иоланта в Сорренто,
Иоланта в Венере и во влаге цистерн,
В стилях,— в этих надмодных монументах
моментам,—
В Rococo, в Renessans'е, в Louis XV и в Moderne!

Иоланта в варьянтах и контрастах религий,
Иоланта в метаньях, в заблужденьях, в труде,
В интервалах планетных, в каждом дне,
в каждом миге,
И в тебе — Иоланта! Иоланта везде.

Иоланта в рокфоре, Иоланта в омаре,
Иоланта в Сотерне и в triple sec curasso,
Иоланта в Вольтэре, Иоланта в Эмаре,
В Мопассане, в Баркове, и в Толстом, и в Руссо!

Иоланта повсюду, Иоланта всеместна...
Что же это такое — Иоланта моя?
Ничего я не знаю, ничего не известно,
Но мне кажется,— это раздробленное «Я»!

1915. Июнь
Эст-Тойла

МЁДОВАЯ ПОЭЗА

Вадиму Баяну

Гостей любезно принимающий
В своей беззлобной стороне,
Сиренью мед благоухающий
Вы предложили к чаю мне.

О! вместе с медом просирененным
Вы предложили мне... весну! —
И Таню, смуженную Греминым,
Я вновь свободой оплесну.

И птицу, скрыленную клеткою,
Пущу я в воздух, хохоча,
И отклоню над малолеткою
Сталь занесенного меча...

Прощу врагам обиды кровные
И обвиню себя во всем,
И ласковые, и любовные
Стихи Ей напишу в альбом...

И вновь горящий, вновь пылающий,
Я всею воспою душой
Сиренью мед благоухающий,
Меня овеявший весной!

23-го декабря 1915
Александровск-Екатеринославский

ПОЭЗОШПИЛЬКА

Ты говоришь: «Татьяна Гремина
Совсем неправильно овсемена
Как чудо девичьей души:
Провинциалочке, как водится,
Онегин по душе приходится
Средь Митрофанушек в глуши.

Однако же, став дамой светскою,
Она — с душой ореха грецкого! —
Его отвергла для того,
Чтоб отомстить ему за прошлое
И выставить причину пошлую
Как... честь супруга своего.

Любовью сердца не онегена
И не любя совсем Онегина,
Довольна партией своей.
Да, Танечка, до брака — Ларина,
Довольно скверно переварена
Мозгами наших матерей...

Смешно бы обвинять Евгения
За нежное его презрение
К причудам девочки-дичка.
Лишь Таня сделалась Татьяною,—
Он вспыхнул всей душою рьяною,
Но лицемерно, свысока

Ответила княгиня Гремина,
Та, кто в мечту страны овсемена:
— Другому буду век верна.
Как это холодно и каменно!
Любовь воскликнула бы пламенно:
«Я рада, что тебе нужна!»

1915. Май
Эст-Тойла

ПОЭЗА МОЕЙ СВЕТОЗАРНОСТИ

Когда мне пишут девушки:
	«Его светозарности»,
Душа моя исполнена
	Живой благодарности.

Ведь это ж не ирония
	И не пародия:
Я требую отличия
	От высокородия!

Пусть это обращение
	Для всякой бездарности...
Не отнимай у гения
	Его Светозарности!

1915. Июнь
Эст-Тойла

ПОЭЗА КОРОЛЕВЕ

Моя ль душа,— душа не короля?
В ней в бурю,— колыханье корабля.
Когда же в ней лазорие и штиль,
Моих стихов классично-ясен стиль.

Тенденциозной узости идей,
Столь свойственных натуре всех людей,
Не признаю, надменно их презрев,
В поэзии своей ни прав, ни лев...

Одно есть убежденье у меня:
Не ведать убеждений. Не кляня,
Благословлять убожество — затем,
Дабы изъять его навек из тем...

Я не люблю людей, но я им рад,
Когда они мне рады — вот мой взгляд.
Не верю им и гордо, свысока,
Смотрю на них, к тому ж издалека.

Вступать в ряды людей — не мой удел,
Но вот я строй омаршить захотел,—
И я пою, движение любя;
Они идут, чем тешу я себя.

А стоит мне сильнее захотеть,—
И будут люди вечно жить и петь,
Забыв про смерть, страдания и боль:
Ведь я поэт — всех королей король!

1915. Май
Эст-Тойла

ПОЭЗА ЧУДА

Во всем себя вы в жизни сузили,
Одна осталась вам игра:
Самообманы да иллюзии,—
Убогой жизни мишура.

Рожденные в земном убожестве
Полуцари, полукроты,
Вы величаетесь в ничтожество,
Ложась холодно под кресты...

Зачем вам жить, не отдающие
Себе отчета в слове «жить»?
Всю жизнь свой сами крест несущие,
Чтоб под него себя сложить?

Бунтующие и покорные,
Игрушки воли мировой,
В самом бессмертии тлетворные,
Порабощенные судьбой!

Жалеть ли вас, земли не знающих
И глупый делающих вид,
Вселенной тайны постигающих,
Какие чует интуит?

Вас презирать без сожаления,—
Единственное что для вас!
Вас бичевать за все стремления,
За все «стремления на час»!

Честнее будьте вы, нечестные,
Но восхваляющие честь:
Без жалоб лягте в гробы тесные,
А жить хотите — выход есть:

Все, как один, в огне содружества,
Развихривая жизни ход,

Имейте пыл, имейте мужество
Все, как один, идти вперед!

И чудо явится чудесное:
Слиянные в своем огне,
Поработите вы Безвестное
И да поклонитесь вы мне!

1915. Май
Эст-Тойла

ПОЭЗА О ЛЮДЯХ

Разве можно быть долго знакомым с людьми?
И хотелось бы, да невозможно!
Все в людских отношеньях тревожно:
То подумай не так, то не этак пойми!..

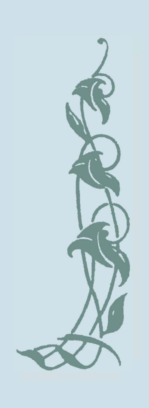
Я к чужому всегда подходил всей душой:
Откровенно, порывно, надежно.
И кончалось всегда неизбежно
Это тем, что чужим оставался чужой.

Если малый собрат мне утонченно льстит,
Затаенно его презираю.
Но несноснее группа вторая:
Наносящих, по тупости, много обид.

И обижен-то я не на них: с них-то что
И спросить, большей частью ничтожных?!
Я терзаюсь в сомнениях ложных:
Разуверить в себе их не может никто!

И останется каждый по-своему прав,
Для меня безвозвратно потерян.
Я людей не бегу, но уверен,
Что с людьми не встречаются, их не теряв...

1915. Май
Эст-Тойла

ПОЭЗА БЕЗНАДЕЖИЯ

Я чем-то подавлен, я чем-то стеснен.
Нет слов подходящих для звончатых песен.
И май в этот год уж не прежне чудесен.
И жизнь — полуявь, полубред, полусон.

Я чем-то обижен, я как-то устал,
Мне так одосадели мелкие люди...
Мечтал о безлюдьи, как будто о чуде:
Никто из них милого мне не сказал!

Как горько от зависти, лести, интриг,
От всех подражаний! от всех посвящений!
От их увенчаний развенчан мой гений!..
Мне тяжко: я их беспощадно постиг.

Незваная свита терзала весь год
Своими заботами, сплетнями, грязью...
Ах, есть ли ей равные по безобразью
Духовных надежд, меркантильных забот?!..

Какие-то гаденькие толмачи,
Мечты толкователи, лексионеры...
О как безнадежно бездарны и серы:
Их чувства — лягушки, их песни — грачи!

Я ими расстроен, я смят, угнетен.
Мне надо лечиться безлюдьем все лето.
Апатия, леность, усталость. Поэта
Во мне убивают, и близок мой сон...

...Маруся! Маруся! услышь, помоги! —
Ведь только в тебя упоительна вера...
Но вижу в руках твоих сталь револьвера,
А там, за тобою, не видно ни зги...

1915. Май
Эст-Тойла

У ПАМЯТНИКА КОМИССАРЖЕВСКОЙ

Вера Федоровна! Сегодня
Я заехал к Вам из полка:
Уж изнервничался я очень,
И такая была тоска...

Долго вглядывался я, сгорбясь,
В Ваши бронзовые черты:
В них застыло так много скорби,
Вдохновенности и мечты...

Я спросил Вас,— о, Вы поймете,
Вера Федоровна, о чем!..
Шевельнули едва губами
И чуть-чуть повели плечом...

А в глазах (в уголках, у носа)
Вспыхнул гнев, человечий гнев...
Всю бестактность своего вопроса
Понял я, плача и покраснев...

1915. Октябрь
Петроград

ВСЕ — ЗА НОВЬ!

Дождь за дождем, за бурей буря,
За песнью песнь, за болью боль.
Чело то хмуря, то лазуря,
Живут и нищий, и король.

О, всколыхните безмятежность,
Благополучье раздробя!
Прекрасней после гнева нежность,
Как, после муки, вы — себя!

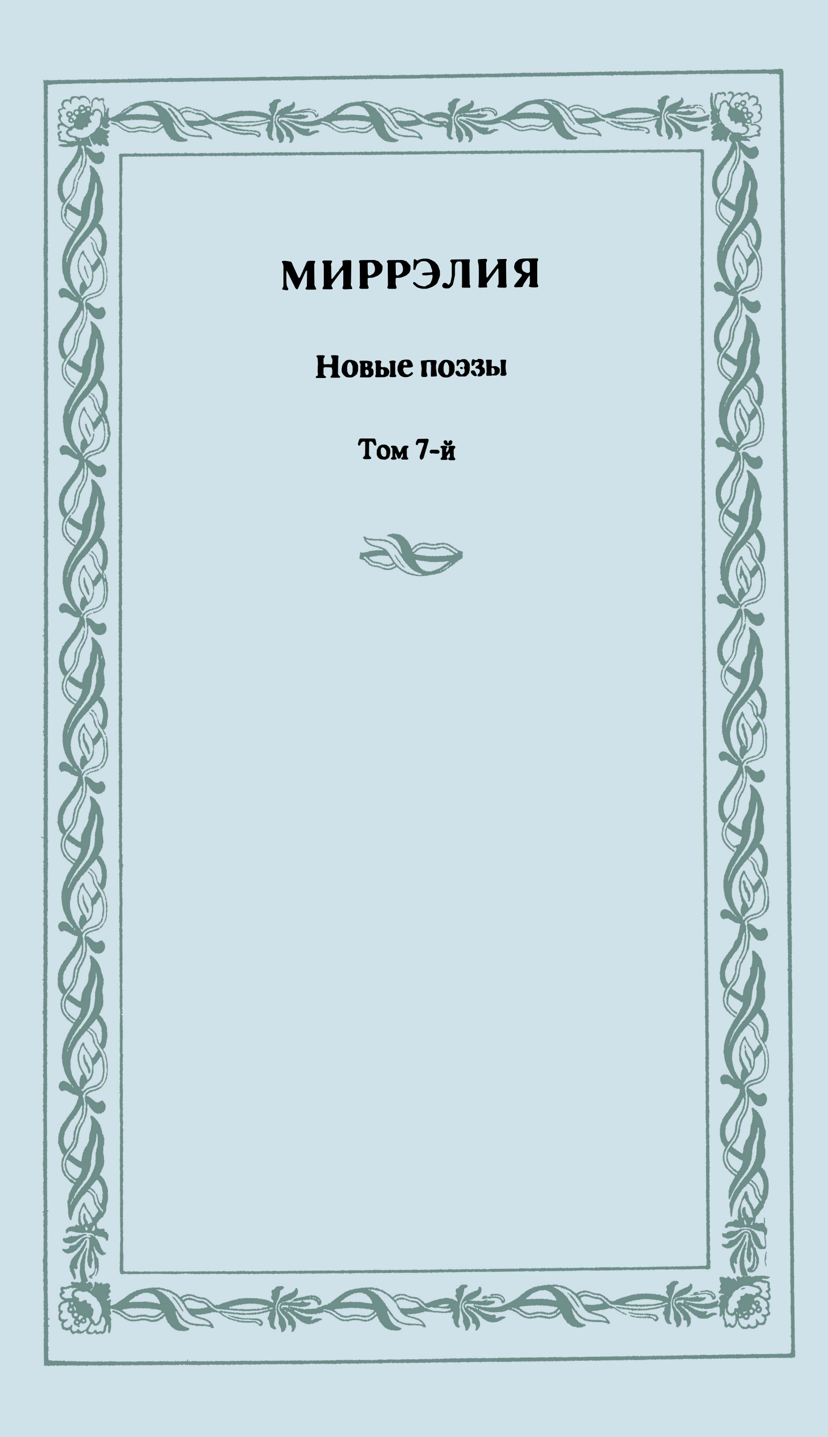
Свершайте явные ошибки,
Крушите счастье и любовь,
Чтоб только не было на Шипке
Душ ваших тихо. Все — за новь!

Да, все за новь, за блеск, за звонкость,
За обиенность и за шаг!
Я славлю мудрую ребенкость
И молодеческий кулак.

Живи, воистину живое,
Не уставая звать меня!
Пылай восторгом, ретивое:
Ведь даже в счастьи скорбен я!

1915. Июнь
Эст-Тойла

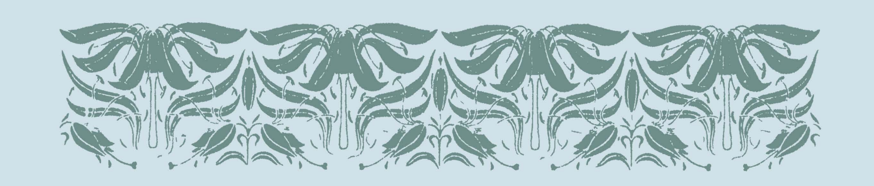

МИРРЭЛИЯ

Новые поэзы

Том 7-й

I. КОРОНА ЕЕ СВЕТОЗАРНОСТИ

УВЕРТЮРА

Миррэлия — светлое царство,
Край ландышей и лебедей.
Где нет ни больных, ни лекарства,
Где люди не вроде людей.

Миррэлия — царство царицы
Прекрасной, премудрой, святой,
Чье имя в веках загорится
Для мира искомой Мечтой!

Миррэлия — вечная Пасха,
Где губы влекутся к губам.
Миррэлия — дивная сказка,
Рассказанная мною вам.

Миррэлия — греза о юге
Сквозь северный мой кабинет.
Миррэлия — может быть, в Луге,
Но Луги в Миррэлии нет!..

Качает там лебедя слива,
Как символ восторгов любви...
Миррэлия! как ты счастлива
В небывшем своем бытии!

1916. Август
Им. Бельск

ПОЭЗА ИХ ОПРАВДАНИЯ

С тех пор, как Эрик приехал к Ингрид в ее Сияиж,
И Грозоправа похоронили в дворцовом склепе,
Ее тянуло куда-то в степи,
В такие степи, каких не видишь, каких не знаешь.

Я не сказал бы, что своенравный поступок мужа
(Сказать удобней: не благородный, а своенравный)
Принес ей счастье: он был отравный,—
И разве можно упиться счастьем, вдыхая ужас!..

Она бродила в зеркальных залах, в лазурных сливах,
И — ах! нередко! над ручейками глаза журчали...
Из них струился алмаз печали...
О, эта роскошь не для утешных, не для счастливых!..

Разгневан Эрик и осуждает он Грозоправа:
— Такая жертва страшнее мести и ядовитей.
Поют поэты: «Любовь ловите!»
Но для чего же, когда в ней скрыта одна отрава?

Ведь есть же совесть на этом свете — цариц царица,
Любви эмблема, эмблема жизни! ведь есть же
совесть!..
И ей подвластна и Ингрид, то есть
И королева должна послушно ей покориться.

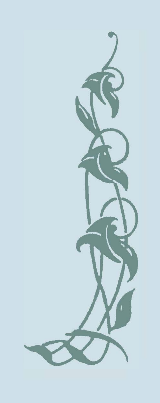
Но стонет Ингрид: «В твоей кончине не виновата,—
Я разлюбила и эту правду тебе открыла,
Не изменила и не сокрыла
Любви к другому. Я поступила, о муж мой, свято!»

В такие миги с его портрета идет сиянье,
Сквозит улыбка в чертах угрюмых, но добродушных.
Он точно шепчет: «Ведь мне не нужно,
Чтоб ты страдала, моя голубка,— утишь страданья.

Не осуждаю, не проклинаю,— благословляю
Союз твой новый и боле правый, чем наш неравный,
Твой Эрик юный, твой Эрик славный
Весне подобен, как ты, царица, подобна маю...»

Тогда любовью и тихой скорбью царицы выгрет
Подходит Эрик, раскрыв объятья, к своей любимой
И шепчет с грустью невыразимой:
— Мы заслужили страданьем счастье,
о друг мой Ингрид! —

1916. Август
Им. Бельск

ЭПИГРАММА ИНГРИД

Как некогда Балькис стремилась к Соломону,
Я к Эрику неслась на парусах души.
Я видела во сне полярную корону
И ледяной дворец, и музыку тиши.
Я слушала, дрожа, предчувствием томима,
Предчувствием того, что вечно буду с ним.
И вот сбылся мой сон: я королем любима!
И стала я его! и стал король моим!
О, как же мне воспеть венец моих стремлений,
Венец любви моей и торжества венец?
Я славлю царство льда, фиордов и оленей.
Любовник мой! мой брат! товарищ и отец!
Я славлю белый край, в котором ты королишь,
И подношу я в дар тебе свою страну,
Молю тебя, как ты один лишь небо молишь:
Владей мной целиком! люби меня одну!
Рабою припаду к блистательному трону,—
Целуй меня иль бей! ласкай иль задуши!
Подобна я Балькис, как Эрик — Соломону,
Душа моей мечты! мечта моей души!

1916. Август
Им. Бельск

СЕВЕРНЫЙ ТРИОЛЕТ

Что Эрик Ингрид подарил?
Себя, свою любовь и Север.
Что помечталось королеве,
Все Эрик Ингрид подарил.
И часто в рубке у перил
Над морем чей-то голос девий
Я слышу: «Он ей подарил
Себя, любовь свою и Север».

1916. Август
Им. Бельск

ПОЭЗА О ВАЛЬДШНЕПЕ И ЗАЙЧИКЕ

Синеглазый вальдшнеп и веселый зайчик,
    Маленький кусайчик,
Весело играя, бегали в столовой,
    Гас закат лиловый.
Вальдшнеп длинноклювый зайчикова цвета
    Сожалел, что лето
Он уже отбегал, бегая, отлетил,
    Милую не встретил...
А лукавый зайчик, шерсткою как вальдшнеп,
    Думал, что-то дальше
Осенью-зимою будет с ним такое:
    Жизнь или жаркое...
Но в дверях столовой, на ковровом тигре
    Появилась Ингрид,
И ее любимцы, и ее питомцы
    Вновь познали солнце!
И легко подпрыгнув, бросился к ней зайчик,
    Ласковый кусайчик,
А за ним и вальдшнеп поспешил к хозяйке
    На спине у зайки...

1916. Август
Им. Бельск

ПОЭЗА РЫБНОЙ ЛОВЛИ

И крапчатых форелек, и пильчатых стерлядок
На удочку искусно вылавливать привыкла
Королева Миррэльская.
И до луны июльской, сообщницы загадок,
Когда ее сиянье острит у кедра игры,
Веслит лодка карельская.
В невинном развлеченьи так много чарованья,
Так много ожиданья и острых ощущений,—
Хорошо ей под струями...
И до заката солнца в озаренном молчаньи
Сидит она на лодке в бездумном упоеньи,
Рыбной ловлей волнуема...
Лишь поплавок сапфирный, стерлядкою влекомый,
Молниеносно канет во влагу малахита,
Загорится красавица.
О, эти ощущенья ей хорошо знакомы!
И с рыбою ведерко луною все облито,
Королеве такой нравится.
Любовно фаворитка головку на колени
Царице наклонила, легка, как балерина,
Королеве сочувствуя...
И обе — в чарованьи, и обе — в легкой лени:
И Ингрид-королева, и фрейлина Эльгрина,
Девушка алоустая.

1916. Август
Им. Бельск

РЯБИНОВАЯ ПОЭЗА

Из октябрьской рябины
Ингрид варит варенье.
Под осенних туманов сталь — седое куренье
И под Эрика шепот, точно гул голубиный...
Никому не позволит
Ей помочь королева.
Оттого и варенье слаще грёзонапева...
Всех улыбкой малинит, всех глазами фиолит...
(Не варенье, а Ингрид!..)
А у Ингрид варенье —
Не варенье, а греза и восторг вдохновенья!
При дворе — лотерея, и его можно выиграть...
А воздушные слойки
Из рябиновых ягод
Перед этим шедевром посрамленными лягут.
Поварихи вселенной,— перед ней судомойки...
А ликеры рябиньи
Выделки королевьей!
Это — аэропланы! это — вальсы деревьев!
Это — арфа Эола и смычок Паганини!
Всем сластям и напиткам
Прорябиненным — слава!
Ингрид ало смеется и смакует лукаво
Свой ликер несравненный, что наструен с избытком.

1916. Август
Им. Бельск

ПОЭЗА МАЛЕНЬКОГО ПРЕУВЕЛИЧЕНИЯ

Луна чуть звякала,
А Ингрид плакала:
Ей нездоровилось. Душа болела.
Близка истерика...
Нет дома Эрика...
Кровь гордогневная в щеках алела.

О, совершенное
И неизменное
Блаженство тленное планеты этой!
Не плачь же, гордая,
Будь в горе твердая,
На одиночество свое не сетуй.

Есть тайны в жизни,—
И как их выяснить?..
Ведь не попался король в измене!
Но возмутительно,
Но оскорбительно,
Что разогнул он на миг колени!

Что миги краткие
Не пьет он сладкие
Уста любимые, уйдя куда-то!..
Что есть биение
В разъединении
Что — пусть мгновение! — но вот одна ты!

А жизнь поэзилась:
Ей с детства грезилась
Любовь бессмертная: быть вместе вечно.
Да, в разлучении
Всегда мучение...
О, я сочувствую тебе сердечно!

1916. Август
Им. Бельск

ТИХАЯ ПОЭЗА

«Мне хочется тихого-тихого вечера,—
        Королева сказала:
— Уйти подальше от искалеченного
        Людного зала...

Мне так надоела свита льстивая,
        Подлая свита.
Я, королева благочестивая,
        Мечтой овита.

Мне даже король со своим величием
        Нередко в тягость.
О, если б упиться могла безразличием,
        Была бы радость...

Лишь ты, Эльгрина моя любимая,
        Моя Эльгрина,
Поймешь страданье неуловимое,
        Взор не отринув...

И что-то потеряно, что-то встречено,
        И что-то сломала...
И даже... самого тихого вечера
        Тиха тишь мало!..»

1916. Август
Им. Бельск

ПОЭЗА БЕЗ СЛОВ

Съёженная рябина ржаво-красного тона...
Пальчиками голубика с нежной фиолью налета...
        И ворожба болота...
        И колдовство затона...
        И немота полета...
        И крутизна уклона.
Мыши летучей, карей... Месяца позолота...

А вдалеке — две скрипки, арфы и виолончели,
И долгота антрактов, и в долготе окарины,
        Трели любви соловьиной,
        Палевые качели,
        Pas голубой балерины,
        Призраки Ботичелли
И нагота сплетенных Ингрид и фейной Эльгрины.

1916. Август
Им. Бельск

ПИСЬМО ЭЛЬГРИНЕ И ОТ НЕЕ

Эльгрина уехала в гости
К подружке своей в Копенгаген,—
И что на словах раньше было,
Отныне уже на бумаге...
И в чарах изысканной злости
И ревности пишет ей Стэрлинг:
— А если бы я полюбила
Палана не меньше, чем стерлядь?

А если бы я целовала
Фиалки не меньше пионов?
А если бы я тяготела
К искусству — ты слышишь? — шпионов?
Не creme des lilas, а — oporto,
А если бы я свое тело
Лелеяла только для черта?!..

И то ли поет окари́на,
И то ли летает сильфида,
И то ли у датского порта —
Конверт, а в конверте — обида.
Смеясь отвечает Эльгрина:
«Целуй, если хочешь, пионы,
И пей, если хочешь, oporto
И даже попробуй в шпионы...

Послушай, но это забавно,
Немножко смешно и наивно,
Но все-таки, о дорогая! —
Так дивно! так дивно! так дивно!
Так будь же всегда своенравна,
Моя голубая голубка,
Но чтобы не смела другая
Познать тебя страстно и глубко...»

1916. Август
Им. Бельск

ДЕКРЕТ МИНИСТРЕССЫ

Графиня Крэлида Фиорлинг
Изящных искусств министресса,
Под чьим покровительством пресса
Познала тропичный расцвет,
Чье имя у критика в горле
Спирает дыханье от страха,
Звуча для него, точно плаха,
Насущный издала декрет,
В котором она, между прочим,
Редакторов всех обезличив,
И «этих» и «тех» без различья
В особый собрав комитет,
Успех комитету пророча,
Советовала объединиться
Мотивя, что у «единицы»
Достаточной выдержки нет...

Открытое при министерстве
Собранье всех вкусов и взглядов
Отныне должно было рядом
Речей браковать и ценить
Труды находящихся «в детстве
И старости литературы»
Бездарное — до корректуры! —
Порвало с читателем нить...
Но то, что талантливо было,
От знати имен не завися,
В печать отдавалось, чтоб к выси
Неведомые имена
Взнести,— поощренное жило!
Навеки исчезла обида...
Не правда ль, графиня Крэлида
Была государству нужна?..

1916. Август
Им. Бельск

ПОЭЗА О ПОЭЗАХ

Когда у королевы выходит новый томик
Изысканных сонетов, кэнзелей и поэз,
Я замечал, что в каждом доме
К нему настражен интерес.

Идут ее поэзы десятками изданий
И служат украшеньем окниженных витрин,
Ее безумств, ее мечтаний —
В стихах чаруйный лабиринт...

Все критики, конечно, ей крутят фимиамы,
Как истые холопы, но курят невпопад,
И нет для Ингрид большей драмы,
Чем их рецензий сладкий «пат»...

Прекрасные поэзы от их похвал пошлеют,
Глупеют и мерзеют от фальши их похвал,
И гневом и стыдом алеет
Щек царских матовых овал...

А те, кто посмелее, с тенденцией «эсдеков»,
Бранить ее решались, но тоже не умно.
Читая этих «человеков»,
Царице все же хоть смешно.

Однажды Ингрид Стэрлинг (о, остроумья сила!)
Всем ядно отомстила — в редакцию письмом,
В котором критиков просила
Забыть «ее творений дом».

«Не раз я разрешала бранить меня печатно,
Но только беспристрастно и лишь по существу.
А ваша лесть мне неприятна:
Я тоже мыслю и живу...

Теперь я запрещаю всей властью королевы
Рецензии о книгах моих изготовлять:
Из вас бездарны те, кто «левы»,
А «правых» трудно «олевлять»...

Еще одна причина бессмыслицы рецензий:
Чтоб разбирать большое — ах, надо быть большим!
Безда́рь бездарна и при цензе,
Талант бездарностью душим!..

Чтоб отзыв беспристрастный прочесть
под псевдонимом
Пришлось бы мне поэзы печатать, но зачем,
Когда трудом своим любимым
Я дорога свободным всем?

Да и сама всех лучше себе я знаю цену:
Стихи мои прекрасны без брани и похвал!
На сцену, молодежь, на сцену!
Смелей! — успех или провал!»

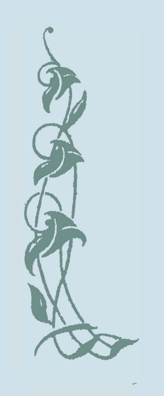
1916. Август
Им. Бельск

БАЛЬКИС САВСКАЯ

Поэзосолистка Ее Светозарности речитативом
Читает ее сочиненья лирично сопрано красивым.
Она происходит из древней миррэльской фамилии
графской,
Она выступает под именем звучным — Балькис, девы
Савской.
Поэзоконцерты с изящным участием славной солистки
Всегда интересны, и стильно проходят на фоне
арфистки.
Хрустальная дикция и фразировка, изыски-нюансы.
Она филигранно читает газеллы, канцоны и стансы.
Слегка ледяная, с высокой прической, и миниатюрна,
Она на эстраде ажурно-сквозная, и все в ней ажурно!
Каштаново-бронзовы волосы, губы — веселая алость.
Усталая в ней шаловливость, иначе — шальная
усталость.
И если завистливо критика пишет умышленно злобно,
Соперниц не зная в своих выступленьях, она
бесподобна!
Сама королева ее отличила, даруя солисткой:
Так что же ей зависть, она презирает всю фальшь
рецензентов,
Ее ободряют, звуча так литаврово, аплодисменты —
Ценителей истинных и королевского дара, и — Савской,
Ах, с нею сравниться не снилось актрисе, актрисе
заправской!

1916. Август
Им. Бельск

ВИЗИТ ВААЛЬЯРЫ

Автомобиль Ваальяры около виллы Эльгрины
Фыркая, остановился. Выбежала Гарриэт:
«Милая! Вы ль не кстати? — я получила кларет
Вашей возлюбленной марки, да и паштет куриный,
Нашего повара гордость, входит сегодня в обед...»

Но усмехнулась актриса, строя сарказмную мину,
Тонко прищурила очи, их направляя в лорнет,
И процедила сквозь зубы: «Вкусный, конечно, обед,
Но Ваша светлость, простите, из редикюля я выну
Крошечную безделушку»,— и заблестел пистолет!

Расхохоталась бравурно маленькая принцесса,—
На призывающий хохот вышла пантера, но «пиль!»
Сказано не было вовсе... Взяв из вазетки кальвиль,
Четко сказала хозяйка: «Мне — дать обедать, Агнесса,
А госпоже Ваальяре — собственный автомобиль».

1916. Август
Им. Бельск

ГАСТРОЛЬ ВААЛЬЯРЫ

(«ИРИС» МАСКАНЬИ)

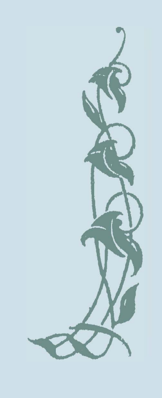
В королевском театре
Ваальяру рассматривая,
Королева прослушала год не шедшую «Ирис».
Автор сам дирижировал,
А король игнорировал
Потому платья нового помрачительный вырез.
Убаюканный тактами,
Развлекаемый антрактами,
Проводимыми весело в императорской ложе,
Был Масканья блистательный
В настроеньи мечтательном,
И Ее Светозарности было солнечно тоже...
Королевскими просьбами
Привлеченная, гроздями
Бриллиантов сверкавшая, в дверь вошла Ваальяра,—
Прима колоратурная,—
Вся такая ажурная,
Как изыски Бердслеевы, как berceuse'ы Годара
И блестя эполетами,
Бонбоньерку с конфетами,
В виде Леды и Лебедя, предлагает ей Эрик.
Ваальяра кокетничает,
А придворные сплетничают —
Открыватели глупые небывалых Америк...
Композитор признательно,
Правда, очень старательно,
Ей целует под веером надушенную руку.
И король комплиментами,
Загораясь моментами,
Угощает дающую крылья каждому звуку.
Королевой же ласково
(Что там скрыто под маскою?)
Ободряется пла́мная от смущенья актриса.
И полна благодарности,—
Дар Ее Светозарности
Примадонна пришпилила к лифу ветку ириса.

1916. Август
Им. Бельск

ПРОГУЛКИ ИНГРИД

Ингрид любит прогулки на ореховом бриге,
Ежедневно пускаясь в бирюзовые рейсы.
　　На корме — эдельвейсы,
　　И качалка, и книги.
Маллармэ и Сенкевич, Пшибышевский и Стриндберг.
Шелковые закладки. Переплет из сафьяна
　　Как читает их пьяно
　　Фьолеглазая Ингрид!
Фьолеглазая Ингрид! Эти взгляды — как сабли!
В них сердца утопали, как любовные грузы...
　　И целуют медузы
　　Дно стальное корабле.
Стаят злые акулы и взлетают дельфины,
Но Ее Светозарность замечталась в лонг-шезе
　　И читает в поэзе
　　Про былые Афины...
Или палевых писем кружевные интриги
С королем, улыбаясь, разбирает в шкатулке...
　　Ингрид любит прогулки
　　На ореховом бриге.

1916. Август
Им. Бельск

БАЛЛАДА I

Баллад я раньше не писал,
Но Ингрид филигранить надо
То в изумруды, то в опал,—
И вот о ней моя баллада.
Какая странная услада —
Мечтать о ней, писать о ней...
Миррэлия — подобье сада,
А я — миррэльский соловей.
Дала однажды Ингрид бал.
Цвела вечерняя прохлада.
Фонтан, как сабли, колебал
Серебраструи; винограда
Дурман для торжества парада,
Легко кружился средь гостей.
Я пел, и было сердце радо,
Что я — миррэльский соловей.

Взнеси, читатель, свой фиал.
То,— возрожденная Эллада,
И не Элладу ль ты искал
В бездревних дебрях Петрограда?
Ну что же: вот тебе награда:
Дарю тебе край светлых фей.
Кто ты, читатель, знать не надо,
А я — миррэльский соловей.

В моей балладе мало склада,—
В ней только трели из ветвей...
И ты, быть может, ищешь стада,
А я — миррэльский соловей!..

1916. Август
Им. Бельск

БАЛЛАДА II

Десятый день ее корвет
Плывет среди полярной сини,
И нет все пристани, но нет
На корабле ее — уныний.
Ах, в поиски какой святыни
Она направила свой путь?
Ах, грезы о какой богине
Сжимают трепетную грудь?
Не прозвучал еще ответ,
Но неуверенных нет линий
В пути руля: сквозь мрак, сквозь свет
Плывет корвет под плеск — то линьий,
То осетровый, то павлиний
Узорный ветер опахнуть
Спешит ее. Волшба Эриний
Сжимает трепетную грудь.

О королева! ты — поэт!
Источник ты среди пустыни!
Твой чудодейный амулет
Хранит тебя средь бурь, средь скиней...
На палубе сребреет иней
И голубеет он чуть-чуть...
Но вот мечты о милом сыне
Сжимают трепетную грудь...

Забыть бы о ветрах, о мине,
Корвет обратно повернуть:
Ведь там весна!.. Она, в жасмине,
Сжимает трепетную грудь.

1916. Август
Им. Бельск

БАЛЛАДА III

Она катается верхом
Почти всегда ежевечерне.
Ее коня зовут конем
Совсем напрасно: он — как серна!
И то вздымаясь кордильерно,
И то почти прильнув к земле,
Он мчит ее неимоверно,
И тонет бег коня во мгле.

Бывает: Ингрид над прудом
В лесу, где ветхая таверна,
Коня придержит, и потом
Любуется собой венерно
В пруде, как в зеркале. Конь мерно
И жарко дышит. На скале
Дозорит солнце — все ли верно,
И тонет солнца ход во мгле.

Стэк, оплетенный серебром,
На миг взовьется,— вздрогнув нервно,
Скакун несется ветерком.
И королева камамберно
Глумясь над крестиком из Берна,
Глаз практикует на орле.
Ружье нацелено примерно,—
И тонет лет орла во мгле.

Душа — прозрачная цистерна.
Почило солнце на челе.
И все-таки, как то ни скверно,
Потонет жизнь ее во мгле.

1916. Август
Им. Бельск

БАЛЛАДА IV

Эльисса бегает с пажом,
Гоняя шарики крокета.
О, паж, подстриженный ежом,
И ты, о девушка-ракета!
Его глаза, глаза кокета,
Эльвиссу ищут и хотят:
Ведь лето, наливное лето
Струит в юнцов любовный яд.

Что делать юношам вдвоем,
Раз из двоих, из этих — эта
И этот налицо, причем
У каждого и кровь согрета?..
Какого может ждать ответа
Восторгов тела пьяный ряд,
Когда один намек запрета
Струит в юнцов любовный яд.

Мигнула молния, и гром
Прогрохотал задорно где-то,
И лес прикинулся шатром...
Они в шатре. Она раздета.
Ее рука к дождю воздета.
А дождь, как некий водопад,
Глуша, что мною недопето,
Струит в юнцов любовный яд.

Маркизы Инетро карета
Свезла промокшую назад,
Паж вновь при помощи сонета
Струит в нее любовный яд.

1916. Им. Бельск

БАЛЛАДА V

«Баллада Рэдингской тюрьмы» —
Аккорд трагический Оскара.
За фейерверком кутерьмы —
Она прощение и кара.
Подбитое крыло Икара...
Обрушившийся Вавилон...
Восторг запретов Гримуара...
И он все тот же, да не он.

Что значат сильные умы
И вся окрылось их удара?
Не видеть лета средь зимы,
Из моря не извлечь пожара,
Не нежить зайцу ягуара,
Не опрокинуть небосклон.
Один ли был? Была ли пара?
Но он все тот же, да не он.

Свет мира есть частица тьмы
И тьмы губительная чара...
Зло сулемы! сумы! чумы!
Лилит, Годива и Тамара,
Ах, кто из вас не угнетен?..
Монах надел мундир гусара,
И он все тот же, да не он.

В Уайльде есть черты Эмара,
Уайльд в Эмаре отражен...
Так пой же, пой же, Ваальяра,
Что он все тот же, да не он!

1916. Август
Им. Бельск

БАЛЛАДА VI

У Юнии Биантро
Совсем левкоевая шейка.
Смакует triple sec Couantreu
Весь день изысканная миррэлька.
Вокруг весна-душистовейка,
Просоловьенная луна,
Мечта о принце, грезогрейка,
И голубая пелена...

Как смотрит Юния остро
На вешний пир и, точно змейка,
На солнце греется пестро,
И манит вдаль ее аллейка.
Смутить попробуй-ка, посмей-ка!
Она весенне-влюблена...
Вокруг весна, улыбногрейка
И голубая пелена...

Ночей весенних серебро,
Тумана легкая фланелька
И листьев пальмовых перо
Грудь нежат ласково и клейко...
Весна, природовая швейка,
Луг рядит в тогу изо льна...
А там, над озером, скамейка
И голубая пелена...

Служанка, бронзная корейка,
В ее мечты вовлечена...
И тает в грезах корифейка,
Как голубая пелена...

1917. Февраль
Харьков

БАЛЛАДА VII

Мне ярко грезится река,
Как будто вся из малахита...
Она прозрачна и легка.
Река — мечта! Река — Пахита!
В ней отразились облака,
Лучисто звезды утонули.
Она извивна и узка,—
И музыка в прохладном гуле...

Эльгрины нежная рука
Ведет в страну, что не забыта,
По крайней мере *здесь*, пока...
О ты: восторг речного быта!
Твоя свобода широка,
И пламя есть в твоем разгуле,
Есть ненюфары для венка,
И музыка в прохладном гуле...

Для молодого старика
Природа, не родясь, убита...
Но для меня, чья мысль тонка,
Чье сердце пламени раскрыто,
Как хороша, как глубока
Мечта о феврале в июле,
Цветов душистая тоска
И музыка в прохладном гуле...

И если вы, спустя века,
Балладу эту проглянули,
Сказали: «Каждая строка
Здесь — музыка в прохладном гуле...»

1917. Февраль
Харьков

БАЛЛАДА VIII

Эльгрина смотрит на закат;
В закате — пренье абрикоса,
У ног ее — надречный скат,—
Головокружно у откоса.
А солнце, улыбаясь косо,
Закатывается на лес.
Эльгрина распускает косы
И тихо шепчет: «День исчез»...

А день угасший был так злат!
Мужали крылья альбатроса!
И бился на море фрегат,
Как бьется сердце у матроса.
Казалось, не было вопроса
Ни у земли, ни у небес.
Эльгрина курит папиросу,
И вот дымок ее исчез...

Ее глаза — сплошной агат;
Ее душа летит в льяносы;
В устах ее созрел гранат;
Наги плеча и ноги босы;
На наготе сверкают росы,
Мечта — орлу наперерез;
Эльгрина жадно пьет кокосы,
И вот их млечный сок исчез...

Вокруг кружатся златоосы.
В природе — колыханье месс.
Она пускает в ход колеса,—
И вот велосипед исчез...

1917. Февраль
Харьков

БАЛЛАДА IX

О ты, Миррэлия моя! —
Полустрана, полувиденье!
В тебе лишь ощущаю я
Земли небесное волненье...
Тобою грезить упоенье:
Ты — лучший сон из снов земли,
И ты эмблема наслажденья,—
Не оттого ль, что ты вдали?

Благословенные края,
Где неизживные мгновенья,
Где цветны трели соловья,
Где соловейчаты растенья!
Земли эдемские селенья,
К вам окрыляю корабли!
Но это страстное влеченье —
Не оттого ль, что ты вдали?

Да, не любить тебя нельзя,
Как жизнь, как май, как вдохновенье!
К тебе по лилиям стезя,
В тебе от зла и смут забвенье;
В тебе от будней исцеленье,—
Внемли мечте моей, внемли!
Я верю — примешь ты моленье,—
Не оттого ль, что ты вдали?...

Уже конец стихотворенью,
А строфы только расцвели.
И веет от стихов сиренью —
Не оттого ль, что ты вдали?!.

1917. Февраль
Харьков

БАЛЛАДА X

Любовь! каких-нибудь пять букв!
Всего две гласных, три согласных!
Но сколько в этом слове мук,
Чувств вечно-новых и прекрасных!
Чувств тихо-нежных, бурно-страстных,
Чувств, зажигающих в нас кровь,
Чувств радостных и чувств несчастных
Под общим именем «любовь».

Любовь! какой чаруйный звук!
Букет цветов с избытком красных...
Волшба сплетенных в страсти рук,
И фейерверки слов напрасных...
Аэропланы чувств опасных,
Паденья, рвы и взлеты вновь,
Все то, что в образах неясных —
Под общим именем «любовь».

Любовь! как дед когда-то, внук
Тебя же в признаках компасных
Найдет, усилив сердца стук,
В полях, среди цветов атласных,
В горах, среди ветров ужасных,
Везде найдет, вздымая бровь,
Тебя, кто брезжит в днях ненастных
Под общим именем «любовь».

Любовь! Как мало душ, согласных,
С тобой познавших счастья новь!
Но сколько гибелей злосчастных
Под общим именем «любовь».

1917. Февраль
Харьков

БАЛЛАДА XI

Экспресс уходит за фиорд
По вторникам в двадцать четыре.
Торопится приезжий лорд
Увидеть вновь морские шири.
Сияижа нет лучше в мире,
Но все же надо в Ливерпуль...
Когда нас ждут счета и гири,
Нас мало трогает июль...

Гимнастикой своею горд,
Все струны на душевной лире
Давно порвав, стремится в порт
Культурный лорд, и на «Вампире»
В каюткомпаньевом empire'е,
Плывет на родину. «Буль-буль»,
Журчит вода вином на пире:
Ее не трогает июль.

Смотря, как бьет волна о борт,
О паюсной икре, о сыре
Мечтает лорд и — что за черт! —
Об ананасовом пломбире...
Как рыцарь дамы на турнире,
Кивает нежно банке муль,
Но в небе, в золотой порфире,
Его не трогает июль...

Спит солнце в моревом имбире,
Уже к земле направлен руль;
Лишь дома в горничной Эльвире
Милорда трогает июль...

1917. Февраль
Харьков

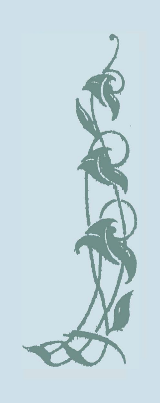
КЭНЗЕЛЬ III

Яхта Ингрид из розовых досок груш комфортабельна,
Ренессансно отделана и шелками, и бронзою.
Безобидная внешностью, артиллерией грозная,
Стрельчатая — как ласточка, как порыв —
монстриозная,
Просто вилла плавучая, но постройки корабельной.

Королева название ей дала поэтичное:
«Звон весеннего ландыша» — правда, чуть элегичное?
Яхта Ингрид из розовых досок груш комфортабельна
И эффектна при месяце, если волны коричневы
С темно-крэмной каемкою, лучиками огра́бельной.

Если небо затучено, и титаново-сабельный
Путь сапфирно-излуненный обозначится на море,
Яхта вплавь снаряжается, и, в щебечущем юморе,
Королева готовится к путешествию по морю
В быстрой яхте из розовых досок груш
комфортабельной.

1916. Сентябрь
Им. Бельск

КЭНЗЕЛЬ IV

В ее будуаре так много нарциссов,
Китайских фонариков радуга светов
И ярких маркизов, и юных поэтов,
Сплетающих Ингрид гирлянды сонетов,
И аплодисментов, и пауз, и бисов!

И знойных мечтаний, и чувств упоенных,
Желаний фривольных, и фраз окрыленных —
В ее будуаре, в лученье нарциссов,
Так много, так много... И взглядов влюбленных
Весенних поэтов и пылких маркизов.

И фрейлина ца́рья, принцесса Эльисса,
Жене моей как-то в интимной беседе
Поведала нечто о знатной милэди
И пылко влюбленном в нее правоведе,
Не то... в будуаре, где много нарциссов.

1916. Август
Им. Бельск

КЭНЗЕЛЬ V

Федору Сологубу

Однажды приехала к Ингрид Ортруда
С Танкредом и Арфой на легком корвете.
В те дни безбоязно дышалось на свете.
Войной европейской пугались лишь дети.
Итак, на корвете из дали Оттуда.

Представила гостья царице Танкреда,
Чье имя для женщин звучало — победа! —
Зачем же приехала к Ингрид Ортруда?
Да так: отдохнуть от интриг, как от бреда,
Взять моря и соли его изумруда.

О, чудное диво! О, дивное чудо! —
Миррэлия сходна с ее островами!
Она ей рассказана странными снами!
«Вы с нами»,— сказалось. Ответила: «С вами...»
Так вот как приехала к Ингрид Ортруда!

1916. Август
Им. Бельск

КЭНЗЕЛЬ VI

Ингрид ходит мечтанно над рекою форелью.
Так лимоново небо! Гоноболь так лилов!
Чем безудержней грезы, тем ничтожней улов.
За олесенным кряжем глухи трубы ослов.
Перетрелиться ветер любит с нежной свирелью.

Все здесь северно-блекло. Все здесь красочно-южно.
Здесь лианы к березам приникают окружно.
Ингрид видит победно: за рекою форелью
Плодоносные горы встали головокружно,
Где ольха с тамарином, где банан рядом с елью.

Одновременно место и тоске, и веселью!
Одновременно север и тропический юг!
Одновременно музыка и самума, и вьюг.
Упоенно впивая очарованный круг,
Ингрид плачет экстазно над рекою форелью.

1917. Февраль
Харьков

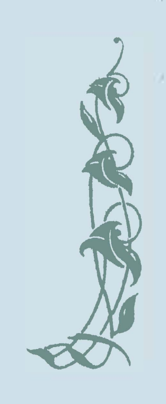
КЭНЗЕЛЬ VII

Какая в сердце печаль!..
Никто, никто не идет...
Душа уже не цветет...
Весна уже не поет...
Уже никого не жаль...

Заплакать — ни капли слез...
Загрезить — ни грозди грез...
О злая сердца печаль!
Стынет в устах вопрос...
Снежеет, ледеет даль...

Июль это иль февраль?
Ночь или яркий день?
Цветет ли опять сирень?
Думать об этом лень:
Немая в сердце печаль...

1917. Февраль
Харьков

КЭНЗЕЛЬ VIII

Букет незабудок был брошен небрежно
На письменном розовом дамском столе...
Покинуто было хозяйкой шалэ,
И солнце блистало в оконном стекле
Прощально и нежно.

У окон гостиной сох горько миндаль.
Эльгриной, уплывшей в исконную даль,
Букет незабудок был брошен небрежно
В ее кабинете; в гостиной рояль
Вздыхал так элежно...

Струнец благородный, он слушал прилежно,
Как плакал букет бирюзовых цветов,
И вторить букету рояль был готов,
И клавишил — это ль не песня без слов? —
«Был брошен небрежно...»

1917. Февраль
Харьков

КЭНЗЕЛЬ IX

Уже в жасминах трелят соловьи,
Уже журчат лобзания в жасмине,
И фимиамы курятся богине;
И пышут вновь в весеневом кармине
Уста твои!

Уста твои — чаруйные новеллы!
Душист их пыл, и всплески так смелы,
И так в жасмине трелят соловьи,
Что поцелуи вальсом из — «Мирэллы» —
Скользят в крови.

На! одурмань! замучай! упои!
Испчель, изжаль кипящими устами!
Да взветрит над жасминными кустами
Царица Страсть бушующее пламя,
Пока в жасмине трелят соловьи!

1917. Февраль
Харьков

КЭНЗЕЛЬ X

Я — Сольвейг полярная, блондинка печальная,
С глазами газельными, слегка удивленными,
Во все неземное безумно влюбленными,
Земным оскорбленными, земным удивленными...
В устах — окрыленная улыбка коральная.

Приди же, мой ласковый, любовью волнуемый!
Приди, мною грежемый, душою взыскуемый!
Я, Сольвейг полярная, блондинка печальная,
Привечу далекого, прильну поцелуйно,
Вопью в гостя милого уста свои жальные!

Так сбудется ж, несбывная мечта моя дальняя!
Блесни упоение, хотя б мимолетное,—
Мое бирюсовое! Мое беззаботное!
К бесплотному юноше льнет дева бесплотная —
Я — Сольвейг полярная, блондинка печальная!

1917. Февраль
Харьков

ИНГРИД И МОЛОДЕЖЬ

На улицах светлого города
Со свитою и с королем
И просто, и вместе с тем гордо,
Встречается Ингрид пешком.
И с нею друзья неизменные —
Курсистки, студенты, военные.

Всем очень легко, очень весело,
Смущенье навеки исчезло,
Идет под бряцание шпор
Свободный и вежливый спор;
Но в тоне Ее Светозарности
Не слышно у них фамильярности.

Бывают на выставках, в опере,
То все отправляются к кобре
И кормят ручную змею,
Сливаясь в большую семью.
И губы искусаны до крови
В каком-нибудь кинематографе.

А то на вечерках студенчества
Царица впадала в младенчество,
Принявши ребяческий вид,
Шалит, неунятно шалит!
Тогда берегись философия:
Ты всех приведешь к катастрофе...

Заходит ко всем она запросто.
Пьет чай, помогает всем часто,
Готовая снять с себя брошь,—
И ценит ее молодежь.
Пред царскою кофточкой ситцевой
Трепещет одна лишь полиция!..

1916. Сентябрь
Им. Бельск

ЛЮБОПЫТСТВО ЭКЛЕРЕЗИТЫ

— Мама, милая мамочка,
Скоро ль будет война?
— Что с тобой, моя девочка?
Может быть, ты больна?

— Все соседи сражаются,
Не воюем лишь мы.
— Но у нас, слава господу,
Все здоровы умы.

— Почему нас не трогают?
Не пленят почему?
— Потому что Миррэлия
Не видна никому...

— Почему ж наша родина
Никому не видна?
— Потому что вселенная
Нам с тобой не нужна...

— Мама, милая мамочка,
Плачет сердце мое...
— Различай, моя девочка,
От чужого свое...

— Ну, а что окружает нас?
Кто ближайший сосед?
— Кроме звезд и Миррэлии
Ничего в мире нет!

1916. 19 сентября
Им. Бельск

СЕКСТИНА МУДРОЙ КОРОЛЕВЫ

(III)

Не вовлечет никто меня в войну:
Моя страна для радости народа.
Я свято чту и свет и тишину.
Мой лучший друг — страны моей свобода.
И в красный цвет зеленую весну
Не превращу, любя тебя, природа.

Ответь же мне, любимая природа,
Ты слышала ль про красную войну?
И разве ты отдашь свою весну,
Сотканую для радости народа,
Рабыне смерти, ты, чей герб — свобода
И в красную войдешь ли тишину.

Я не устану славить тишину,
Не смерти тишину,— твою, природа,—
Спокойной жизни! Гордая свобода
Моей страны пускай клеймит войну
И пусть сердца свободного народа
Впивают жизнь — цветущую весну.

Прочувствовать и оберечь весну,
Ее полей святую тишину —
Счастливый долг счастливого народа.
Ему за то признательна природа,
Клеймящая позорную войну,
И бережет такой народ свобода.

Прекрасная и мудрая свобода!
Быть может, ты взлелеяла весну?
Быть может, ты впустила тишину?
Быть может, ты отторгнула войну?
И не тобой ли, дивная природа
Дарована для доброго народа?

Для многолетья доброго народа,
Для управленья твоего, свобода,
Для процветанья твоего, природа,
Я, королева, воспою весну,
Ее сирень и блеск, и тишину,
И свой народ не вовлеку в войну!

1916. Август
Им. Бельск

II. ПОВРАГА

ПОВРАГА

У вдавленного в лес оврага,
Стремясь всем головы вскружить,
Живет неведная поврага,
Живет, чтобы живя, вражить.

То шлет автомобильной шине
Пустобутыльное стекло,
То ночь, подвластную вражине,
Нажить снежино наголо.

То заблуждает сердце девье
И — заблужденная — блудит.
То валит вялые деревья,
И — ворожбовая — вражит...

Сраженная вражиней Драга
Вздорожала дрогло в дряблой мгле...
Пока бежит, вража, поврага,
Не будет дружно на земле...

1916. Январь
Петроград

18 ФЕВРАЛЯ 1915 ГОДА

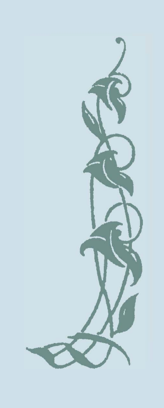
Девятьсот пятнадцатого года
Восемнадцатого февраля
Днем была пригожая погода,
К вечеру овьюжилась земля.

Я сидел в ликеровой истоме,
И была истома так пошла...
Ты вошла, как женщина, в мой номер,
Как виденье, в душу мне вошла...

Тихий стук, и вот — я знаю, знаю,
Кто войдет! — входи же поскорей!
Жду, зову, люблю и принимаю!
О, мечта в раскрытии дверей!..

О, Любовь! Тебе моя свобода
И тебе величье короля
С восемнадцатого февраля
Девятьсот пятнадцатого года!..

1916. Февраль
Москва

О, ГОРЕ СЕРДЦУ!

Ты вся на море! ты вся на юге! и даже южно
Глаза сияют. Ты вся чужая. Ты вся — полет.
О, горе сердцу! — мы неразлучны с тобою год.
Как это странно! как это больно! и как ненужно!

Ты побледнела, ты исхудала: в изнеможеньи
Ты вся на море, ты вся на юге! ты вся вдали.
О, горе сердцу! — мы год, как хворост, шутя, сожгли,
И расстаемся: я — с нежной скорбью, ты —
в раздраженьи.

Ты осудила меня за мягкость и за сердечность,—
За состраданье к той неудачной, забытой мной,—
О, горе сердцу! — кого я наспех назвал родной...
Но кто виною? — Моя неровность! моя беспечность.

Моя порывность! моя беспечность! да, вы виною,
Как ты, о юность, ты, опьяненность! ты, звон в крови!
И жажда женской чаруйной ласки! И зов любви!
О, горе сердцу! — ведь так смеялись весна весною...

Сирень сиренью... И с новым маем, и с новой листью
Все весенело; сверкало, пело в душе опять.
Я верил в счастье, я верил в женщин — четыре, пять,
Семь и двенадцать встречая весен, весь —
бескорыстье.

О, бескорыстье весенней веры в такую встречу,
Чтоб расставаться не надо было,— в тебе ль не зло?
О, горе сердцу! — двенадцать женщин судьбой
смело!
Я так растерян, я так измучен, так искалечен.

Но боль за болью и за утратой еще утрата:
Тебя теряю, свою волшебку, свою мечту...
Ты вся на море, ты вся на юге, вся на лету...
О, горе сердцу! И за ошибки ему расплата...

17 февраля 1916
Петроград

ПОЭЗА СТРАННОСТЕЙ ЖИЗНИ

Авг. Дм. Барановой

Встречаются, чтобы разлучаться...
Влюбляются, чтобы разлюбить...
Мне хочется расхохотаться
И разрыдаться — и не жить!

Клянутся, чтоб нарушить клятвы...
Мечтают, чтоб клянуть мечты...
О, скорбь тому, кому понятны
Все наслаждения Тщеты!..

В деревне хочется столицы...
В столице хочется глуши...
И всюду человечьи лица
Без человеческой души...

Как часто красота уродна,
И есть в уродстве красота...
Как часто низость благородна,
И злы невинные уста.

Так как же не расхохотаться,
Не разрыдаться, как же жить,
Когда возможно расставаться,
Когда возможно разлюбить?!.

1916. Февраль
Москва

БЫВАЮТ ТАКИЕ МГНОВЕНИЯ...

Бывают такие мгновения,
Когда тишины и забвения,—
Да, лишь тишины и забвения,—
И просит, и молит душа...

Когда все людские тревоги,
Когда все земные дороги
И Бог, и волненья о Боге
Душе безразлично-чужды...

Не знаю, быть может, усталость,
Быть может, к прошедшему жалость,—
Не знаю — но, зяблое, сжалось
Печальное сердце мое...

И то, что вчера волновало,
Томило, влекло, чаровало,
Сегодня так жалко, так мало
В пустыне цветущей души...

Но только упьешься мгновенной
Усладой, такою забвенной,
Откуда-то веет вервэной,
Излученной и моревой...

И снова свежо и солено,
И снова в деревьях зелено,
И снова легко и влюбленно
В познавшей забвенье душе!..

19 апреля 1916
Гатчина

ПОЭЗА СИРЕНЕВОЙ МОРДОЧКИ

Твоя сиреневая мордочка
Заулыбалась мне остро.
Как по тебе тоскует жердочка,
Куренок, рябчатый пестро!..

Как васильковы и люнелевы
Твои лошадии глаза!
Как щеки девственно-апрелевы!
Тебя Ифрит мне указал!..

И вся ты, вся, такая зыбкая,
Такая хрупкая,— о, вся! —
Мне говоришь своей улыбкою,
Что есть сирень, а в ней — оса...

4 мая 1916
Харьков

ПОЭЗА СЕВЕРНОГО ОЗЕРА

В двенадцати верстах от Луги,
В лесу сосновом, на песке,
В любимом обществе подруги
Живу в чарующей тоске.

Среди озер, берез и елок
И сосен мачтовых среди
Бежит извилистый проселок,
Шум оставляя позади.

Я не люблю дорог шоссейных:
На них — харчевни и обоз.
Я жить привык в сквозных, в кисейных
Лесах, у колыбели грез.

В просторном доме, в десять комнат,
Простой, мещанистый уют,
Среди которого укромно
Дни северлетние текут.

Дом на горе, а в котловине,
Как грандиозное яйцо,
Блистает озеро сталь-сине,
И в нем — любимое лицо!

С ольховой удочкой, в дырявой
И утлой лодке, на корме,
Ты — нежный отдых мой от славы,
Который я найти сумел...

То в аметистовом, то в белом,
То в бронзовом, то в голубом,
Ты бродишь в парке запустелом
И песней оживляешь дом.

На дне озерном бродят раки
И плоскотелые лещи.
Но берегись: в зеленом мраке
Медведи, змеи и клещи.

А вечерами крыломыши
Лавируют среди берез,
И барабанит дождь по крыше,
Как громоносный Берлиоз.

Да, много в жизни деревенской
Несносных и противных «но»,
Но то, о чем твердит Каменский,
Решительно исключено...

Здесь некому плести интриги,
И некому копать здесь ям...
Ни до Вердена, ни до Риги
Нет дела никакого нам...

Здесь царство в некотором роде,
И от того, что я — поэт,
Я кровью чужд людской породе
И свято чту нейтралитет.

Конец июля 1916
Им. Бельск

ОПЕЧАЛЕННАЯ ПОЭЗА

Не вечно мне гореть. Не вечно мне пылать.
И я могу стареть. И я могу устать.
Чем больше пламени в моем давно бывалом,
Тем меньше впереди огня во мне усталом.

Но все-таки, пока во мне играет кровь,
Хоть изредка, могу надеяться я вновь
Зажечься, засиять и устремиться к маю...
Я все еще живу. Я все еще пылаю...

8 декабря 1916
Гатчина

МУЗЕЙ МОЕЙ ВЕСНЫ

О милый тихий городок,
Мой старый, верный друг,
Я изменить тебе не мог
И, убежав от всех тревог,
В тебя въезжаю вдруг!

Ах, не в тебе ль цвела сирень,
Сирень весны моей?
Не твой ли — ах! — весенний день
Взбурлил во мне «Весенний день»,
Чей стих — весны ясней?

И не окрестности твои ль,
Что спят в березняке,
И солнцесвет, и лунопыль
Моих стихов сковали стиль,
Гремящих вдалеке?

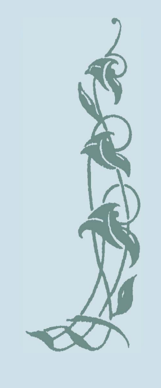
И не в тебе ли в первый раз
Моя вспылала кровь?
Не предназначенных мне глаз,—
Ах, не в тебе ль,— я пил экстаз
И думал: «Вот любовь!»

О первый мой самообман,
Мне причинивший боль,
Ты испарился, как туман,
Но ты недаром мне был дан:
В тебе была эоль!

И только много лет спустя,
Ошибок ряд познав,
Я встретил женщину-дитя
С таким неотразимым «я»,
Что полюбить был прав.

Да, не заехать я не мог
Теперь, когда ясны
Мои улыбки, в твой шатрок,
Мой милый, тихий городок,
Музей моей весны!..

19 апреля 1916
Гатчина

ПОЭЗА ДМИТРИЮ ДОРИНУ

Я перечитываю снова
Твои стихи,— и в ореол
Давно угасшего Былого
Взлетел «Тоскующий Орел»!

Ах, чувствам нет определенья...
Чего до слез, до муки жаль?
Какое странное волненье!
Какая странная печаль!

Твои стихи! — они мне милы!
На редкость дороги они!
Моя известность не затмила
Того, что помним мы одни!

И если не совсем умелы
Твои смущенные стихи,
Что мне до этого за дело,
Раз сердцу моему близки?!..

Ведь в них и Фофанов, и Пудость,
Твоей застенчивости «аль»,
И внешних лет святая скудость,
Которую-то мне и жаль...

Пусть мой порыв нелеп и вздорен,—
Я не стыжусь его; я рад,
Что где-то жив мой грустный Дорин,
Меня волнующий собрат.

9 ноября 1916
Гатчина

ГАСТРОНОМИЧЕСКИЕ ДРЕВНОСТИ

Лукулл, Октавий, Поллион,
Апиций, Клавдий — гастрономы!
Ваш гурманический закон:
Устроить пир, вспенить ритон
И уедаться до истомы.

Прославленный архимагир,
Одетый чуть не в латиклаву,
Причудами еды весь мир
Дивил, и рокотанье лир
Отметило его по праву.

Не раз в шелках имплувиат,
Закутав головы кукулем,
К Лукуллу толпы шли мэнад
Пить выгрозденный виноград,
Соперничающий с июлем.

Из терм Агриппы сам Нерон,
Искавший упоенья в литре,
Шел к гастрономам спить свой сон,
И не Нероном ли пронзен
Прощающий его Димитрий?

И не на этих ли пирах
Тот, кто рожден с душой орлиной,—
Пизон, Петроний,— пал во прах,
Сраженный той, чье имя — страх:
Статилиею — Мессалиной?

15 октября 1916
Гатчина

РИФМОДИССО

Вдали, в долине, играют Грига.
В игранье Грига такая нега.
Вуалит негой фиордов сага.
Мир хочет мира, мир ищет бога.
О, сталь поляра! о, рыхлость юга!

Пук белых молний взметнула вьюга,
Со снежным полем слилась дорога.
Я слышу поступь мороза-мага;
Он весь из вьюги, он весь из снега.
В мотивах Грига — бессмертье мига.

1916. Ноябрь
Гатчина

МИНЬОНЕТ

О, мечта бархатисто-фиолевая,
Ты, фиалка моя,
Расцветаешь, меня окороливая,
Аромат свой лия...

Нежно теплится в сердце эолевая
Синих вздохов струя,
О, мечта бархатисто-фиолевая,
Ты, фиалка моя!

8 декабря 1916
Гатчина

БЕЛАЯ ФИАЛКА

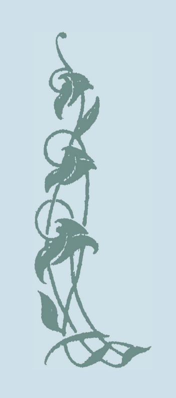
Когда вы едете к деревне
Из сквозь пропыленной Москвы,
Уподобаетесь царевне
Веков минувших тотчас Вы.

К фиалкам белым злая ревность,
Берете страстно их букет,
Оправдываете царевность
Отлеченных когда-то лет.

И, может быть,— кто смеет спорить? —
Способна, нежно-хороша,
Злой папоротник разузорить
Фиалки белая душа?

Ни шоколадных, ни лиловых,—
Лишь белые берете вы...
Не в поезде, не на почтовых,—
На крыльях надо из Москвы...

26 декабря 1916
Гатчина

ОСЕННЯЯ ПОЭЗА

Уже деревья скелетеют...

Балькис Савская

Уже деревья скелетеют
И румянеют, и желтеют;
Уж лето бросило поля,
Их зелень златом опаля.

Уж ветки стали как дубины,
Уже заежились рябины,
И поморозили грибы
В сухой листве свои горбы.

Уже затинились озера,
И мирового фантазера
Мечты отусклены уже,
Уже печаль в земной душе.

7 сентября 1916
Им. Бельск

ПОЭЗА ЛУННЫХ НАСТРОЕНИЙ

Как в сказке... Как в сказке... Луна голубеет.
Луна серебреет...
Прозрачная тишь...
Как в сказке... Как в сказке... Луна голубеет.
И лес скелетеет...
Зачем ты молчишь?
Как в сказке... Как в сказке... Луна голубеет.
Не дышит, не веет
Озерный камыш...
Как в сказке... Как в сказке... Луна голубеет.
Поля осенеют...
О чем ты грустишь?
Как в сказке... Как в сказке... Луна голубеет.
И в луни светлеет
Изгорбленность крыш...
Как в сказке... Как в сказке... Луна голубеет.
И лик твой бледнеет...
Что в сердце таишь?
Как в сказке... Как в сказке... Луна голубеет.
Подняться не смеет
Летучая мышь...
Как в сказке... Как в сказке... Луна голубеет.
Мне хочется ласки!..
Откликнись! Пойми ж!

3 сентября 1916
Им. Бельск

ПОЭЗА ОКТЯБРЬСКОГО ПОЛДНЯ

С крыш падая, тают бриллиантики,
И солнце осталило стекла,
Сирень еще держит листву...
Мороз закрутил ее в бантики,
Но к полдню,— двенадцати около,—
Разъёжась, глядит в синеву.

Подстрижены к маю акации,
И коврики тлеют листовые,
Их тоны темнеют, увяв...
Ветшают к зиме декорации
Природы, чтоб в дни лепестковые
Облечься в фантазную явь...

15 октября 1916
Гатчина

ПОЭЗА СТЫДЯЩИМСЯ МОЛОДОСТИ

Куда вы отдаете силы?
Вы только вдумайтесь — куда!
И разве вам уже не милы
И лес, и поле, и вода?

И разве вам уже не любы
Восторги кисти и стиха?
И целовать любимых в губы —
Да разве это от греха?

И разве ничего не нужно
Для вашей юности, друзья?
Как слабы вы! Как мало дружны!
Над Вами властвует Нельзя.

И вам не больно? Не обидно?
Вы покоряетесь? Чему?
Своей же робости постыдной
И малодушью своему!

Вы в заблужденьи! Пусть исправить
Ошибки сердце повелит.
Одна лишь молодость! Одна ведь!
И лишь ее стыдиться — стыд!

Ноябрь 1916

ЗАЯЧЬИ МОНОЛОЖКИ

1

Что в мыслях не таи,
Сомненьями терзаемый,
Хозяева мои —
Предобрые хозяева:
Горячим молоком
Животик мне распарили —
И знаете? — при том
Ни разу не зажарили!..

15 сентября 1916.
Им. Бельск

2

— «Похож ты на ежа
И чуточку на вальдшнепа»,—
Сказала, вся дрожа,
Собака генеральшина:

— «Случалось мне тайком
Вам, зайцам, хвост обгрызывать...»
И наглым языком
Рот стала свой облизывать...

1916. Сентябрь
Им. Бельск

3

Вчера сибирский кот
Его высокородия
Вдруг стибрил антрекот
(Такое уж отродие!..)
Сказал хозяйский сын:
«Бери примеры с заиньки»,—
И дал мне апельсин
Мой покровитель маленький.

1916. Сентябрь
Им. Бельск

4

Зачем-то нас зовут
Всегда каким-то трусиком,
А сами нас жуют,
Смешно виляя усиком...
Ужели храбрость в том,
Чтоб вдруг на нас обрушиться
С собакой и с ружьем,
Зажарить и накушаться?

1916. Сентябрь
Им. Бельск

ПЕСЕНКА О ЗАЙЦЕ

Я впивала аромат
В молодых сиренях.
Заяц кушал виноград
На моих коленях.
Я подшеила ему
Золотой бубенчик.
Стал мой заяц потому
Вылитый оленчик.

1916. Сентябрь
Им. Бельск

ТРИОЛЕТЫ О ЗАЙЦЕ

1

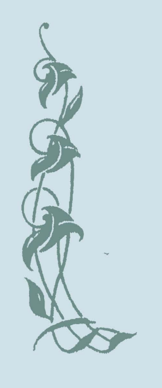
Наш заяц, точно Передонов,—
Перед отъездом рвет обои.
Смеясь, решили мы с тобою:
Наш заяц — точно Передонов!
В них поруганье роковое
Цивилизации законов...
Наш заяц,— точно Передонов,
С остервененьем рвет обои...

8 сентября 1916
Им. Бельск

2

Ликует тело заячье:
По горло молока!
Свобода далека,
Но сыто тело заячье.
Живет он припеваючи
И смотрит свысока.
В неволе тело заячье,
Но вволю молока!

8 сентября 1916
Им. Бельск

ГИРЛЯНДА ТРИОЛЕТОВ

1

Печальное и голубое,
Ах, вам мой грезовый поклон!
Подумать только — все былое:
Печальное и голубое.
Я в прошлое свое влюблен,
Когда все было молодое...
Печальное и голубое,
Ах, вам мой грезовый поклон!

2

Ах, вам мой грезовый поклон!
Тебе, сирень, ледок во зное,
Тебе, жасмин, душистый сон,—
Тебе, мой грезовый поклон!
Тебе, бывалое, иное,
Тебе, весенний унисон,
Тебе мой грезовый поклон!
Моя сирень, ледок во зное!

3

Моя сирень, ледок во зное,
И ты, гусинолапый клен:
Покойтесь мирно! Спи в покое,
Моя сирень, ледок во зное!
Я равнодушно утомлен,
Тревожим смутною тоскою:
Была сирень — ледок во зное...
Был он — румянолапый клен...

4

Печальное и голубое
Хранит гусинолистый клен:
Скрывает он своей листвою
Печальное и голубое.
Тайн никому не выдаст он:
Ведь в нем молчание благое
Печальное и голубое
Таит румянолистый клен.

5

Таит гусинолистый клен
Вам чуждое, нам с ним родное.
Охраной тайны опален,
Зардел гусинолистый клен.
Молчание его святое.
И, даже под бурана стон,
Таит — ладонь в пять пальцев,— клен
Вам чуждое, нам с ним — родное.

6

Вам чуждое, нам с ним — родное.
Постигнет кто? лишь небосклон
Губерний северных. Мечтою
Вам чуждою, нам с ним родною,
Из нас с ним каждый упоен,
И в этом что-то роковое...
Вам чуждое, нам с ним родное...
Постигнет кто? Лишь небосклон.

7

Печальное и голубое,
Ах, вам мой грезовый поклон!
О, ласковое ты и злое,
Печальное и голубое!
И я на севере рожден
С печально-голубой душою.
Печальное и голубое,
Ах, вам мой грезовый поклон!

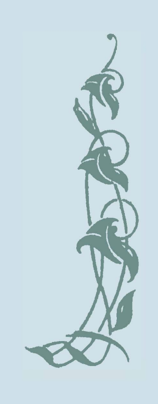
8

Ах, вам мой грезовый поклон,
Печальное и голубое.
Вас обвивающий змеею,
Ах, вам мой грезовый поклон!
На миг минувший осенен,
Я знаю: в нем все пустое,
Но вам мой грезовый поклон,
Печальное и голубое!

9

Печальное и голубое!
Ах, вам мой грезовый поклон!
Моя сирень — ледок во зное —
Печальное и голубое.
Хранит гусинолапый клен
Вам чуждое, нам с ним родное.
Печальное и голубое,
Ах, вам мой грезовый поклон!

Декабрь 1916
Гатчина

ПОЭЗА О ПОЭТЕССАХ

Как мало поэтесс! как много стихотворок!
О, где дни Жадовской! где дни Ростопчиной?
Дни Мирры Лохвицкой, чей образ сердцу дорог,
Стих гармонический и веющий весной?

О, сколько пламени, о, сколько вдохновенья
В их светлых творчествах вы жадно обрели!
Какие дивные вы ведали волненья!
Как окрылялись вы, бескрылые земли!

С какою нежностью читая их поэзы
(Иль как говаривали прадеды: стихи...),
Вы на свиданья шли, и грезового Грэза
Головки отражал озерный малахит...

Вы были женственны и женски-героичны,
Царица делалась рабынею любви.
Да, были женственны и значит — поэтичны,
И вашу память я готов благословить...

А вся беспомощность, святая деликатность,
Готовность жертвовать для мужа, для детей!
Не в том ли, милые, вся ваша беззакатность?
Не в том ли, нежные, вся прелесть ваших дней?

Я сам за равенство, я сам за равноправье,—
Но... дама-инженер? но... дама-адвокат?
Здесь в слове женщины — неясное бесславье
И скорбь отчаянья: Наивному закат...

Во имя прошлого, во имя Сказки Дома,
Во имя Музыки, и Кисти, и Стиха,
Не все, о женщины, цепляйтесь за дипломы,—
Хоть сотню «глупеньких»: от «умных» жизнь суха!

Мельчает крупное. Кто — прошлому соперник?
Где просто женщина? где женщина-поэт?
Да, только Гиппиус и Щепкина-Куперник:
Поэт лишь первая; вторая мир и свет....

Есть... есть Ахматова, Моравская, Столица...
Но не довольно ли? Как «нет» звучит здесь «есть»,
Какая мелочность! И как безлики лица!
И модно их иметь, но нужно их прочесть.

Их много пишущих: их дюжина, иль сорок!
Их сотни, тысячи! Но кто из них поэт?
Как мало поэтесс! Как много стихотворок!
И Мирры Лохвицкой среди живущих — нет!

23 августа 1916
Им. Бельск

НА СМЕРТЬ ВЕРХАРЕНА

Вновь, Бельгия, невинностью твоей
Играет ритм чудовищного танца:
Лишилась и великого фламандца,
Лишенная свободы и полей.

И что тебе, страдалице, милей:
Твоя ли участь жертвенного агнца?
Иль розы возмущенного румянца?
Иль он, поэт, как некий солнцелей?

Все дорого: и почва, и Верхарен.
Твой скорбный взор страданьем светозарен,
Твой гордый дух насильем уязвлен.

Но вот что для меня непостижимо:
Зачем же он, Культура кем любима,
Ее певец — Культурой умерщвлен?!

16 ноября 1916
Гатчина

КОЙТ И ЭМАРИК

(ЭСТЛЯНДСКАЯ ЛЕГЕНДА О БЕЛЫХ НОЧАХ)

Алексею Масаинову

1

Койт, зажигатель солнца, и Эмарик, гасунья,
Встретились перед ночью в небе, весной золотом,
Встречею чаровались. Койт запылал: «Чарунья»...
А Эмарик сказала: «Счастье в тебе — молодом...»
И позабыла махнуть рукавом,
И не подула на солнце июнье,
И осенило оно новолунье
Победоносным лучом.

2

Бог, Вседержитель неба, Солнечный Вседержитель,
Сам себя сотворивши, Койта и с ним Эмарик,
Бог разразился гневом: «Дерзостные, дрожите,—
План мой разрушить смели, оцепенившие миг».
В небе раздался испуганный крик:
То растерялись и Койт-небожитель,
И Эмарик, распустившая нити
Льняных волос на свой лик.

3

Но пережив мгновенье, пламенным чувством смелы,
Правы своей любовью, искренностью осмелев,
Койт и Эмарик вскричали: «Мы пред тобою белы!
Мы пред тобой невинны! Твой непонятен гнев».
И Эмарик, от тоски побледнев,
Облако в руки взяла и запела,
Пела о чувстве своем и бледнела
Бледностью девственных дев...

4

Он справедлив, Премудрый! Бог остается Богом!
Светлое возмущенье может судью восхитить!
Месть пробуждает правда только в одном убогом.
Бог же всегда был Богом, пламя готовым простить!
И даровал он им право — любить,
В вешние ночи встречаться дорогам,
Разным путям их, и в этом немногом
Счастье уметь находить!

19 апреля 1916
Гатчина

БЕССТРАСТИЕ ДОСТИЖЕНИЯ

Назад два года наша встреча
Не принесла любви твоей:
Ты отвечала мне, переча
Чужому из чужих людей...

Я полюбил тебя поэтно:
Самозабвенно, в первый миг.
Пусть не была любовь ответна,
Я не поблек, я не поник!

Но выдержкою и терпеньем,
Но верою в любовь свою,
Но пламенным тебя воспеньем
Достиг, что говоришь: «Люблю».

И в каждом слове, в каждом жесте,
И в каждом взгляде на меня
Читаю: «Мы два года вместе» —
Из часа в час, в день изо дня.

О, я уверен был, что это
Когда-нибудь произойдет,
Что чувство чистое поэта
В тебе ответное найдет!

Но отчего ж не торжествую
Своей победы над тобой?
Тебя я больше не ревную
И не молю: «Живи со мной!»

Не потому, чтоб разлюбилось;
Не потому, чтоб я остыл; —
Но сердце слишком быстро билось,—
И я усталость ощутил!..

Восторг — в безумстве! счастье — в бреде!
В лиловой лжи весенних дней!..
Бесстрастно радуюсь победе,
Не зная, что мне делать с ней!..

2 января 1917
Гатчина

МНЕ ПЛАКАТЬ ХОЧЕТСЯ...

Мне плакать хочется о том, чего не будет,
Но что, казалось бы, свободно быть могло...
Мне плакать хочется о невозможном чуде,
В твои, Несбывная, глаза смотря светло...

Мне плакать хочется о празднике вселенском,
Где справедливость облачается в виссон...
Мне плакать хочется о чем-то деревенском,
Таком болезненном, как белый майский сон.

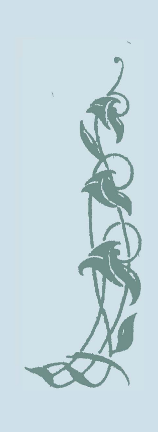
Мне плакать хочется о чем-то многом, многом
Неудержимо, безнадежно, горячо
О нелюбимом, о бесправном, о безногом,
Но большей частью — ни о ком и ни о чем...

13 января 1917
Гатчина

КАВКАЗСКАЯ РОНДЕЛЬ

Январский воздух на Кавказе
Повеял северным апрелем.
Моя любимая, разделим
Свою любовь, как розы — в вазе...
Ты чувствуешь, как в этой фразе
Насыщены все звуки хмелем?
Январский воздух на Кавказе
Повеял северным апрелем.

ПОЭЗА ЮЖИКУ

НА МОТИВ ВИКТОРА ГОФМАНА

Весеннее! весеннее! как много в этом слове!
Вы, одуванчики, жасмины и сирень!
Глаза твои! глаза! они как бы лиловей
Они сиреневей в весенний этот день!

Любимая! любимая! как много в этом звуке!
Уста улыбные и синева ресниц...
Уста твои, уста! и что же в них из муки.
Святая из святых! блудница из блудниц!

Люблю тебя, люблю тебя! и буду вечно-вечно
Любить тебя, моя! все вылилось в моей...
О, как же ты добра, прекрасна и сердечна,
Мой Южик! мой бокал! поэзосоловей!

27 января 1917
Тифлис

ПОЭЗА БЕЛОЙ СИРЕНИ

Белой ночью в белые сирени,
Призраком возникшие, приди!
И целуй, и нежь, и на груди
Дай упиться сонмом упоений,
И целуй, и нежь, и утруди...

Белой ночью белые приветы,
Ласк больных, весенних полусны,
И любовь, и веянье весны,
И полутемени, и полусветы,
И любовь, и чувства так лесны!..

Эта ночь совсем, совсем живая!
В эту ночь приди ко мне, приди!
И судьбу свою опереди!
А сирень цветет, слегка кивая!
А любовь растет, легка, в груди!

1917. Июнь
Гатчина

ГАТЧИНСКИЙ ВЕСЕННИЙ ДЕНЬ

Тридцатый год в лицо мне веет
Веселый, светлый майский день.
Тридцатый раз сиреневеет
В саду душистая сирень.

«Сирень» и «день» — нет рифм банальней!
Милей и слаще нет зато!
Кто знает рифмы музыкальней
И вдохновенней — знает кто?!

«Сирень» и «день»! Как опьяненно
Звучите вы в душе моей!
Как я на мир смотрю влюбленно,
Пьян сном сиреневых кистей!

Пока я жив, пока я молод,
Я буду вечно петь сирень!
Весенний день горяч и золот,—
Виновных нет в весенний день!

31 мая 1917
Гатчина

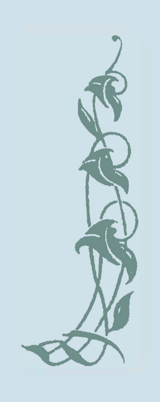
ПОЭЗА РАЗЪЯСНЕНИЯ

Мои стихи не очень вдохновенны
Последний год...
Не вдохновенны оттого, что пленны,
А я все тот...

Я не могу сказать всего, что надо,
Хотя могу...
И чтоб не лгать реально,— вот досада,—
Фантазно лгу.

Да, ваших дней волнующая проза —
Больной вопрос...
А потому — Миррэлия — как грёза,—
Взамен всех проз!..

9 ноября 1916
Гатчина

ПОЭЗА АЛЫХ ТУФЕЛЬ

Ало-атласные туфли были поставлены на стол,
Но со стола поднимались и прижимались к губам.
Создал сапожник-художник, а инженер вами хвастал.
Ало-атласные туфли глаз щекотали гостям.

Ало-атласные туфли, вы наподобие го́ндол,
Помните температуру требовательной ноги?
Ало-атласные туфли, сколько купивший вас отдал
Разума и капитала — знает один Ибрагим...

Ало-атласные туфли с дымчатым кроличьим мехом
Грелись кокетно в ладонях и утопали в коврах,
Топали в пламенном гневе, то содрогались вы смехом,
Вас на подносах носили на вакханальных пирах.

Плавали бурно в шампанском, кушали пряные
трюфели,
Аэропланом взлетали, били мужчин по щекам,
Ало-атласные туфли, ало-атласные туфельки!
Вы, чьи носки к молодежи! чьи каблуки — к старикам!

15 октября 1917
Петроград

ГЕНИЙ ЛОХВИЦКОЙ

Я Лохвицкую ставлю выше всех:
И Байрона, и Пушкина, и Данта.
Я сам блещу в лучах ее таланта,
Победно обезгрешившего Грех:

Познав ее, познал, что нет ни зла,
Нет ни добра,— есть два противоречья,
Две силы, всех влекущие для встречи,
И обе — свет, душа познать могла.

О, Бог и Черт! Из вас ведь каждый прав!
Вы — символы предмирного контраста!
И счастлив тот, о ком заботясь часто,
Вселяется в него, других поправ.

И в ком вас одинаково, тот благ:
Тот знает страсть, блаженство и страданья,
Тот любит жизнь, со смертью ждет свиданья,
И тот велик, как чародей, как маг!

И грех, и добродетель — красота,
Когда их воспринять благоговейно.
Так Лохвицкая просто, беззатейно
Открыла двух богов и два креста.

1912. Июль
Веймарн

ПРОМЕЛЬК

И в зле добро, и в добром злоба,
Но нет ни добрых, нет ни злых,
И правы все, и правы оба,—
И правоту поет мой стих.

И нет ни шведа, ни японца.
Есть всюду только человек,
Который под недужьем солнца
Живет свой жалкий полувек.

21 декабря 1917
Петроград

К ШЕСТИЛЕТИЮ СМЕРТИ ФОФАНОВА

Как это так могло случиться,
Что мог он в мае умереть,
Когда все жаждет возродиться,
И соком жизненным кипеть?!..

Певец весны, певец сирени
И майских фей, и соловьев,
Чьей лиры струны так весенни,
Чей стих журчливее ручьев.

Как мог он, этот вешнепевец,
Как он сумел, как он посмел
Уйти от пляшущих деревьев
И от кипящих маем тел?

На скорбь обрек живых умерший,
На осень он весну обрек...
Что может быть больней и горше,
Чем умолканье вешних строк?..

Все не могу я надивиться
И все дивиться буду впредь,
Как это так могло случиться,
Что мог он в мае умереть?!..

20 июня 1917
Мыза Ивановка

РОССИНИ

СОНЕТ

Отдохновенье мозгу и душе
Для девушек и правнуков поныне...
Оркестровать улыбку Бомарше
Мог только он, эоловый Россини.

Глаза его мелодий ясно-сини,
А их язык понятен в шалаше.
Пусть первенство мотивовых клише
И графу Альмавиве, и Розине.

Миг музыки переживет века,
Когда его природа глубока,—
Эпиталамы или панихиды!

Россини — это вкрадчивый апрель,
Идиллия селян «Вильгельма Телль»,
Кокетливая трель «Семирамиды».

1917. Октябрь
Петроград

ПОЭЗА БЫВШЕМУ ЛЬСТЕЦУ

Одному из многих

Как вы могли, как вы посмели
Давать болтливый мне совет?
Да Вы в себе ль, да Вы в уме ли?
Зачем мне ваш «авторитет»?

Вы мелкий журналист и лектор,
Чья специальность — фельетон,
Как смели взять меня в свой спектор?
Как смели взять свой наглый тон?

Что это: зависть? «порученье»?
Иль просто дурня болтовня?
Ничтожества ли озлобленье
На светозарного меня?

Вы хамски поняли свободу,
Мой бывший льстец, в искусстве тля,
И ныне соблюдая моду,
Поносите Вы короля!

Прочь! Прочь! а ну Вас к Николаю!
Работайте на экс-царе!
Я так пишу, как я желаю,—
Нет прозы на моем пере!..

А Вы, абориген редакций,
Лакей газетных кулаков,
Член подозрительнейших фракций,
Тип, что «всегда на все готов»...

Вы лишь одна из грязных кочек
В моем пути, что мне до них?
И лучшая из Ваших строчек —
Все ж хуже худшей из моих!

Не только Ваш апломб пигмея,—
Апломб гигантов я презрел,

И вот на Вас, льстеца и змея,
Свой направляю самострел!

Да ослепит Вас день весенний,
И да не знают Вас века!
Вы — лишь посредственность, я — гений!
Я Вас не вижу свысока!

3 марта 1917
Гатчина

III. РЕВОЛЬВЕРЫ РЕВОЛЮЦИИ

ГИМН РОССИЙСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Свобода! Свобода! Свобода!
Свобода везде и во всем!
Свобода на благо народа!
Да радуемся! да живем!

Мы русские республиканцы,—
Отсталым народам пример!
Пусть флагов пылают румянцы!
Сверкает в руках револьвер!

Победа! Победа! Победа!
Над каждым в России царем!
Победа — расплата за деда!
Да радуемся, да живем!

Столетья царями теснимы,
Прозрели в предвешние дни:
Во имя России любимой
Царь свергнут — и вот мы одни!

Труд, равенство, мир и свобода,
И песня, и кисть со стихом —
Отныне для счастья народа!
Да радуемся! да живем!

1917. Гатчина — Петроград

ВСЕ — КАК ОДИН

Народу русскому дивитесь:
Орлить настал его черед!
Восстал из недр народный витязь
И спас от деспота народ.

Не важно знать — какое имя
Носил народа лучший сын.
Не важно знать — он шел какими
Путями к пламени вершин.

Но он пришел, освободитель!
Но он возник, но он восстал!
И голос был: «За мной идите!»
Не гром ли то прогрохотал!

Все, как один, рванулись люди
За счастьем! за весной! за сном!
Все, как один, вздохнули груди.
Одно — во всех, и все — в одном!

Но незачем идти им стало,—
Свобода к ним из-за угла.
В глазах, как солнце, заблистала
И в душах факелы зажгла.

И улыбнулась им Свобода:
«Все, как один! Вот в чем секрет
Удачи зрелого народа...
Иных путей к свободе нет!»

Благословен да будет витязь,
Воспламенивший всех вперед!
Народу русскому дивитесь:
Пример народам — мой народ!

5 марта 1917
Орел

МОЕМУ НАРОДУ

Народ оцарен! Царь низложен!
Свободно слово и печать!
Язык остер, как меч без ножен!
Жизнь новую пора начать!

Себя царями осознали
Еще недавние рабы:
Разбили вздорные скрижали
Величьем солнечной судьбы!

Ты, единенье,— златосила,
Тобою свергнут строй гнилой!
Долой, что было зло и хило!
Долой позорное! Долой!

Долой вчерашняя явь злая
Вся гнусь! Вся низость! Вся лукавь!
Долой эпоха Николая!
Да здравствует иная явь!

Да здравствует народ весенний,
Который вдруг себя обрел!
Перед тобой клоню колени,
Народ — поэт! Народ — орел!

1917. Март 8. Москва

И ЭТО — ЯВЬ?..

И это — явь? не сновиденье?
Не обольстительный обман?
Какое в жизни возрожденье!
Я плачу! я свободой пьян!

Как? неужели? все, что в мыслях —
Отныне и на языке?
Никто в Сибирь не смеет выслать?
Не смеет утопить в реке?

Поверить трудно: вдруг — все ложно?!..
Трепещет страстной мукой стих...
Но невозможное — возможно
В стране возможностей больших!

8 марта 1917
Москва

БАЛЛАДА XII

«Когда отечество в огне,
И нет воды — лей кровь, как воду».
Вот что в укор поставить мне
Придется вольному народу:
Как мог я, любящий свободу,
Поющий грезовый запой,
Сказать абсурд такой в угоду
Порыву гордости слепой?!

Положим, где-то в глубине
Своей души я эту «коду»
Тогда ж отбросив, как во сне,
Пытал и прозревал природу.
И вскоре же обрел я оду
Любви и радости земной,
Проклятью предал я невзгоду
Порыва гордости слепой.

«Стихи в ненастный день» — зане
Вот увертюра к любвероду.
Они возникли в вышине
Подобные громоотводу.
Не минами грузи подводу,
А книжек кипою цветной,
Лей зрячую, живую воду
На веки гордости слепой!

Проклятье пасмурному году,
Мир зачумившему войной,
И вырождавшемуся роду
Державной гордости слепой!

1917. Апрель
Гатчина

БАЛЛАДА XIII

Непóняты моей страной
«Стихи в ненастный день», три года
Назад написанные мной
Для просвещения народа.
В них — радость, счастье и свобода,
И жизнь, и грезы, и сирень!
Они свободны, как природа,
Мои «Стихи в ненастный день»!

Не тронута моей струной
Осталась рабская порода,
Зерно, посеянное в зной,
Не принесло тогда приплода.
Что для морального урода
Призыв к любви? Урод — как пень...
Затмила дней ненастных мода
Мои «Стихи в ненастный день».

И только этою весной
Народ почуяв ледохода
Возможность раннего, волной
Потек, волною вешневода
Разлился, не оставив брода
Для малодушных, свергнув лень,
И осознался. Прочь, невзгода!
Вперед, «Стихи в ненастный день»!

И я, издревле воевода,
Кричу в просторы деревень:
Что как не человеку ода —
Мои «Стихи в ненастный день»?!

1917. Апрель
Гатчина

БАЛЛАДА XIV

Должна быть кончена война,
Притом — во что бы то ни стало:
Измучилась моя страна,
Нечеловечески устала.
Есть примененье для металла
Гораздо лучше, чем твой брат.
Да свергнут ужас с пьедестала
Министр, рабочий и солдат!

Должна быть всем троим видна
(Иль вам трех лет кровавых мало?)
Смерть, что распутна и жадна,
Зев гаубицы, сталь кинжала.
Из пасти смерти вырвав жало,
Живи, живой, живому рад!
Не я — вам это жизнь сказала,
Министр, рабочий и солдат!

Все, все в крови: вода, луна,
Трава, лампасы генерала.
В крови зеленая весна,
Сменила кровь вино бокала.
Кровь все покрыла, захлестала.
Для крови нет уже преград.
У вас глаза сверкают ало,
Министр, рабочий и солдат!

Взгляните на себя сначала:
Не вами ль создан этот ад?
Долой войну! Долой Ваала,
Министр, рабочий и солдат!

Апрель 1917
Гатчина

БАЛЛАДА XV

Блюдите фронт, но вместе с тем
Немедленно в переговоры
Вступите с немцами, затем
Надеждой озарите взоры.
Ни вам — немецкие позоры,
Ни немцам — русские,— нужны
Тем и другим полей просторы
И ласка любящей жены!

Зачем же ужас вам? Зачем
Боль ран, и смерть, и все раздоры?
Чем оправдаете вы, чем
Пролитье крови? Мертвых хоры
Вас не тревожат? Их дозоры
В час полуночной тишины
Не вызывают вас на споры
О слезах любящей жены?

Нет во вселенной лучше тем,
Чем тема: лес, поля и горы.
Кто с этим несогласен — нем.
Кроту милее солнца — норы.
А как пленительны озера,
Бубенчик-ландыш, плеск луны,
Улыбка в небесах Авроры
И взоры любящей жены.

Иль мы поэты, фантазеры,
И вам в окопах не слышны
Ни наши нежные укоры,
Ни голос любящей жены?..

Апрель 1917
Гатчина

БАЛЛАДА XVI

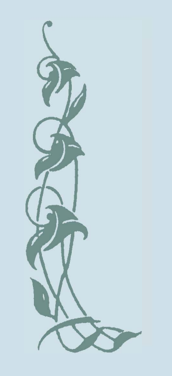
Жизнь человека одного —
Дороже и прекрасней мира.
Биеньем сердца моего
Дрожит воскреснувшая лира.
Во имя заключенья мира
Во имя жизни торжества,
Пускай из злата и сапфира
Пребудут вещие слова!

Да вспыхнет жизни торжество,
И да преломится рапира
От Бергена и до Каира,
От древнеперсидского Кира
И вплоть до человека Льва,—
Светлей счастливого Маира,—
Пребудут вещие слова.

Все для него, все для него —
От мелкой мошки до тапира,—
Для человека, для того,
Кто мыслит: наподобье пира
Устроить жизнь, и вечно сиро
Живет, как птица, как трава...
Для светозарного эфира
Пребудут вещие слова.

Отныне в синеве эфира,
Волны святого волшебства...
И струй благоуханья миро
Пребудут вещие слова.

Апрель 1917
Гатчина

БАЛЛАДА XVII

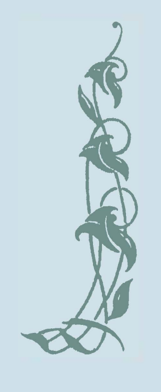
Вселенец — антипатриот,
Но к человеку человечен:
Над братом он не занесет
Меча, в своем вселенстве вечен.
Он завистью не искалечен,
Не свойственно вселенцу зло,
Он мягок, кроток и сердечен,
И смотрит мудрый взгляд светло.

Я верю: мой родной народ
Вселенством душ давно отмечен.
Я говорю: старинный гнет
Моей страны навек отлечен.
Вознагражден, увековечен
Народ, забыв свое тягло.
Достойно день свободы встречен,—
И так надежно, так светло!

Я чувствую: уже грядет
Желанный мир (он обеспечен!)
Вновь немец русскому пожмет,
Как брату, руку, дружно встречен;
В музей поставит под стекло
Промозглых патриотов печень —
(Зародыш войн). Смотря светло,

Пошлет привет грядущей встрече
И озарит свое чело:
Вселенцы сходятся на вече,
Чтоб жить и мудро, и светло.

1917. Апрель
Гатчина

ТРАГИЧЕСКАЯ ПОЭЗА

О, что за ужасный кошмар:
Исполненные вольной нови,
Мы не хотим пролитья крови,
Но жаждет крови земной шар!..

Людскою кровью он набух,—
Вот-вот не выдержит и лопнет...
Никто не ахнет и не охнет,
И смерть у всех захватит дух.

Ну что ж! Пусть — коли суждено!
Но мне обидно за Россию:
Свободу обретя впервые,
Погибнет с миром заодно...

Хоть «на миру и смерть красна»,
Но жизнь-то, жизнь ее в расцвете!
Теперь бы ей и жить на свете,
Когда свободна и ясна.

Что ж, вновь за меч? Что ж, вновь в окоп?
Отстаивать свою свободу?
Лить кровь людскую, словно воду,
И, как в постель, ложиться в гроб?!

Я не могу, не смею я
Давать подобные советы...
Дороже этой всей планеты —
Жизнь неповторная твоя!

А если нет? А если нет,—
Как насмеется враг над нами,
Над женами, над матерями!
Тогда на что же нам и свет?..

Но вместе с тем не защищать,
Не рисковать — погибнуть все же,
Что делать нам, о Боже, Боже!
На нас — заклятия печать!..

Одна надежда, что солдат
Германский, вдохновляем веком,
Стать пожелавши человеком,
Протянет руку нам, как брат...

Так сбрось последнего царя,
Европа старая, с престола:
Забрезжит с легкостью Эола
Над миром мирная заря!

О, как ничтожен человек,
Хотя бы даже гениальный,
Пред мыслью глубоко-печальной
О мертвой жизни всех калек!

1917. Апрель
Гатчина

КАПРИЗ ЦАРЯ

Царь на коне, с похмелья и в дремоте,
И нищая красавица в лесу.
Развратница в забрызганных лохмотьях,
Похожая на рыжую лису...

Смеется царь: «Когда бы были седла!..
Но может быть ко мне вы на седло?»
Бесстыдница расхохоталась подло,
Смотря в глаза вульгарно, но светло:

«У вашего величества есть кони,
И если не с собой, то при дворе...
Вы их не пожалейте для погони,—
Тогда мой труп настигнут на заре.

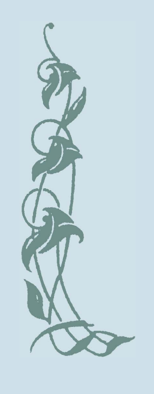
А я... А я ни за какие средства
Не смею сесть в одно седло к царю:
Я — нищая, и я порочна с детства,
И с Вами мне не место, говорю».

Царь запылал и загремел он: «Падаль!
Как смела ты разинуть рабский зев?»
С коня он слез и — поясненье надо ль? —
Царь взял ее, как черт, рассвирепев.

Он бил ее, он жег ее нагайкой,
То целовал, то рвал за волоса...
И покраснело солнце над лужайкой,
И, как холопы, хмурились леса.

А нищая, в безумьи от побоев,
Громила трон царя до хрипоты:
— Моя болезнь взята самим тобою,—
Страдай, дурак, меня не понял ты!

1911. Село Дылицы

ПОЭЗА ИСТИНЫ

В ничем — ничто. Из ничего — вдруг что-то,
И это — Бог.
В самосозданье не дал Он отчета,—
Кому б Он мог?
Он захотел создать Себя и создал,
Собою прав.
Он — Эгоист. И это так же просто,
Как запах трав.
Бог создал свет, но не узнали люди,
Как создан свет.
И поэтично ль грезит нам о чуде,
И Бог — поэт!
И люди все — на Божие подобье:
Мы — богодробь.
И если мы подвластны вечной злобе,
Отбросим скорбь:
Не уничтожен Богом падший ангел,
Не умерщвлен.
Он — в женщине, он в бешеном мустанге,—
Повсюду он.
Так хочет Бог. Мечты Его пречисты.
И взор лучист.
Природа, Бог и люди — эгоисты:
Я — эгоист!

1912. Лето
Веймарн

ПОЭЗА ОПРАВДАНИЯ

Я — Демон, гений зла. Я Богом пренебрег!
За дерзостный Мой взлет Бог возгордился мною,
Как перлом творчества, как лучшею мечтою,
Венцом своих забот, венцом своих тревог.
Я — Демон, гений зла. Я Богом пренебрег!

Но я Его люблю, как любит Он Меня:
Меня ожизнил Бог, экстазом осиянный!
И ныне Я Его приветствую «Осанной»!
Я Демон, гений тьмы, пою Поэта дня
И я Его люблю, как любит Он меня!

Меня вне Бога нет: мы двое — Эгобог.
Извечно Мы божим, но Нас не понимали.
О, человечество! В подсолнечной эмали
Начертаны слова, как упоенья вздох:
«Нет Бога вне меня! Мы двое — Эгобог!»

1912. Лето
Веймарн

ПОЭЗА НЕ ДЛЯ ПЕЧАТИ

Федору Сологубу

Острitесь, я́довые иглы!
Плетись, изысканный тернец!
Мы зрить Антихриста достигли,
Свой оголгофили конец.

Грядет иллюзно опобеден,
Как некогда Христос, Протест,
И он исстраждал, чахл и бледен
Жених незачатых невест...

Наш эшафот — не в Палестине
У плодоструйных жирных вод,
А в отелесенной пустыне
В столице Культры эшафот.

Moderne-Голгофа измельчала:
Не три креста, а миллиард,
Но там и здесь — одно начало,
Одно заданье и азарт.

Мы, двойственные изначально,
Растерянно даем вопрос:
«Антихрист у Христа опальный,—
Не псевдонимный ли Христос?»

1913

НАЧАЛЬНИКИ И РЯДОВЫЕ

Начальники и рядовые,
Вы, проливающие кровь,
Да потревожат вас впервые
Всеоправданье и любовь!

О, если бы в душе солдата,—
Но каждого, на навсегда,—
Сияла благостно и свято
Всечеловечности звезда!

О, если б жизнь, живи, не мешкай! —
Как неотъемлемо — твое,
Любил ты истинно, с усмешкой
Ты только гладил бы ружье!..

И если б ты, раб оробелый,—
Но человек! но царь! но бог! —
Души своей, как солнце, белой
Познать всю непобедность мог.

Тогда сказали бы все дружно!
Я не хочу,— мы не хотим!
И рассмеялись бы жемчужно
Над повелителем своим...

Кого б тогда он вел к расстрелу?
Ужели всех? ужели ж всех?..
Вот солнце вышло и запело!
И всюду звон, и всюду смех!

О, споры! вы, что неизбежны,
Как хлеб, мы нудно вас жуем.
Солдаты! люди! будьте нежны
С незлобливым своим ружьем.

Не разрешайте спора кровью,
Ведь спор ничем не разрешим.
Всеоправданьем, вселюбовью
Мы никогда не согрешим!

Сверкайте, сабли! Стройтесь, ружья!
Игрушки удалой весны
И лирового златодружья
Легко-бряцающие сны!

Сверкайте, оголяйтесь, сабли,
Переливайтесь, как ручей!
Но чтобы души не ослабли,
Ни капли крови и ничьей!

А если молодо безумно
И если пир, и если май,
Чтоб было весело и шумно,
Бесцельно в небеса стреляй!

5 сентября 1914
Мыза Ивановка

ГАЗЕТЧИКИ НА ЮПИТЕРЕ

Первый:

— Экстренное прибавление к «Юпитерскому
Известию»:
Антихриста Маринетти на землю-планету пришествие!
Лишенье земли невинности! Кровавое сумасшествие!
Экстренное прибавление к «Юпитерскому Известию»!

Второй:

— К «Юпитерскому Известию» экстренное
прибавление:
Разрушенье старинных памятников! Цивилизаций
разгноение,—
Пробужденный инстинкт человечества — жажда
самоистребления...
К «Юпитерскому Известию» экстренное прибавление!

Третий:

— Экстренное прибавление к «Известию
Юпитерскому»:
Земля, обезумев, как волосы, все сады и леса
свои выдергала...
Статья профессора Марсова: «Апофеоз вселенского
изверга»!
Экстренное прибавление к «Известию Юпитерскому».

Четвертый:

— К «Известию Юпитерскому» прибавление
экстренное:
Поэтов и светлых мыслителей на земле положение
бедственное...

Пятый:

— Еще, еще прибавление, почти уже бестекстенное:
Земля провалилась в хаос! Купите самое экстренное!

1914

УМАЛИШЕННАЯ

На днях Земля сошла с ума
И, точно девка площадная,
Скандалит, бьет людей, в дома
Врывается, сама не зная —
Зачем ей эта кутерьма.

Плюет из пушек на поля
И парится в кровавых банях.
Чудовищную чушь меля,
Извиртуозничалась в брани
Умалишенная Земля.

Попробуйте спросить ее:
«В твоей болезни кто в ответе?»
Она завоет: «Сети — в лете!
Лишил невинности мое
Святое тело Маринетти!..

Антихрист! Антихрист! Маклак!
Модернизированный Иуда!
Я не могу... Мне худо! Худо!»
Вдруг завопит и, сжав кулак,
От себя бросится,— отсюда.

Она безумна — это факт.
Но мы безразумны, а это —
Не сумасшествие. Поэты,
Составимте об этом акт
И устремимся на планеты,
Где все живое бьется в такт.

1914

ПИР БРАТАНИЯ

Увлажненное послегрозье...
И блаже женственная лань...
И слаже роза жмется к розе...
Журчанье крови, как шампань.

О, мельниц молнийных зигзаги!
Раздробленные жернова!
Какие песни, сказы, саги!
Какие грезы и слова!

На пир всемирного братанья
Спеши, воистину живой,
Объятый трепетом свиданья
С весною, девой огневой!

Целуйте, девушки, гранатно
Живых возлюбленных своих:
Ах, разве же невероятно,
Что материнство — для живых?

Мужи, не будьте в праздник праздны,
И, точно пули из ружья,
Мечите зерна в дев экстазно:
Теперь — все жены, все мужья!

Весной дарована свобода
Для воссоздания людей.
Ликуй же, юная природа!
Любись, живи и жизни дей!

1914

МУЖЬЯ ЗЕМЛИ

Живи, как хочешь, как умеешь,
Как можешь — но живи! Живи!
Ты обезжизниться не смеешь
Запретом жизни и любви.

Мы — люди, это значит — боги!
И если рабством сражены,
Так рабством рыцарей. Мы — ноги
И мы мужья земли-жены.

Прекрасна наша Грезопева
В своем бесчислии имен:
Весна и жизнь, и женодева,—
Все та же явь, все тот же сон!

Жить без любви — не жить бы вовсе!
Но может ли не жить живой?..
Рожденный, в рыцари готовься
К земле своей святонагой!

Быть рыцарем святой блудницы —
Ведь это значит — богом быть!
Расти, трава! Летайте птицы!
Давайте жить! Давайте жить!

1914

ПОРА КОНЧАТЬ

Пора кончать! Пожалуй, слишком
Вы далеко уже зашли
И алым предались излишкам
Для удобрения земли!..

Пора кончать! Ведь кроме смерти,
Жизнь существует на земле...
В аду ублажены все черти,
Глумясь на ваших тел золе...

Пора кончать! Воздвигни знамя!
«Любовь и жизнь!» — зажги на нем.
Пора кончать! Иль кончит с нами
Готовый грянуть Божий гром!

Пора кончать! Остановитесь!
Довольно бога искушать!
Вот сходит с неба белый витязь
И молит вас: «Пора кончать!»

1916. Ноябрь
Гатчина

ПОЭЗА СТРОГОЙ ТОЧНОСТИ

Борису Верину

Искусство в загоне,— сознаемся в этом!
Искусство затмила война.
Что делать в разбойное время поэтам,
Поэтам, чья лира нежна?

Дни розни партийной для нас безотрадны
Дни мелких, ничтожных страстей...
Мы так неуместны, мы так невпопадны
Среди озверелых людей.

Мы так равнодушны к их жалким раздорам
И к их интересам мертвы.
Мы тянемся к рекам и к вольным просторам
И в шелковый шепот травы.

Мы искренне славим паденье престолов
Во имя свободы людской!
Но если и после царей вы в тяжелых
Раздорах,— мы машем рукой!

Союзник царизма для нас не союзник,
Как недруг царизма — не враг.
Свободный художник зачахнет, как узник,
Попав в политический мрак.

Нам пакостны ваши враждебные будни,—
Мы вечным искусством горим.
Вы заняты «делом», мы — только «трутни»,
Но званьем гордимся своим!

Отправьте ж искусство куда-нибудь к мифу,
Трещит от него материк!..
И кланяйтесь в пояс Голодному Тифу,
Диктатору ваших интриг!

13 июня 1917
Мыза Ивановка

ПОЭЗА ПОСЛЕДНЕЙ НАДЕЖДЫ

Не странны ли поэзовечера,
Бессмертного искусства карнавалы,
В стране, где «завтра» хуже, чем «вчера»,
Которой, может быть, не быть пора,
В стране, где за обвалами — обвалы?

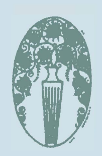
Но не странней ли этих вечеров
Идущие на них? Да кто вы? — дурни,
В разгар чумы кричащие: «Пиров!»,
Или и впрямь фанатики даров
Поэзии, богини всех лазурней!..

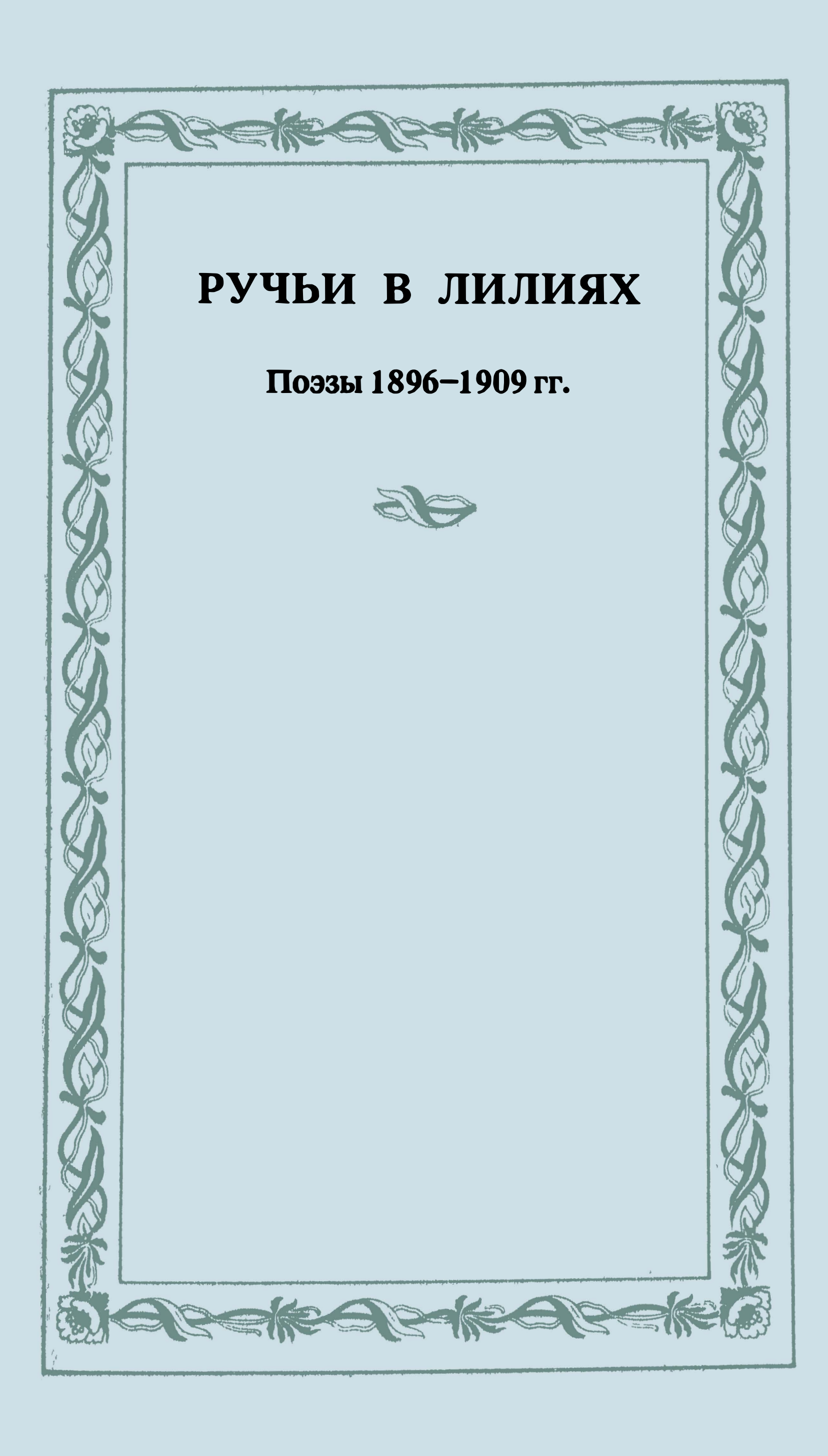
Поэт — всегда поэт. Но вы-то! Вы!
Случайные иль чающие? Кто вы?
Я только что вернулся из Москвы,
Где мне рукоплескали люди-львы,
Кто за искусство жизнь отдать готовы!

Какой шампанский, искристый экстаз!
О, сколько в лицах вдохновенной дрожи!
Вы, тысячи воспламененных глаз,—
Благоговейных, скорбных,— верю в вас:
Глаза крылатой русской молодежи!

Я верю в вас, а значит — и в страну.
Да, верю я, наперекор стихии,
Что вал растет, вздымающий волну,
Которая всё-всё сольет в одну,
А потому — я верю в жизнь России!..

1917. Ноябрь
Петроград

РУЧЬИ В ЛИЛИЯХ

Поэзы 1896–1909 гг.

УВЕРТЮРА

Весна моя! ты с каждою весной
Все дальше от меня,— мне все больнее...
И, в ужасе, молю я, цепенея:
Весна моя! побудь еще со мной!

Побудь еще со мной, моя Весна,
Каких-нибудь два-три весенних года:
Я жизнь люблю! мне дорога природа!
Весна моя! душа моя юна!

Но чувствуя, что ты здесь ни при чем,
Что старости остановить не в силах
Ни я, ни ты,— последних лилий милых,
Весна моя, певец согрет лучом...

Взволнованный, я их беру в венок
Твои цветы,— стихи моего детства
И юности, исполненные девства,—
Из-под твоих, Весна, невинных ног.

Венок цветов,— стихов наивный том,—
Дарю тому безвестному, кто любит
Меня всего, кто злобой не огрубит
Их нежности и примет их в свой дом.

Надменно презираемая мной,
Пусть Критика пройдет в молчаньи мимо,
Не осквернив насмешкой — серафима,
Зовущегося на земле: *Весной*.

Эст-Тойла, 4 апреля 1918 г.
Помещено в «Créme des violettes»

1896

ЗВЕЗДА И ДЕВА

Вот и звезда золотая
Вышла на небо сиять.
Звездочка верно не знает,
Что ей недолго блистать.

Так же и девица красна:
Выйдет на волю гулять,
Вдруг молодец подъезжает,—
И воли ее не видать.

Петербург

1899

РОМАНС

Тебя любил я страстно, нежно,
Тебя я на руках носил,
И мнится мне все безмятежно,
Как страстно я тебя любил.

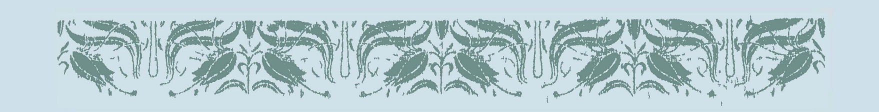
Бывало, ты лишь слово молвишь,
Как раб, стою перед тобой,
И только ты «люблю» промолвишь,
Тебе шепчу я тихо: «Твой»...

Но не всегда ведь наслаждаться
Любовью чистой и святой;
Судьбе угодно насмехаться,—
И вот ты сделалась больной.

Тебя болезнь совсем убила,
Недолго жить уже тебе,
И шепчешь ты: «Близка могила»,
И говоришь: «Прости же мне»...

Сойвола на реке Суде

1903

СОЙВОЛСКАЯ БЫЛЬ

— Я стоял у реки,— так свой начал рассказ
Старый сторож,— стоял и смотрел на реку.
Надвигалася ночь, навевая тоску,
Все предметы туманнее стали для глаз.

И задумавшись сел я на камне, смотря
На поверхность реки, мысля сам о другом.
И спокойно, и тихо все было кругом,
И темнела уже кровяная заря.

Надвигалася ночь, и туман над рекой
Поднимался клубами, как дым или пар,
Уж жужжал надоедливо глупый комар,
И летучая мышь пролетала порой.

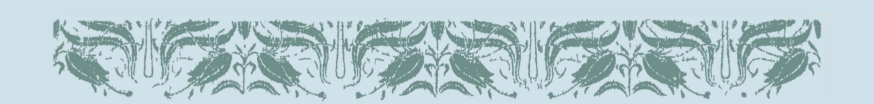
Вдруг я вздрогнул... Пред камнем теченье реки
Мчало образ Святого Николы стремглав...
Но внезапно на тихое место попав,
Образ к берегу, как мановеньем руки

Чьей-то, стало тянуть. Я в волненьи стоял,
Я смотрел, ожидал... Образ к берегу плыл
И, приблизившись к камню, как будто застыл
Предо мной. Образ взяв из воды, я рыдал...

Я рыдал и бесцельно смотрел я в туман
И понять происшедшего ясно не мог,
Но я чувствовал ясно, что близко был Бог,—
Так закончил рассказ старый сторож Степан.

18 октября
Порт-Дальний на Квантуне

1906

НОЧЬ ПОДХОДИЛА...

Страстно дыша, вся исполнена неги,
Ночь подходила в сияньи луны
К тихому лесу, в загадочной грусти
Оцепеневшему в чарах весны.

Ночь подходила бесшумно, как фея,
Долго смотрелась в прозрачный ручей,
Грустно вздыхала, смотрела на звезды
Вдумчивым светом широких очей.

К ели, смотревшей на звездное небо,
Выросшей, как безответный вопрос,
Близко прижатый, безмолвен и бледен,
Думал с глазами я, полными слез.

Ночь подходила, головку склонивши
И постепенно замедлив шаги,
Проникновенно смотрела на звезды,
Скорбно вздыхала в порывах тоски.

В взоре царицы ночных сновидений
Было так много таинственных дум,
Было так много мольбы и вопросов,
Был ее взгляд так печально-угрюм.

Ночь подходила все ближе и ближе...
Я уже видел в сияньи луны
Страстные очи, небрежные пряди,
Я уже чувствовал лунные сны.

— Ночь! — простонал я, влюбленный в царицу,
Чувствуя близкое счастье: О, ночь!
Что ты так смотришь на тусклые звезды?
Чем тебе могут те звезды помочь?

Ночь, вдруг заметив меня, потемнела,
Вздрогнула нервно, взглянула в глаза,
Чуть прояснилась и с горькой усмешкой
Гладила нежно мои волоса.

Я, очарован, стоял недвижимо...
Снова вздохнув, меня Ночь обняла,—
В жгучем лобзаньи уста наши слились,
Сблизились в пламени страсти тела.

— Счастье! — шептал, задыхаясь в блаженстве.
Сердце сгорало в триумфе огня.
Ночь заметалась в испуге в объятьях,
Чувствуя близость идущего Дня.

1907

* * *

Есть столько томного в луны сияньи ровном,
Есть столько мягкого в задумчивых ночах,
Есть столько прелести в страдании любовном,
Есть столько сладости в несбыточных мечтах,

Есть столько жданного за жизненною гранью,
Есть столько нового в загадочном раю,
Есть столько веры в торжество мечтанья
И в воплощение его в ином краю,—

Что я и скорбь души своей крылатой,
И гибель чувств, и веру в жизнь свою
Не прокляну, а, верою объятый,
В провиденьи Христа, благословлю!

Помещено в брошюре
«Лунные тени», ч. II

* * *

Не грусти о моем охлажденьи,
Не старайся меня возвратить:
Наша встреча, мой друг,— сновиденье,
Так зачем же о нем нам грустить?

О, поверь! ты узнаешь их много,
Этих кратких, но радостных снов...
Если любишь меня,— ради Бога,
Позабудь необузданность слов.

Верить клятвам в угаре — смешно ведь,
А кто любит, тот любит без клятв...
На песке же нельзя приготовить,
Моя бедная, солнечных жатв.

Не грусти — мы с тобою не пара.
Ты душе далека и чужда.
Я ошибся. Так пламя пожара
Заливает в разгаре вода.

ВЕЧНАЯ ЗАГАДКА

ТРИОЛЕТЫ

Мы ехали ночью из Гатчины в Пудость
Под ясной улыбкой декабрьской луны.
Нам грезились дивные райские сны.
Мы ехали ночью из Гатчины в Пудость
И видели грустную милую скудость
Природы России, мороза страны.
Мы ехали ночью из Гатчины в Пудость
Под светлой улыбкой декабрьской луны.

Лениво бежала дорогой лошадка,
Скрипели полозья, вонзаяся в снег.
Задумчивость ночи рассеивал бег
Лениво бежавшей убогой лошадки.
А звезды, как символ чудесной загадки,
И в небе горели, и в зеркале рек.
Лениво бежала дорогой лошадка,
Скрипели полозья, вонзаяся в снег.

И все-то в природе казалось загадкой:
И лес, и луна, и мы сами себе —
Лунатики мира в ненужной борьбе.
Да, все-то в природе казалось загадкой!..
Мы Небу вопрос задавали украдкой,
Оно же не вняло душевной мольбе,
И нам, как и прежде, казались загадкой
И Бог, и весь мир, и мы сами себе!..

* * *

Наша встреча — похороны дней
Предыдущих, кажущихся прахом.
Призадумайся, мой друг, над ней,
Над судьбы железным взмахом.

Ты блестишь, я в пелене тумана;
Мы — души, как русла, раздвоенье.
Ты бессильна: то предназначенье,—
Мы сольемся, поздно или рано.

* * *

Ни холодный свет жемчужины,
Ни лазурный тон сапфира
Не сравнить с сияньем дюжины
Звезд полуночного мира.

Но и звезды в темноте ночи,
И сиянья, и светила
Ты, раскрыв глаза, как светочи,
Взора пламенем затмила.

СОНЕТ

Как скоро солнце страсти отсветило!
Я боль узнал сжимающих оков.
Холодность чувств взамен былого пыла,
Затишье — вместо бури и валов.

И юности играющая сила
Миражна и пуста, как сущность снов,
Как ледовитость зимнего светила,
Как беспринципность принципов веков.

Кипучей страсти скорость охлажденья,
Перекипевшей крови красный лед,
Мечтаний дерзких прерванный полет,

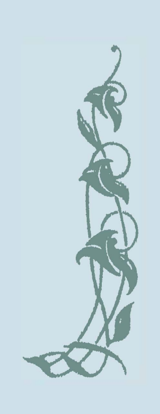
Непониманье таинства сближенья —
Все радостью мне душу обдает
И изменяет жизни направленье.

БОКАЛ ПРОЩЕНЬЯ

Шампанским пенясь, вдохновенье
Вливалось в строфы — мой бокал.
За все грехи земли — прощенье
Из сердца я в него вливал.

Я передумал,— и в осколки
Бокал прощенья превращен:
Вам, люди-звери, люди-волки,
Достойно отдан мною он!..

АРФА

Влад(имиру) Вяч(еславовичу) Уварову-Надину

Когда Саул скорбел душой,
Давид, взяв арфу в руки,
Рождал на арфе золотой
Успокоенья звуки.

Он вдохновенно пел псалмы,
Внушенные Владыкой,
Что миротворили умы
Лишь Истиной великой.

Что умаляли скорбь души,
Спасая от печалей,
Бодрили дух не сказкой лжи,
А правдою скрижалей.

Ничто не трогало царя,—
Лишь арфы песнопенье,
Над ним властительно царя,
Давало утешенье.

Гатчина

ЧТО ВИДЕЛИ ПТИЦЫ

1

Чайка летела над пасмурным морем,
Чайка смотрела на хмурые волны:
Трупы качались на них, словно челны,
Трупы стремившихся к утру и зорям.

2

Коршун кричал над кровавой равниной,
Коршун смотрел на кровавые лужи;
Видел в крови, замерзавшей от стужи,
Трупы стремившихся к цели единой.

3

Каркая, горя вещунья — ворона
Села на купол сельского храма.
Теплые трупы погибших без срама —
Памятник «доблестных» дел эскадрона.

СПб.

КЛЯТВА

Памяти сестры Зои

Клянусь тебе, Сестра, здесь, на твоей могиле,
(Как жутко прозвучал мой голос в тишине!)
Да, я клянусь тебе, что я достигнуть в силе
Того, что ты всю жизнь душой желала мне!

Борьбы я не боюсь, хотя я слаб; но тело,
Я знаю, ни при чем, когда силен мой дух.
Я тотчас в бой вступлю отчаянно и смело:
С щитом иль на щите — одно из двух!

Июнь
СПб. Новодев(ичий) монастырь

ПЕВЕЦ МОРЯ

(ПАМЯТИ ЛЕЙТЕНАНТА С.)

Да воля сбудется Твоя!

Лейтенант С.

Как потрясен невыразимо
Ужасной вестью целый свет:
У дальних берегов Цусимы
Эскадры русской больше нет.
Мечты безжалостно разбиты,
Страдают скорбные сердца.
Такого страшного конца
Не ждал никто, и все «убиты».
Убиты смелые надежды,
Убита вера, грустен взор.
Разгром эскадры и позор
Закрыть нас заставляют вежды,
Как облако вершину гор
Порой невольно закрывает.
Кто виноват в разгроме флота,
То лишь Господь Единый знает.
Тускнеет славы позолота
Когда-то доблестных знамен.
Вокруг потоки льются горя,
А сердце стонет: «Где же он?
Где он, певец элегий „С моря“?»
В его саду цветет сирень...
Любовь в нем бродит... Близко лето...
Увы, для юного поэта
Ночь не сладка, не ярок день —
В нем нет вопроса, нет ответа.
Живой недавно — ныне тлен,
Как призрак полуночной тени,
Он не нуждается в сирени,
Не для него любовный плен.
Не для него моря и птицы,
И бег родного корабля.
Не сложит он своей царице
Элегий с моря, ей внемля.

Не скажет нежною, как греза,
Душой своей влюбленных слов,
И безответен детий зов,
Как безответны детьи слезы.
Пусть я, который так же юн,
Как он, почивший сном могильным,
Пусть я, стихом своим несильным
Певавший сумрачный Квантун,
Потоком слез своих обильным,
Прославлю звучность чутких струн.
И я скажу тебе, подруга
Его возвышенной души:
Не плачь, родная, не тужи,
Не призывай к себе супруга!
О, не смущай его покоя
Невыразимою тоской,
Многострадальною слезой,
Как правда чистой и святою.
Он пал со славою в сраженьи
В борьбе за родину свою.
В слезах я юношу пою,
В слезах святого вдохновенья!
В слезах святого вдохновенья
С тобой я сердцем говорю,
Молясь благому алтарю
О ниспосланьи утешенья
Тебе, страдалица-жена.
Твои младенческие годы
Пусть оживит, как жизнь природы,
Твоя печальная весна.
И наши скорбные сердца
Пускай утешит смысл Завета
В устах угасшего поэта:
«Да воля сбудется Отца!»

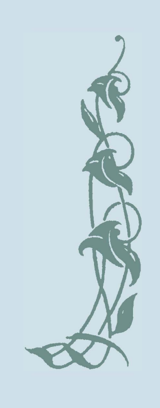

1908

В ПОЛЕТЕ

Давно иль недавно, когда — безразлично,
Но я полюбил!
Давно иль недавно, когда — безразлично,
Но я полюбил поэтично
Шуршание крыл
Мечты фосфоричной.

И в воздух взлетел я! и вижу оттуда:
Лицо у земли!..
И в воздух взлетел я, и вижу оттуда:
Лицо у земли, и лицо то... Иуды!..
Очнулся в пыли —
Мне сделалось худо...

* * *

Я бы дорого дал за прощенье твое,
За когда-то чудесное счастье мое,
За улыбку твоих зацелованных губ,
За мгновенье, когда для тебя был я люб.

Я готов на страданья, на пытки идти,
Чтоб прижать тебя снова к иссохшей груди,
Чтоб молить о прощеньи у маленьких ног,
Чтоб слезами омыть твой невинный порог.

Возвратись — возврати мне желанный покой
И живи, и умри для меня и со мной.
Возвратит мне чудесное счастье мое
Только взгляд, только слово былое твое!

24 марта
Петербург

СОНЕТ

Где воздух дышит ледовито,
Где мрак ледян, где мрачен лед,
Ярка, как след аэролита,
Мечта свершает свой полет.

Там паутиной сна повита
Природа в строгости красот.
Здесь не достигшая зенита
Мечта хоть отдых там найдет.

Насмешки, жадные, как тигры,
Не воспретят затеять игры,
Там не вспугнут мечту грехи.

И как в волшебной детской сказке,
Ее лелеять станут в ласке,
Как внучку лед, седые мхи.

3 октября
Петербург

СОНЕТ

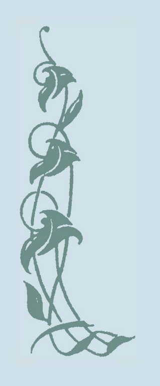
Не раз ходил при тусклом фонаре,
Мерцавшем в похоронном городишке,
В каморку к ней; со мною были книжки.
Она жила близ рощи, в серебре.

Бывало, ночь мечтает о заре,
Любя, томясь... Трещат в камине шишки.
Шатун-Мороз скрежещет на дворе.
Ведь хорошо? — хотя бы понаслышке!

Она — во мне, я — в ней, а в нас — роман.
Горячий чай. Удобная кушетка.
И красного бургонского стакан.

Целуемся, смеемся, плачем, детка,
Но страсть молчит: так дремлет океан.
Вот счастье где, но это счастье — редко!

16 августа
Мариенбург

СОНЕТ

Я — у Земли в плену, а терем твой — Эдем,
Но мы встречаемся, Звезда моя, с тобою.
И сколько общего у нас: как ты, я нем,
А ты, как я, в реке отражена водою.

Да, знаем встречи мы, сведенные волною,
Неведомо к чему, неведомо зачем...
Мы связаны с тобой, как звучный стих поэм —
С немою скорбию, как небеса — с землею.

Как я люблю тебя, твоей любви не зная!
Как я печалюся, когда ты, угасая
В румянце утреннем, вдруг скроешься в волне!

Не видишь ты меня, но по тебе я брежу...
Не нужен я тебе, но я тобою грежу...
Ты льешь лучи на мир, а светишь только мне.

Январь
Петербург

* * *

Все клонится ко сну
В желтеющей природе.
Кивает дуб клену
При солнечном заходе.

И грустно, грустно мне
Смотреть на смерть в природе
В осенней тишине
При солнечном заходе.

5 сентября
Мыза Ивановка

СКАЗКА

> Певучий дактиль плеском знойным
> Сменяет ямб мой огневой...
>
> *Мирра Лохвицкая*

Под лунный лепет колокольца
Играет локоном Триоль.
Октава вьет в цепочку кольца.
Тоска — Элегии пароль.

Клянется рыцарь Романсеро
Бесовской дюжиной Рондо,
Что нет препон для кабальеро.
Рондо смеется из ландо.

От пьяных оргий Дифирамба
Бежит изнеженный Ноктюрн,
Бежит к луне тропою Ямба
И просит ласки, просит зурн.

Педант-Сонет твердит: «Диаметр»...
Льстит комплименты Мадригал.
И декламирует Гекзаметр:
«Уста Идиллии — коралл»...

Злясь, Эпиграмма ищет яда.
Потупил глазки скромный Станс.
Поет растроганный Романс.
И фантазирует Баллада.

26 октября
Петербург

* * *

Разорвались ткани траура...
Где души моей центавр?
Сердце с кликами «ура! ура!»,
Распуская пышный лавр,
Ударяет вновь в литавр.

Все, что злобно исковеркал лом,
Лом Насмешки, строит Мысль.
Но пред ней я — как пред зеркалом:
Преисподняя ль ты? высь ль?

Ноябрь
Петербург

* * *

Заря улыбалась так розово,
Все обнадежив, все озаря.
Мечты сердечного созыва
Не знали, что лжива заря:

Так был правдив ее образ...
Но солнечный день — где?
Туман пожалел и, сдобрясь,
Колыхнул грезы к звезде.

Октябрь
Петербург

СОНЕТ

Пейзаж ее лица, исполненный так живо
Вибрацией весны влюбленных душ и тел,
Я для грядущего запечатлеть хотел:
Она была восторженно-красива.

Живой душистый шелк кос лунного отлива
Художник передать бумаге не сумел.
И только взор ее, мерцавший так тоскливо,
С удвоенной тоской, казалось, заблестел.

И странно: сделалось мне больно при портрете,
Как больно не было давно уже, давно.
И мне почудился в унылом кабинете

Печальный взор ее, направленный в окно.
Велик укор его, и ряд тысячелетий
Душе моей в тоске скитаться суждено.

Август
Мыза Ивановка

ЗАГАДКА УЖАСА

И. Д.

Мы встретились в деревьях и крестах,
Неразлученные в стремленьях и мечтах,

Но не промолвим мы друг другу ничего
И вновь расстанемся, не зная — отчего.

Вновь замелькают дни и, может быть, года,
Но мы не встретимся уж больше никогда:

Не разрешили мы, слиянные в мечтах,
Загадки ужаса в деревьях и крестах...

Октябрь
Петербург

* * *

О, мне поверь, желанная: далече
Года любви, волнений и тревог,
Когда ждала в восторге нашей встречи,
Когда тебя не жаждать я не мог!

Теперь не то! а «то» исчезло где-то!
Вернется ль вновь — как утро, как заря,
Как вечный звук пасхального привета,
Как мореход на милые моря?

Август
Мыза Ивановка

ДИССОНАНСЫ

Грезы весенние...
Чувства осенние...
    — Надо о чем-то забыть.
Жизнью мечтается...
Смертью карается...
    — Все-таки хочется жить!

Трель соловьиная...
Песня совиная...
    — Можешь ли душу согреть?
Что ты все в стороны
Смотришь? — «Там вороны...
    Друг мой, сумей умереть...»

Октябрь
Петербург

* * *

Она придет, сверкнет — исчезнет!
Она, минутная любовь!
И больше к жизни не воскреснет,
И не пробудит к жизни вновь!

А ты, влюбленный! как смешон ты!
Как жалок в «чувствах на обмен»!
Вдали свободны горизонты,
Достигнешь их — все тот же плен...

Мыза Ивановка

СТАРЫЙ КЕДР

БАЛЛАДА

Где стоит дворец охотничий,
Властелин преданья недр,
Досыпает жизнь столетнюю
Чуждый всем деревьям кедр.

Близ охотничьего базиса,
Над рекою и ключом,
Полный снежного оазиса,
Он задумался... О чем?

Грезит вслух отчизной дальнею,
Одинокий сибиряк,
Как поверхностью зеркальною
Умирающий моряк.

В дни седые крепостничества
Распростилась с ним Сибирь,
И в саду Его Величества
Он разросся вдоль и вширь.

Помнит кедр работы плотников
Над отделкою хором,
Помнит он пиры охотников,
Веселившихся кругом.

Ах, не раз кончались бурными
Столкновеньями пиры!
Ах, не раз цветам над урнами
Наливалась кровь в дары!

Старый кедр видал здесь многое,
Что бы мог он рассказать,
Как и мельница убогая —
Дел минувшего печать.

Как и сам — вельможа в древности,
А теперь для всех холоп —
Дом, где, жертвой пьяной ревности,
Человек спускался в гроб...

Эти души неотпетые —
Привидений легион —
Бродят в парке, горько сетуя,
Проклиная павильон,

Где пиры чинились бранные,
Непутевые пиры,
Где бокалы многогранные
Шли до утренней поры,

Где любовницы-бездельницы
Разжигали в людях зло...
И теперь в саду у мельницы
Их несметное число.

Взволновали звуки скрежета
Их зубов столетний кедр.
Вопрошает старец: «Где ж это?
Из каких подземных недр?»

Но природа безответная
Мрачно хмурится вокруг.
Лишь река, одна приветная,
Отражает призрак вдруг.

Озарит луны луч палевый
Ей поверхность, и — глядишь —
Призрак просится вуалевый
В речки ласковую тишь.

Сколько боли и отчаянья
В заблудившихся очах!
Ждет он утреннего таянья
При проснувшихся лучах.

И дряхлеет, пригорюнившись,
Чуждый всем деревьям кедр,
Где стоит дворец охотничий,
Властелин преданья недр.

17 августа
Мыза Ивановка

ХУДОЖНИКУ

Евгению Пуни

Лови мгновения, художник,
На крыльях творчества лети!
Пускай чернит тебя безбожник,—
Они светлы, твои пути!

Твори! Невидимые цитры
Бодрят твой дух, как луч зари.
Любуясь радугой палитры,
Забудь о мраке и твори!

27 сентября
Петербург

ПАМЯТИ И. С. ТУРГЕНЕВА

Себя в глазах Забвенья обесценив
И вознеся к Бессмертью фолиант
Своих трудов, ушел от нас Тургенев,
Угас поэт,— угас, как бриллиант.

Он накормил, он кормит наши думы,
И вкусен сытный хлеб его ума.
Питайте им, кого объяла тьма!
Питайте им, кого мечты угрюмы!

О, братья! пусть с приветливостью детской
Отыщем мы местечко в сердце, где б
Не умерли ни Лиза, ни Лаврецкий —
Наш воздух, счастье, свет и хлеб!

27 августа
Петербург

ЛЕВ ТОЛСТОЙ

Нет, не Толстой коло́сс, — его душа,
Достигшая культурного развитья.
И связана она эфирной нитью
С Божественным *Ничем*.

Он был пигмей, и он влачил, греша,
Свое существованье в оболочках
Зверей и птиц, он жил в незримых точках
Растительностью нем.

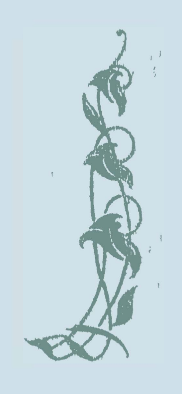
Душа его, как вечный Агасфер,
Переходя века из тела в тело,
Достигла наивысшего предела:
За смертью — ей *безличья* рай.

И будет дух среди надзвездных сфер
Плыть в забытьи бессмертном и блаженном,
Плыть в ощущеньи вечности бессменном.
Рай — рождества *безличья* край!

Без естества, без мысли жизнь души,
В бессмертии плывущей без страданья, —
За все века скитаний воздаянье.
Ты мудр, небес закон святой!

В движенье, мир порока, зла и лжи:
Твоя душа еще в развитьи низком!
В движенье под его величья диском!
Весь мир — война, и мир — Толстой.

28 августа
Петербург

НОВОГОДНИЙ КОМПЛИМЕНТ

Я умру в наступившем году,
Улыбаясь кончине своей...
Человек! ты меня не жалей:
Я ведь был неспособен к труду —
Я ведь сын тунеядных семей.

О, я сын тунеядных семей!
Чем полезным быть людям я мог?
Я в стремлениях властен, как Бог,
А на деле убог, как пигмей...
Человек! ты меня не жалей.

Сколько стоят пустые стихи —
На твой взгляд эта пестрая ложь?
Ничего или ломаный грош...
Отвернись, человек: в них грехи,
А грехи-то твои, коль поймешь...

Но перу, призывавшему мразь
К свету, правде, любви и добру,
Почерневшему в скорби перу,
Дай пожить, человек, и, смеясь,
В наступившем году я умру.

25 декабря (6 января)
Петербург

* * *

Как хорош сегодня гром утра́!
Бледно-розовы тона...
Как бежит привольно Иматра —
Образец для полотна!

Жизнь долга, жизнь без любви долга...
О, куда зовет мечта?
И терзает сердце иволга,
Как дней давних красота.

24 декабря

* * *

Душа пророчит, как оракул,
Мне ледяные вечера.
Как раньше я алмазно плакал!
Как плакал тускло я вчера!

Ты не придешь, не забрильянтишь
Моей источенной слезы:
Я для тебя, как вишне — ландыш,
Как челн — для влажной бирюзы...

Петербург

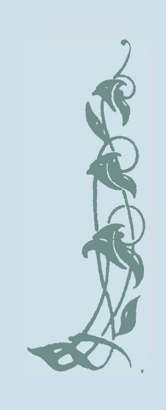

* * *

Непонятый, осмеянный, все ближе
Я двигаюсь, толкаемый, к концу...
О, бессердечье злое! удержи же
Последний шаг к костлявому лицу!..

Святой цветок божественных наследий
Попрала ты кощунственной стопой,
И не понять тебе, толпа, трагедий
Великих душ, поруганных тобой!

Петербург

* * *

Смотрю ли я на водяные стали,
Безмолвный сфинкс на запустелом мысе,
Туда, туда — в оранжевые выси!
Туда, туда — в лазоревые дали!

Опять душа полна стрелистой рыси...
Мне хоры грез, и жизнь, и воздух дали
Всегда вдыхать лазоревые дали,
Всегда впивать оранжевые выси.

Апрель

* * *

Задремли, милозвездочка!
Отдохни, милоласточка!
В сновидении розовом
Колыхайся всю ночь.

Да бегут тебя горести,
Да хранят тебя радости...
Если в яви нет счастия,
Наше счастье — во сне.

Так пейзажи печальные,
Заурядно-унылые,
Украшает причудливо,
Взор чаруя, туман.

Ноябрь

ВЫ ЭТО ЗНАЕТЕ...

Так и жила бы ты в безвестности
Для ласки жаждущей души,
Когда б не встретил этой местности,
Полузаброшенной в глуши.

Так ты и свыклась бы с избушками
И коротала бы свой век,
Судьбой довольная, с подружками,
Как деревенский человек.

Так и не знала бы ты сладости,
Но и туманности идей,
Ценила б маленькие радости
И прожила бы без затей.

И жизнь растения убогая
Тебе была бы по плечу.
Прошла бы ты своей дорогою,
А я своей,— да не хочу!

Какой привлек тебя приманкою,
Иль сблизил нас с тобою Бог —
Я полюбил тебя крестьянкою,
А сделать «барыней» не мог.

А ты меня, моя желанная,
Не стала делать «мужиком».
Ты мне всегда казалась странною,
И странен я тебе — умом.

Ах, нет у нас единомыслия,
Да и не будет никогда:
Тебе я чужд пытливой мыслию,
Ты равнодушием чужда.

Всегда в когтях у цепкой бедности,
Не наживали мы добра.
Не хорошела ты — от бледности,
Я — от невзгоды серебра.

Так наши жизни мирно сгублены
Любовью глупою одной,
И силы силами притуплены:
Мои — тобой, твои же — мной.

Расстаться поздно, горемычная,—
Друг другом жизнь озарена...
Итак, история обычная
Здесь в сотый раз повторена.

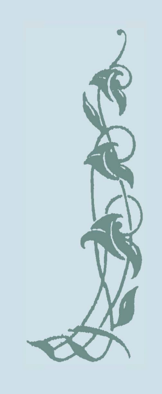
О, люди, жалкие, бессильные,
Интеллигенции отброс,
Как ваши речи злы могильные,
Как пуст ваш ноющий вопрос!

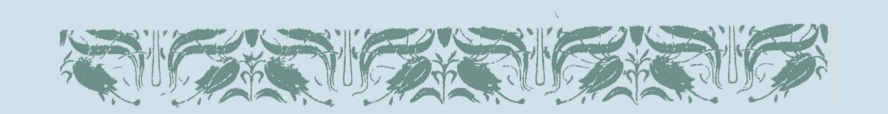
Не виновата в том крестьянская,
Многострадальная среда,
Что в вас сочится кровь дворянская,
Как перегнившая вода.

Что вы, порывами томимые,
Для жизни слепы и слабы,
Что вы, собой боготворимые,
Для всех пигмеи и рабы.

Как вы смешны с тоской и мукою
И как несносны иногда...
Поменьше грез, рожденных скукою!
Побольше дела и труда!

Сентябрь

1909

* * *

Вся в искрах-брызгах от взмаха весел,
Ты хохотала, и я был весел.
Я утомился и якорь бросил,
А шаль сырую на флаг повесил.

До поздней ночи играли шутки,
И наши песни смеялись звонко.
Кружась, кричали над речкой утки,
И лес, при ветре, ворчал спросонка.

Хотелось ласки — и стало грустно.
Заколыхалась от счастья лодка.
А ночь дышала тепло и кротко
И колыхала сердца искусно.

Март

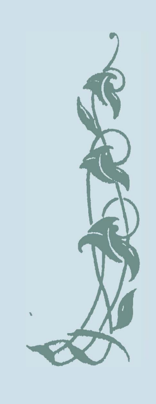
* * *

В зеленой тишине хрустят шаги.
        Хрустят шаги:
        Идут враги.

В зеленой тишине шаги хрустят.
        Шаги хрустят —
        Кого хотят?..

Шаги хрустят в зеленой тишине...
        Смерть — в тишине.
        Забудься в сне.

Август
Мыза Ивановка

СОНЕТ

Весь малахитово-лазурный,
Алмазно-солнечным дождем,
Как лед прозрачный и ажурный,
Каскад спадает колесом.

Купает солнце луч пурпурный,
И пыль студеная кругом.
Как властен бег стремленья бурный!
Я быть хочу ее вождем!

А пена пляшет, пена мечет
И мылит камни и столбы.
Парит на небе гордый кречет
И говорит без слов: «Рабы!

Когда б и вы, как водопад,
Вперед неслись, а не назад!»

Июнь
Мыза Ивановка
Помещено
«За жизнь — жизнь!»
г. Бобров, Ворон. губ.

* * *

Звезды — это грезы ангелов подлунных,
А цветы земные — это слезы их.
А мечты поэта — нимфы на бурунах,
А ручей меж лилий — вот поэта стих.

Сентябрь

* * *

Я окружен такими гадкими,
Такими подлыми людьми.
Я кончу буйными припадками,
Пойми, любимая, пойми.

Словами сердца равноправными
Спаси мне жизнь! Нельзя,— возьми...
Я окружен такими скверными,
Такими низкими людьми!

Июнь
Мыза Ивановка

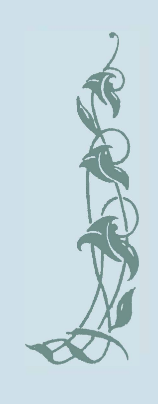

* * *

Синь неба облачного матова.
Как клочья ваты, облака.
В сопровожденьи пса лохматого
Иду к реке,— шумит река.

Шумит река, пьет дождь, как сок, она;
Ждут тучи в вышнем далеке.
Все в беспорядке. Вроде локона,
Волна завилась на реке.

Май
Мыза Ивановка

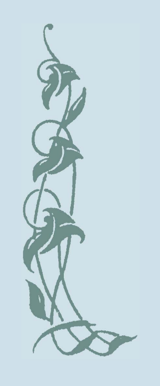

* * *

Спичка вспыхнула огненным смехом
И потухла, дымясь, как печаль,
В этом миге есть общее с веком:
Вечно сила его горяча ль?

Эта мысль проскользнула в чулане...
Огонек просинел, осветив
Пыль и ветошь и час, как мотив
На поднявшемся аэроплане...

Сентябрь

СОНЕТ

Мне некого любить, а без любви — туман,
И хочется любви — до горечи, до боли!
Мне некого любить, и сердце не в неволе,—
Неволя же любви — милей свободных стран.

Кого любил — забыл. И страсти ураган,
Как буря пронесясь мятежно в пышном поле,
Измял мои мечты, взростя в груди обман.
Теперь мечты опять стихию побороли...

О, женщина! о ты, владычица над духом!
Прислушайся к тоске моей сердечным слухом:
Я в одиночестве! я жизнь готов разбить!

Но как найду тебя? и как найдешь меня ты?
Я кличу, мучусь, жду! в душе моей — набаты!
В крови моей — пожар! Но — некого любить!

Январь

МЕСТЬ

> Я пришла к дверям твоим...
>
> *Валерий Брюсов*

Она в мои стучалась двери,
Но я дверей не отворял.
Она ждала в упорной вере,—
Бесстрастно я не доверял.

И слыша стуки, мысля злобно,
Я ликовал, как вечный зверь.
Она звала, любви подобна,
Она ко мне врывалась в дверь.

— Впусти меня,— она кричала,—
Я жизнь несу тебе: впусти!
Ей только эхо отвечало,—
Я не хотел себя спасти.

Я не хотел вернуть потери,
Как в шторм не хочет челн ветрил...
Она мне жизнь бросала в двери,
А я ей смерть не отворил!

Июль
Мыза Ивановка

* * *

Я любил только раз, только раз,
Но зато всем простором души,
Без причуд, без изменчивых фраз...
Это было в сосновой глуши.

Я любовь потерял, и никто
Не взволнует сердечной тиши...
Всем простором, всей волей души
Я любил только раз, но — зато!

Июнь
Мыза Ивановка

* * *

Угасала тихо, угасала ясно,
Как звезда при встрече жданного луча.
Смерть ее бессмертна! смерть ее прекрасна!
Смерть ее, как жизнь Христова, горяча!

Было много вздохов. Было много гула.
Обещалась людям ласковая мзда.
И в тот миг, когда она навек уснула,
В небе улыбнулась новая звезда.

Мыза Ивановка

РОМАНС

Б. М. Лотареву

Во сне, убаюканном ночью,
Я видел изнеженный юг,
Где греза доступна воочью,
Где нет ни морозов, ни вьюг.

Был пир захмелевшего лета,
Цветочков и крылышек сбор,
И ты, как мечта для поэта,
Сняла для меня свой убор...

А утром: за окнами слякоть,
Мгла, холод, и вьюга, и снег.
Как грустно! как хочется плакать
О сне, преисполненном нег!

Апрель

* * *

Почему бы не встречаться
Нам с тобой по вечерам
У озер, у сонных речек,
По долинам, по борам?

Отчего бы нам не грезить
От заката до зари?
Это что-то вроде счастья,
Что ты там ни говори!

31 августа
Мелле-Кюлле

ВОЗНЕСЕННОЕ ВОСКРЕСЕ

Ликует голубь, воет аспид,
Разлад вселенную объял.
Христос за мир в страданьях распят
И для бессмертья смерть принял.

Христос, не знавший прегрешенья,
С дыханьем лилии в крови,
Христос воскрес для воскрешенья
В сердцах людей любви к Любви!

Полет в лазорь из бездны мрака,
Свой ослепительный Вознос,
Свершал спасавший мир от брака
И забракованный Христос!

Март

ЗАПОЙ

Кто пьет запоем — так трудно, так трудно
Его окончить: запой — это маг.
Все в жизни скучно, бесцветно и скудно,
А греза сока пурпурна, как мак.

Пусть сон безумен,— зато так прекрасен!
Что́ в том, что бред он? и жизнь — это бред...
Запой — волшебник, он сладко-опасен...
Познай, страдалец, запоя секрет!..

Сентябрь

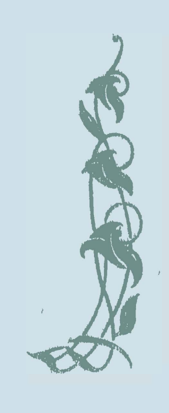

КУЗНЕЧИК

У голубеньких маленьких речек,
Где шуршит пустоствольный камыш,
Стрекотал изумрудный кузнечик
И влюбился в воздушную мышь.

Но не знать им восторга в их гнездах,
А несчастья — того и глядишь:
Ведь кузнечик изящен, как воздух,
А летучая мышь — только мышь.

Июль
Мыза Ивановка

* * *

Где-то на черешнях,
Там, в краях нездешних,
Распевают птицы
Но не так, как тут.
Грезят в сферах вышних
На румяных вишнях,
Грезят небылицы,
Радужно поют.

А у нас, где север
Пожинает клевер,
Нет ни ярких вишен,
Ни веселых птиц.
Все повито дымкой,
Грустью-невидимкой,
Грезы зов не слышен
В сумраке темниц.

Июль
Мыза Ивановка

ОТ ЧИСТОГО СЕРДЦА

Петру Гаврилову-Лебедеву

Скончался твой крошка, твой умный ребенок!
Ты плачешь, ты полон тоской...
Он был твоя гордость от детских пеленок,
В Раю — его духу покой!..

О, я понимаю! о, я понимаю!
Все в жизни ты с ним потерял.
Страдалец мой! брат мой! тебе я внимаю...
За что тебя Бог покарал?

Судить ли нам Бога?.. С улыбкой востока
Пой гимны в простор голубой!
Но это жестоко! но это жестоко!
И плачу я вместе с тобой!..

14 октября
Помещено при сборнике стихов
П. Гаврилова-Лебедева

СВЯТАЯ ГРЯЗЬ

На канале, у перил,
Чей-то голос говорил:
«Погоди.
Ты один, и я одна...
Я на что-нибудь годна...
Погляди,
Разве я какой урод?
У меня и нос, и рот —
Все, как след.
Для тебя я не конфуз...
Я умею... Я гожусь...
Хочешь?..» — «Нет».
«Отчего же? — оскорблен,
Голос молит.— Ты влюблен?
Не подлец?
Не обманывал ее?
У нее дитя твое?
Ты — отец?»
«Никого я не люблю
И тебя я не куплю:
Пуст карман».
«О, дозволь, дитя, дозволь
Предложить тебе хлеб-соль
За *обман*...
Ты душой наивно-свеж,
А таких найти нам где ж?
В эту ночь
Мне отдай кусок души
И пади, и согреши,
Заменить мне разреши
Мать и дочь...»

Февраль

* * *

Повеяло фиалками,
И ландыши сквозь сон
Под грешными русалками
Вернули чистый звон.

Так сердце шлет из плена весть
Другому сердцу весть,
Когда затихнет ненависть
К тому, кто рушил честь.

Март

* * *

Тебе не понравится сказка моя,
Но сказок иных я не знаю.
Она голубая и ласковая,
Ее посвящаю Синаю.

Вспомянь: «Не убий!» — и, накаливая
Святые слова в сердце мерзлом,
Люби и прощай, вся эмалевая,
В злом мире, еще до сих пор злом...

Ты сказки ждала, а не заповеди,
Но заповедь — что́? и что́ — сказка?
Воскресни и жизнью врага победи...
Совет мой тебе не указка!..

Июнь
Мыза Ивановка

* * *

Я спать не мог... Дурман болотных музык
Кружил мечту, пугая и пьяня.
Бледнела ночь. И месяц — хил и узок —
Сребрил змею, прильнувшую у пня.
Металась мышь воздушная стеня,
И доносились вопли трясогузок.

Блуждал туман, как бред больной земли.
Его вдыхал исчадье мрака — филин.
А мой челнок приткнулся на мели,
И — как и я — был жутью обессилен.

Пылал костер вдали, как адский факел,
И — сном цветов! — проснулся светлячок,
Весь — греза их, их тайных дум зрачок.
Не мог я спать,— я вздрагивал и плакал.

Март

* * *

Тайные чувства мне душу тере́били,
Грезы порхали — в аду ли? на небе ли?

Влилась ты в сердце, как в море река.

Нет здесь нежданного, нет здесь случайного!..
Полон я помысла необычайного.

Ты — вне пространства близка!

20 августа
Мыза Ивановка

* * *

Я люблю тебя, люблю тебя, люблю я!
Будь жива, ты поняла бы, как люблю.
О, не надо мне ни клятв, ни поцелуя,
Как не надо влаги сочному стеблю.

Я смотрю тебе в глазенки, их милуя.
Я молюсь тебе,— молюсь, но не молю.
Я люблю тебя, люблю тебя, люблю я!
Ты не знаешь обо мне, но я люблю!..

Октябрь

МИНЬОНЕТ VI

Как нам не пить, когда в вине — забвенье,
И гордый мир, и бодрость, и мечты...
Вино, вино! ты — символ вдохновенья,
Аэростат от вздорной суеты.

За знойный темп дурманного мгновенья
Я отдаю столетья темноты...
О, как не пить, когда в вине — забвенье,
Когда в вине — державные мечты!

Октябрь

В ЗАЩИТУ ФОФАНОВА

Они способны, дети века,
С порочной властью вместо прав,
Казнить за слабость человека,
Стихийно мощь его поправ.

Они способны, дети века,
Затменьем гения блеснуть.
Но он, поруганный калека,
Сумеет солнечно уснуть.

Негодованье мстит жестоко,
Но чем, кому я стану мстить?
Мой гнев, как кровь зари Востока,
Ничто не в силах укротить!

О, гнев, клокочущий, бурунный,
Убей мне сердце,— я умру
За лиры изгородью струнной
С проклятьем злобе и... добру!

Закат любви, как звезды кроткой.
Бей милосердия сосуд!
За лиры струнною решеткой
Паяц над миром правит суд.

Нахмурьтесь, ясные сапфиры,
Где всходит карою заря,
За струнной изгородью лиры
Судьи паденье озаря.

Сентябрь

ПАМЯТИ ВОЛЬФГАНГА ГЕТЕ

Живи, Вольфганг! и пусть твои тома
В шкафу у всех — на правый фланг!
Ты вдохновил волшебника Тома,—
    Живи, Вольфганг!

Живи, Вольфганг! журчат мечты ума,
Как ближний Дон, как дальний Ганг:
Ты вдохновил волшебника Тома,—
    Живи, Вольфганг!

Живи, Вольфганг! и пусть во все дома
Стремится речь, как бумеранг:
Ты вдохновил волшебника Тома,—
    Живи, Вольфганг!

Январь

МИНЬОНЕТ VII

Ах, скорее бы дожить до встречи дня,
Дня того, когда я больше жить не буду
И когда, что сердце прятало храня,
Всё печальное и светлое забуду.

Не печальтесь, не зовите вновь меня:
Я уйду, но мысль моя меж вас повсюду.
Ах, скорее бы дожить до встречи дня,
Дня того, когда я больше жить не буду.

Январь

* * *

Она меня так баловала,
Следя из-за гроба за мной.
Предчувствие в сердце обвала
Сближало меня с неземной.

Как нежно шептала мне строфы,
Ночами спускаясь ко мне,
И близость моей катастрофы
Она открывала во сне.

Покорные ей колокольцы,
Питомцы раздольных полей,
Звонили мне рифмы и в кольца
Сплетали мечтанья аллей.

Сегодня же в книжной лавчонке,
Когда я купил ее том,
Узнал я, как ясны, как тонки
Глубокие мысли о том,

Что связаны с нею мы тесно,
Что ведом ей каждый мой шаг:
На первой странице небесно
Святился руки ее знак.

Два-три посвященные слова
Кому-то далекому — мне!
Вы дали блаженство мне снова,
Я стану вас видеть во сне.

Руки ее милой узоры,
Вы любы душе и близки,
Как морю — безмолвные горы,
Как пылкой пустыне — пески.

Как счастлив бывал я бывало,
Так буду — опять и опять.
Она меня так баловала,
Как только сумела бы мать.

Октябрь

В ЛЕСУ

Холодным майским днем
Я в лес вошел. Валежник
Хрустел во мху. За пнем
Мне встретился подснежник.

О, девственный цветок —
Весенних грез предтеча!
В тебе я видеть мог
Прекрасное далече.

Мне вспомнилась она —
Подснежник увлечений.
Тогда была весна
И страсть без заточений.

Промчалось... Унеслось...
Подснежник сорван давний...
Хор чувств разноголос,
И сердце спит за ставней.

Но верю горячо,
Так искренне я верю,
Что свижусь с ней еще,
Верну свою потерю.

Недаром же за пнем
Расцвел опять подснежник...
Иду, обманут днем,
И жду... хрустит валежник.

5 мая
Мыза Ивановка

* * *

Принц лилий девственных, принц целомудренный,
Был в Одуванчика, царевну пажити,
С головкой шелково-златисто-пудреной,
Влюблен без памяти,— ну что вы скажете?

Но лишь коснулся он устами лилии
Уст Одуванчика безгрешно-женственных,
Она растаяла, фантазясь пылию...
Что ж целомудрие, принц лилий девственных?

Февраль

* * *

Я невоздержан! я своеволен!
Весь — вихрь, весь — буря, весь — пламень игр!
Уж чем доволен — так я доволен!
Уж если зол я — так зол, как тигр!

Что полутени! что полутоны!
Безбрежью неба — в душе алтарь!
Раз ты страдаешь — пусть будут стоны!
Раз замахнулся — больней ударь!

Дышу всей грудью! горю всем пылом!
Люблю всей страстью! молюсь душой!
Пусть жизнь суровым затянет илом,
Хлеща холодной, как смерть, волной —

Я жизнь отброшу и иссушу я,
Но не поддамся, не сдамся в плен.
Так шторм отважный, в морях бушуя,
Все превращает в сыпучий тлен.

Сентябрь

* * *

Утром сердца голос розов,
        Точно весенние зори.
        Солнце сияет во взоре.
Что за дело до морозов!

А когда завечереет
        День веселящийся сердца,
Снег начинает вертеться,
Снег холодной мыслью реет.

Июнь
Мыза Ивановка

* * *

Я вопросил себя сердечно:
    О вы, стихи мои, милы ли ей?
Моя мечта была протечна,
    Провеял воздух белой лилией.

И я заплакал, весь изнежен
    Прекрасной тайною общения...
Я откровеньем обнадежен,
    И в сердце жажда всепрощения.

Октябрь

ЭТО СОН ИЛИ БРЕД?..

Это сон или бред? Это греза иль жизни отрывок?
Я опять целовал эти губы, вкушая ответ!
И луна расцвела, и у ржи золотеющих гривок
Отдыхала мечтой, посылая колосьям привет.

Ты ко мне подошла, подошла, улыбаясь тревожно,
Заглянула в глаза, молча руку свою подала...
Это так хорошо, что увидеть во сне невозможно!
Это явь! это жизнь! ты не грезилась мне,— ты была!

Июль
Мыза Ивановка
Помещено в
«Créme des violettes»

К ПОРТРЕТУ

В Тебе есть то, чего ни в ком, ни в ком.
Ты мне близка, как лишь себе сама.
Твой голос, мной невпитый, мне знаком.
Люблю Тебя, всей, всей душой ума.

Бессмертна Ты, а для меня жива.
Ты мертвая, но эта смерть без прав.
О, Ты меня провидела едва,
А я люблю, не видев и не знав.

Октябрь

* * *

Этого быть не могло:
Это волшебно для яви!
        Мог ли я видеть святое чело
        В вечной немеркнущей, солнечной славе?

Мог ли носитель горба,
Данного жизнью суровой,
        Видеть сиянье ее неземного герба
        И не ослепнуть, ослепнуть готовый?

В мире, где царствует зло,
Этого быть не могло!

Август
Мыза Ивановка

ПОКА...

Я верю в Бога потому,
Что никогда Его не видел.
А тот, кто видел, смерть тому:
Он жизнь свою возненавидел.

Мы знаем много — оттого
Мы больше ни во что не верим.
И верим в Бога своего,
Пока Его мы не измерим!..

Август
Мыза Ивановка

УТОМЛЕНИЕ

...Но чтó светила луч восточный
Пред блеском звездной красоты?
Лобзанье женщины порочной
Мне ближе девственной мечты.

Когда багрянец клен умножил,
Зазеленеть не хочет клен.
Я много чувствовал... Я пожил...
Я равнодушно утомлен...

Июль
Мыза Ивановка

* * *

Изменяй мне, когда тебе хочется,
И меняй, как перчатки, тела:
Страсть, причуд твоих жгучих пророчица,
И сожжет твое сердце дотла.

Но в мгновенья от чар просветления
Будь со мною, бессмертно любя.
Изменяй, ощущай впечатления:
Я вполне понимаю тебя!..

Июль
Мыза Ивановка

* * *

Мы воспеваем столько женщин!
Мы воспеваем...
Но лишь с одной поэт обвенчан
Священным маем.

И эта женщина — вне плоти,
Вне форм, вне красок.
Ей кончен гимн на верхней ноте,
Ей — мысль без масок.

И в ней проходят постепенно
Минут богини.
И эта дева совершенна,
Как луч святыни.

Июль
Мыза Ивановка

* * *

Распускаются почки душистые
На березах, невинных, как май,
Распевают дрозды голосистые
Про какой-то несбыточный край.

К солнцу тянется травка шелкóвая,
Пробегает шутник-ветерок.
О, весна! ты стара, вечно-новая,
И тебе эти несколько строк!

Май
Мыза Ивановка

ПИХТОВЫЕ «ЯГОДЫ»

Шел я парком утренним. Мысли нездоровые
Голову тиранили. Чувства были грубы.
Пихта распустила «ягоды» пунцовые,
Пухлые и клейкие, как у женщин губы.

О, мои целители, не из ягод ягоды
В лиственницах шелковых, в пихтовой глуши!
Для своей фантазии я построю пагоды,
Буду вам молиться я отзвуком души.

11 мая
Мыза Ивановка

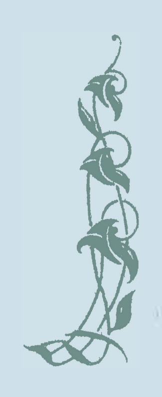

* * *

Лишь тот велик, кто верит в мощь свою,
В величии простив ошибки слабых.
До жабы есть ли дело соловью?
Что злость людей, когда поэт не раб их?

Я гению венок из роз совью
И закреплю надежными узлами.
Его душой всю землю напою
И небеса затку его мечтами!

Июль
Мыза Ивановка

* * *

Под осень было. Крапал дождь;
Вершины тряс еловый ветер;
День засыпал — и чахл, и тощ;
В лесу я ночью Тайну встретил.

Она спала вблизи костра;
Я стал будить, ее не видя...
Зачем припомнилась сестра
В гробу на черной панихиде?..

Я отошел в ночную глубь,
Воспоминанием ужален.
Шептало сердце: «Приголубь».
Но ум был строг и опечален.

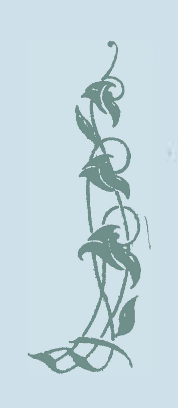
Апрель

ПАМЯТИ О. Н. ЧЮМИНОЙ

Откройтесь, тихие, откройтесь, райские
    Врата лазурные.
Украсьтесь, ангелы, в гирлянды майские,
    В цветы пурпурные!
Встречайте ласково в Эдем грядущую
    От жизни тягостной.
И пойте встречу ей, покой дающую
    В лазури радостной!
Уснула добрая душа, свободная,
    Уснула чистая...
Рыдай, душа моя! Гуди, отходная!
    Живи, Лучистая!..

28 августа

ЗА ЧАЕМ ПОСЛЕ ОПЕРЫ

«Он лучший изо всех моих Хозэ»,—
Прощебетала пылкая Ирина,
Изящно выпив ломтик мандарина.
Пел самовар. Отрезав сыр в слезе
И разорвавши розанчик, старушка
Прошамкала: «Ты, детушка, права;
В нем жизнь кипит и бьется за права».
«Бессмертие,— Ирэн мечтала.— Душка!..»

А знаете ли, милые mesdames,
(Ах, господа, мы многого не знаем!)
Что тенор, так понравившийся вам,
Уж не артист, а— кости под трамваем?..

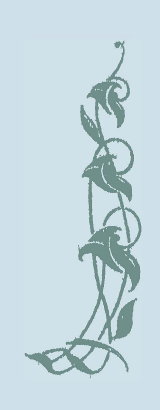
Октябрь

ТРИОЛЕТ

Чувство крылатое властно лишь миг,
Мысль вдохновенная — век.
Что головою поник?
Чувство порывное властно лишь миг.
О, поспеши, человек,
Мысль полюбить, если ты не привык!..
Чувство любовное властно лишь миг,
Мысль вдохновенная — век!

Март

«ПРОХОЖЕЙ»

Дитя мое, дитя! давно расстались мы...
Давно! но, как вчера, близка ты и любима.
Зайди ко мне, вернись в студеный день зимы,
Ушедшая весной. Но ты проходишь мимо.

О, мог ли думать я, что так тебя люблю!
Ведь встреча наша мне казалася игрою...
Приди, любившая, любившая! молю!
Ушла любовницей,— вернись сестрою!

Март

«ИГОРЬ И ЯРОСЛАВНА»

То было, может быть, давно,
А может быть, совсем недавно.
Ты, опираясь на окно,
Ждала меня, как Ярославна.

А я, как Игорь, что в полон
Был взят ордою половецкой,
Томился, звал, и Аполлон
Манил меня улыбкой детской.

Не мог препятствия кандал
Я сбросить пылу чувств в угоду,
И я страдал, и я рыдал,
Моля судьбу вернуть свободу.

Мне улыбнулся как-то день,
И я бежал к тебе бесславно.
Ты шла по саду, точно тень,
Грустна, верна, как Ярославна.

Была задумчивая ночь
Погружена в свои загадки...
Ты шла спокойно, без оглядки,
Я — за тобой, но вскоре — прочь:

Раз не почувствовала ты
Своей душой, чутьем прихода
Того, кто близок,— что́ мечты!
Что́ упоенье! Что́ свобо́да!

И я ушел... В душе темно...
А ты все ждешь, как Ярославна...
То было, может быть, давно,
Но может быть, совсем недавно.

Январь

* * *

Где грацией блещут гондолы,
Лавируя гладью лагун;
Где знойно стрекочут мандолы;
Где каждый возлюбленный — лгун;
Где страсть беззаботна, как люди;
А люди свободны, как страсть;
Где гении столько прелюдий
Напели потомству; где пасть
Умеют победно и славно;
Где скрашена бедность огнем;
Где чувствуют смело,— недавно
Я думал о крае таком...

Июнь

В АЛЬБОМ ИЗАБЕЛЛЕ ГРИНЕВСКОЙ

МАДРИГАЛ-ТРИОЛЕТ

Среди созвездья поэтесс
Вы многих-многих звезд светлее.
Среди Парнаса виконтесс —
Одна из первых поэтесс!
Поете Вы — и жизнь алее,
Чем розы гаснущих небес...
Среди созвездья поэтесс
Вы многих ярких звезд светлее.

Сентябрь

ТУРЕЦКОЕ РОМАНСЕРО

Во дворце Ильдиз-Киоске,
В экзотическом гареме,
Жены рвут свои прически,
Позабыв о томной дреме.

Мудрено ли? вот обида!
(Их понять вы не хотите ль?)
Увезут Абдул-Гамида,
А ведь он их повелитель.

Поневоле игры в жмурки
Начались у женских взоров...
(Разорились младотурки
Над устройкою «терроров»).

И, пожалуй, продадут их
Ни за грош с аукциона...
И в гареме лиц надутых —
Сколько капель с небосклона.

Лишь десяток одалисок
Был догадливее прочих
И представил точный список
Всех, до горестей охочих...

Повели Гамид-Абдула
В заточение со свитой!
Снова женщина обдула
План мужчины, плохо свитый:

У опального султана
И почет, и свита женщин.
Снова он властитель *стана*,
Хоть унижен и развенчан.

Весна
Петербург

ШАРЛЬ БОДЛЭР

1. ВЕЧЕРНЯЯ ГАРМОНИЯ

Voici venir les temps où vibrant sur sa Tige...

В урочный час, склонясь на стебельке,
Как искра, гаснет к вечеру цветок.
Ароматы и звуки порхают в тоске,
Грустный вальс упоительной негой потёк.

Как искра, гаснет к вечеру цветок.
Как сердце, скрипка бьется и поет.
Грустный вальс упоительной негой потёк,
Небо грустью красиво, как тишь без забот.

Как сердце, скрипка бьется и поет.
О, сердце, пустоты суровой враг!
Небо грустью красиво, как тишь без забот,
Солнце тонет в крови, заалевшей, как мак.

О, сердце, пустоты суровой враг!
Оно зажгло лампады дней былых...
Солнце тонет в крови, запылавшей, как мак,
А мечта о тебе — вся в лучах золотых!

Июнь
Мыза Ивановка

2. ПОРТРЕТ

La Maladie et la Mort font des cedres...

И вот болезнь и смерть оставят пепел
Изо всего, что нам с тобой пылало:
Из этих глаз, где я любовь терéбил,
Из губок тех, где сердце утопало;

Из поцелуев, властных, как пророки,
Из упоений, юных, как лучи.
Всё, всё возьмут! Душа, мы — одиноки!
И скажут мне злодеи: «Получи

На память в трех карандашах рисунок...»
Тускнеет их рисунок о былом,
И время трет его своим крылом...

Но памяти и сердца чутких струнок
Тебе не рвать, прекрасного палач:
Оно во мне, как отзвук дней удач!

19 июня
Мыза Ивановка

3. ЗАКАТ

Заходит солнце. В тусклом свете
Танцует, страждет без причины
Жизнь, беззаботная, как дети,
Как сновиденья без кручины.

И ночь-безумка стелет сети,
Все утоляя, даже голод,
И над стыдом заносит молот...
Блажен поэт в минуты эти!

Ждут тишины и ум, и нервы;
Видений мрачных в сердце много...
Пусть успокоится тревога!

Пойду-ка лягу, в грезах первый,
И заберусь мечтать под полог.
О, тьма, начни же свой монолог!

27 июня
Мыза Ивановка

4. КОШЕЧКА

Кис-кис на грудь мою, хорошенькая кошечка,
Спрячь, друг мой, коготки — и скок ко мне на грудь!
И в глаз твоих стальных, агатовых окошечко,
В окно чудесных глаз, дай, кисынька, взглянуть.

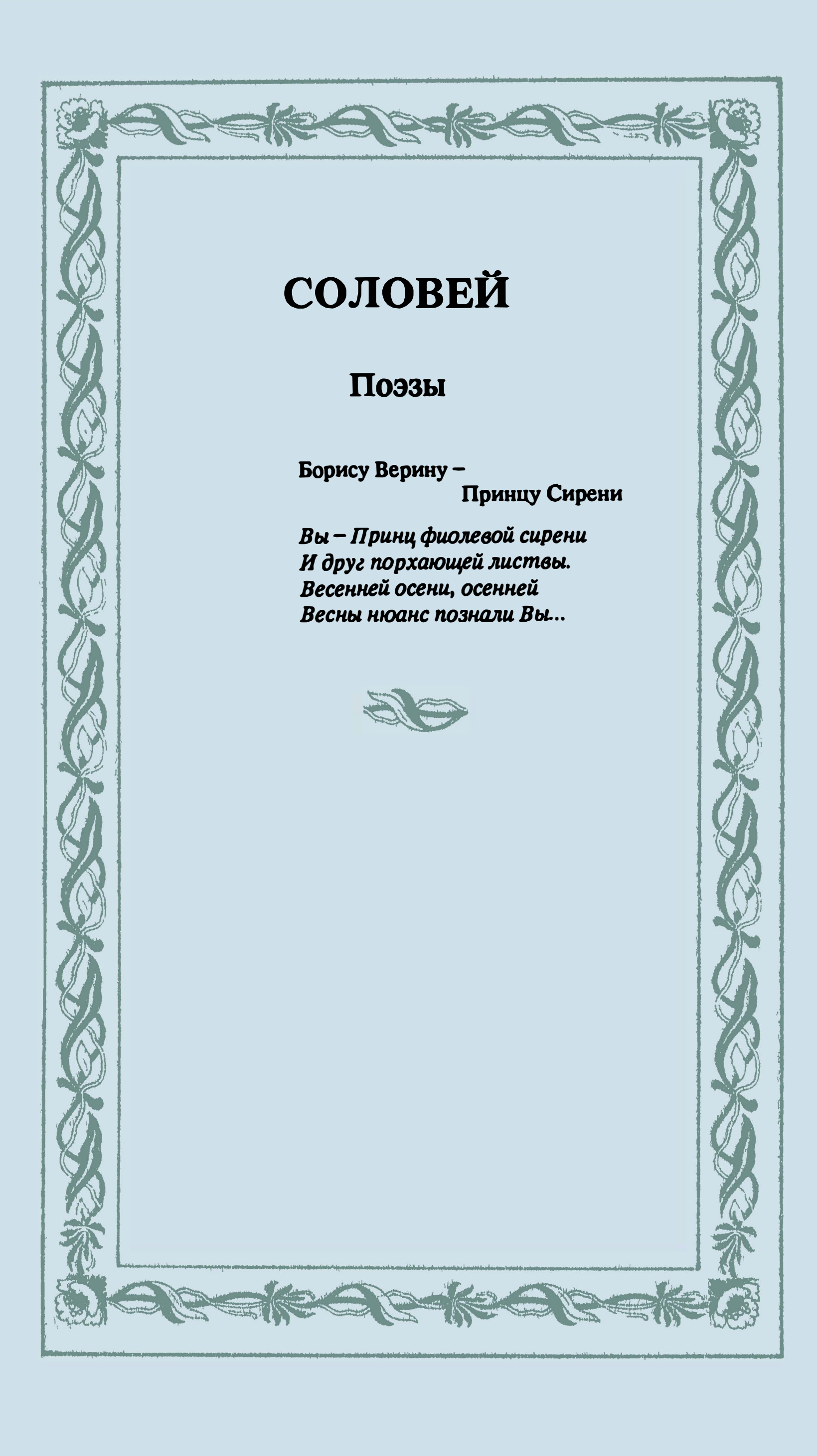
Когда тебе треплю я шерсть, дружа с забавою,
И электричество я чувствую рукой,
Мне вспомнить хочется жену мою лукавую:
О, ласковый зверек, взгляд глаз ее — как твой!

И так же он глубок, и холоден, и резок,
И так же он пушист, и тает, точно воск,
О, этот страстный взгляд, опасный ароматами!..

Он ярок, как светила пламенный обрезок,
И с головы до ног блистающий, как лоск,
Витает он вкруг тел, всесильный в каждом атоме...

23 июня
Мыза Ивановка

СОЛОВЕЙ

Поэзы

Борису Верину –
Принцу Сирени

Вы – Принц фиолевой сирени
И друг порхающей листвы.
Весенней осени, осенней
Весны нюанс познали Вы...

ИНТРОДУКЦИЯ

Я — соловей: я без тенденций
И без особой глубины...
Но будь то старцы иль младенцы,—
Поймут меня, певца весны.

Я — соловей, я — сероптичка,
Но песня радужна моя.
Есть у меня одна привычка:
Влечь всех в нездешние края.

Я — соловей! на что мне критик
Со всей небожностью своей? —
Ищи, свинья, услад в корыте,
А не в руладах из ветвей!

Я — соловей, и, кроме песен,
Нет пользы от меня иной.
Я так бессмысленно чудесен,
Что Смысл склонился предо мной!

Тойла. III

Эти импровизации в ямбах выполнены в 1918 г., за исключениями, особо отмеченными, в Петербурге и Тойле.

ЭСТ-ТОЙЛА

За двести верст от Петрограда,
От станции в семи верстах,
Тебе душа поэта рада,
Селенье в ёловых лесах!

Там блекнут северные зори,
Чьи тоны близки к жемчугам,
И ласково подходит море
К головокружным берегам.

Как обольстительное пойло,—
Колдуйный нектар морефей,—
Влечет к себе меня Эст-Тойла
Волнами моря и ветвей.

Привет вам, шпроты и лососи,
И ракушки, и голоса,
Звучащие мне на откосе,—
Вы, милые мои леса!

Давно я местность эту знаю,
Ее я вижу часто в снах...
О сердце! к солнцу! к морю! к маю!
К Эст-Тойле в ёловых лесах!

Тойла. I,7

ОПЯТЬ ВДАЛИ

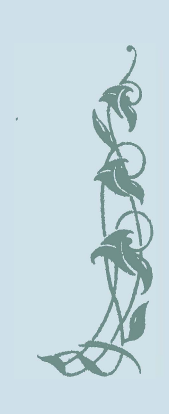
И вот опять вдали Эст-Тойла
С лазурью волн, с ажурью пен.
Конь до весны поставлен в стойло,—
Я снова взят столицей в плен.

Я негодую, протестую,
Но внемля хлебному куску,
Я оставляю жизнь простую,
Вхожу в столичную тоску.

О, как мучительно, как тонко
Моя душа оскорблена!..
...Проходит тихая эстонка,
В чьих косах — рожь, лён и луна.

Идет,— Альвина или Лейла,—
Береговою крутизной.
Идет века. Прости, Эст-Тойла,
И жди меня во влажный зной!

Петроград. I,9

АХ, ЕСТЬ ЛИ КРАЙ?..

Ах, есть ли край? ах, края нет ли,
Где мудро движется соха,
Где любит бурю в море бретлинг
И льнет к орешнику ольха?

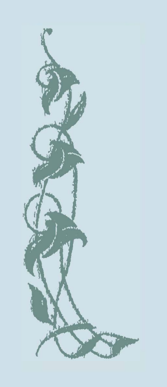
Где в каждом доме пианино
И Лист, и Брамс, и Григ, и Бах?
Где хлебом вскормлена малина
И привкус волн морских в грибах?

Где каждый труженик-крестьянин
Выписывает *свой* журнал
И, зная ширь морских скитаний,
Порочной шири ввек не знал?

Где что ни местность — то кургауз,
Спектакли, тэннис и оркестр?
Где, как голубка, девствен парус,—
Как парус, облик бел невест?

Ах, нет ли края? край тот есть ли?
И если есть, то что за край?
Уж не Эстляндия ль, где, если
Пожить, поверить можно в рай?..

Петроград. I

НА ЛЫЖАХ

К востоку, вправо, к Удреасу,
И влево — в Мартс и в Изенгоф,
Одетый в солнце, как в кирасу,
Люблю на лыжах скользь шагов.

Колеса палок, упираясь
В голубо-блесткий мартный наст,
Дают разгон и — черный аист —
Скольжу, в движеньях лыжных част.

О, лыжный спорт! я воспою ли
Твою всю удаль, страсть и воль?
Мне в марте знойно, как в июле!
Лист чуется сквозь веток голь!

И бодро двигая боками,
Снег лыжей хлопаю плашмя,
И все машу, машу руками,
Как будто крыльями двумя!..

Петроград. I

В РЕВЕЛЬ

Упорно грезится мне Ревель
И старый парк Катеринталь.
Как паж влюбленный королеве
Цветы, несу им строфосталь.

Влекут готические зданья,
Их шпили острые,— иглой,—
Полуистлевшие преданья,
Останки красоты былой.

И лабиринты узких улиц,
И вид на море из домов,
И вкус холодных, скользких устриц,
И мудрость северных умов.

Как паж влюбленный к королеве,
Лечу в удачливый четверг
В зовущий Ревель — за Иеве,
За Изенгоф, за Везенберг!

Петроград. I

ЛЕЙТЕНАНТ С.

Вы не слыхали про поэта,
Поэта лейтенанта С.?
В нем много теплоты и света
И море милое, и лес.

Он сын Случевского. По крови
И духу сын... В лазори строк —
Он белый голубь. На Нарове
Его именье «Уголок».

Не подходите, как к Синаю,
К нему, а просто, как к стеблю...
Пятнадцать лет его я знаю
И ласково его люблю.

Люблю я грусть элегий «С моря»,
Посланий молодой жене,
В которых он, природе вторя,
Так родственен, так близок мне.

Он чистотой доступен детям,
И нежно я его пою.
Поэт погиб на тридцать третьем
В Цусимском горестном бою.

Сосед Эстляндии волшебной,
Воспевший Гогланд, край чудес,
Тебе мой поздний гимн хвалебный,
Мне — книга лейтенанта С. ...

Петроград. I

У СОЛОГУБА

Жил Сологуб на даче Мэгар,
Любимый, старый Сологуб,
В ком скрыта магия и нега,
Кто ядовит и нежно-груб...

Так в Тойле прожил он два лета
На крайней даче, у полей
И кладбища, и было это
Житье мне многого милей.

Из Веймарна к нему приехать
Мне нравилось в рассветный час,
Когда, казалось мне, утеха
Искать в траве росы алмаз.

Я шел со станции, читая
Себе стихи, сквозь холодок.
Душа пылала молодая,
И простудиться я не мог.

Я приходил, когда все спали
Еще на даче, и в саду
Бродил до полдня, и в опале
Тумана нюхал резеду...

Петроград. I

ПРЕЖДЕ И ТЕПЕРЬ

А вечерами матиола
Нас опьяняла, как вино,
И строфам с легкостью Эола
Кружиться было суждено.

Ночами мы пикниковали,
Ловили раков при костре,
Крюшон тянули, и едва ли
В постель ложились на заре...

Второе лето на курорте
И я с ним вместе проводил.
То были дни, когда о торте
И сам кондитер не грустил...

Когда проехаться в вагоне
Еще ребенок рисковал,
Когда Herr Брюкман в пансионе
Вино открыто продавал...

День стоил не бумажек тридцать,
А три серебряных рубля,
Что могут ныне появиться
Лишь разве в замке короля!..

Петроград. I

ЦАРИЦА РУССКОГО СТИХА

Поэма Лохвицкой «У моря»,
Где обрисован Петергоф,
Мне грезы красочно узоря,
Волшбит меня ажуром строф.

И Миррой Балтика воспета,
Царицей русского стиха,
Признавшей тьму во имя света
И добродетель для греха!..

Бывала ли она в Иеве?
Ходила ль в сосны на обрыв?
И пел ли ей, как королеве,
О светлом Эрике залив?

Он славил ли ее, как Ингрид,
Как королеву королев?
С тех пор, как склеп для Мирры вырыт,
Он заскорбел ли, поседев?

Не знаю я. Никто не знает.
То тайна Мирры и волны.
Но взор увидеть ожидает
Ее в сиянии луны.

Она мертва? Она воскреснет!
Она не может не ожить!
Она споет такие песни,
Что перестанет мир тужить!

Петроград. I

ДВА ОСТРОВА

За постом Мартсом, в острых соснах,
Над морем высится обрыв
Для грезящих и безвопросных
В житейской прозе,— тех, кто жив!

Оттуда (там меня не троньте:
Мне дрязги ваши не нужны!)
Два острова на горизонте
В погоду ясную видны.

Пою обрыв, который вогнут
По направленью к ним дугой.
Один из них зовется Гогланд
И Белым — маленький, другой.

Их контуры маняще-четки,
Влекущи обликом своим.
Лелею мысль: в моторной лодке
Когда-нибудь поехать с ним.

Готовь судно, Василий Крохов,
Ты, обэстоненный рыбак!
А чтобы не было плыть плохо,
Возьмем и водку, и табак!

Петроград. I

НАРВА

Я грежу Нарвой, милой Нарвой,
Я грежу крепостью ее,
Я грежу Нарвой,— тихой, старой,—
В ней что-то яркое, свое.

О город древний! город шведский!
Трудолюбивый и простой!
Пленен твоей улыбкой детской
И бородой твоей седой.

Твой облик дряхлого эстонца
Душе поэта странно мил.
И твоего, о Нарва, солнца
Никто на свете не затмил!

Твоя стремглавная Нарова
Галопом скачет в Гунгербург.
Косится на тебя сурово
Завидующий Петербург.

Как не воспеть твою мне честность
И граждан дружную семью,
И славную твою известность,
И... проституцию твою?

Она, как белая голубка,
Легка, бездумна и чиста!
О, добрый взгляд! О, лисья шубка!
О, некрасивых красота!

Петроград. I

ЮРЬЕВ

Где Эмбах, берег свой понурив,
Течет лифляндскою землей,
Как центр культурный, вырос Юрьев,
Такой радушный и живой.

Он, переназванный из Дерпта,
Немецкий дух не угасил.
В моих стихах найдется лепта
И Юрьеву, по мере сил.

О ты, столетняя крапива,
Нам расскажи про прежний пир,
Про вкус студенческого пива,
Про лязг студенческих рапир;

Нам расскажи о глазках Гретхен,
Сентиментально-голубой,
И о беседке в парке ветхой,
О featherкознях, деянных тобой...

О романтической эпохе,
О рыцарстве былых времен,
Как упоенны были вздохи,
И как безоблачен был сон!..

Петроград. I

ПОЛОВЦОВА-ЕМЦОВА

Я помню вечер, весь свинцовый,
В лучах закатного огня,
И пальцы грезящей Емцовой,
Учившей Скрябину меня.

Играла долго пианистка,
И за этюдом плыл этюд.
А я склонился низко-низко,
И вне себя, и вне минут.

Так властно душу разубрала
Неизъяснимая печаль...
А после Вагнера играла
И пели пальцы, пел рояль.

Да, пело сердце, пели пальцы
Ее, умеющие петь.
И грезы, вечные скитальцы,
Хотели, мнилось, умереть.

Деревня тихо засыпала.
Всходило солнце из волны.
Мне в душу глубоко запала
Игра в ночь белую весны.

Петроград. I

ЕВГЕНИЮ ПУНИ

Ты помнишь, мне любезный Пуни,
Как ты приехал раз ко мне,
И долго мы с тобой в июне
В полях бродили при луне?

У моря грезили и в парке
Читали новые стихи?
Иль говорили о Петрарке,
Ложась в траву под сень ольхи?

Ты помнишь, милый мой Евгений,
Наш взгляд на женщин и семью?
Что должен жить безбрачно гений
И «за печатями семью»?

И только изредка, налётом,
Врываться в жизнь и, как пчела,
Ее впитав, вернуться к «сотам»
С бесстрастьем лика и чела?

Не раз захватывали страсти
Меня с тех пор, и наш проект
Отчасти выполнен, отчасти...
Но мысль и дело — разных сект!..

Петроград. I

К АЛЬВИНЕ

Не удивляйся ничему...
К. Фофанов

Соседка, девочка Альвина,
Приносит утром молоко
И удивляется, что вина
Я пью так весело-легко.

Еще бы! — тридцать пять бутылок
Я выпил, много, в десять дней!
Мне позволяет мой затылок
Пить зачастую и сильней...

Послушай, девочка льняная,
Не удивляйся ничему:
Жизнь городская — жизнь больная,
Так что ж беречь ее? к чему?

Так страшно к пошлости прилипнуть,—
Вот это худшая вина.
А если суждено погибнуть,
Так пусть уж лучше от вина!

Петроград. I

ПОЧТАЛЬОН

То по шоссе, для шины колком,
То по тропинке через лен,
То утрамбованным проселком
Велосипедит почтальон.

Он всем знаком. Он старый Перник.
Он служит здесь тридцатый год.
Письмо от Щепкиной-Куперник
Он мне в окно передает.

Я приглашаю на террасу
Его, усталого, зайти,
Чтоб выпить хересу иль квасу
И закусить в его пути.

Он входит очень деликатно
И подвигает стул к столу.
А море благостно-закатно,
Подобно алому стеклу.

Сосредоточенно и ровно
Он пьет токайское вино.
Что пишет мне Татьяна Львовна?
Но впрочем, кажется, темно.

Петроград. I

ЯЛЯ

В вуальной апельсинной шали
Идет в вечерние поля.
Я выхожу навстречу к Яле,
Как в бурю лодка без руля.

Идет насмешливо, но робко.
Так угловато, но легко.
Зигзагами ведет нас тропка,
Ах, близко или далеко?

Я не влюблен в нее нисколько,
Как, впрочем, и она в меня.
Мы лишь слегка флёртуем только —
День изо дня. День изо дня.

Читаются стихи крылато:
Я — ей, и мне в ответ — она.
А небо морем все объято,
Волной захлестнута луна.

Петроград. I

СЛАВА

Мильоны женских поцелуев —
Ничто пред почестью богам:
И целовал мне руку Клюев,
И падал Фофанов к ногам!

Мне *первым* написал Валерий,
Спросив, как нравится мне он;
И Гумилев стоял у двери,
Заманивая в «Аполлон».

Тринадцать книг страниц по триста
Газетных вырезок — мой путь.
Я принимал, смотря лучисто,
Хвалу и брань — людишек муть.

Корректен и высокомерен,
Всегда в Неясную влюблен,
В своем призвании уверен,
Я видел жизнь, как чудный сон.

Я знаю гром рукоплесканий
Десятков русских городов,
И упоение исканий,
И торжество моих стихов!

Петроград. I

ЕЛИЗАВЕТИНО КИКЕРИНО

Елисаветино! Налево,
От станции в одной версте,
Тоскует дылицкая дева,
По-своему, о красоте...

Дыша Оранской Изабеллой,
Вступаю в лиственный покой.
Молчит дворец меж сосен белый
И парк княгини Трубецкой.

За Дылицами — Вераланцы.
За Пятигорьем — Озера́.
Какие девичьи румянцы!
Жасминовые вечера!

Через Холоповицы прямо
Я прохожу к монастырю
И, на колени встав у храма,
Пою вечернюю зарю.

В моем порыве — глубь бездонья!
Я растворяюсь в тишине
И возвращаюсь чрез Арбонье
При новоявленной луне.

Петроград. I

ВЕЙМАРН

Под Веймарном течет Азовка,—
Совсем куриный ручеек.
За нею вскоре остановка.
Там встретит кучер-старичок.

Моей душе, душе вселенской,
Знаком язык цветов и звезд.
Я еду к мызе Оболенской,—
Не больше трех шоссейных верст.

Вдали Большая Пустомержа.
Несется лошадь по росе.
Того и ждешь: вот выбьет стержень:
Ведь спицы слиты в колесе!

Проехан мост. Немного в горку,
И круто влево. Вот и двор.
Княгиня приоткрыла шторку.
И лай собак, и разговор.

Плывет туман от нижней Тормы,
Вуаля бледную звезду.
Зеленые в деревьях штормы,
И пахнут яблони в саду.

Петроград. I

АФОРИЗМЫ УАЙЛЬДА

Мы слышим в ветре голос скальда,
Рыдающего вдалеке,
И афоризмы из Уайльда
Читаем, сидя на песке.

Мы, углубляясь в мысль эстета,
Не презираем, а скорбим
О том, что Храм Мечты Поэта
Людьми кощунственно дробим...

Нам море кажется не морем,
А в скорби слитыми людьми...
Мы их спасем и олазорим,—
Возможность этого пойми!

Вотще! В огне своих страданий,
В кипеньи низменной крови,
Они не ищут оправданий
И не нуждаются в любви!

Петроград. I

АССОЦИАЦИЯ

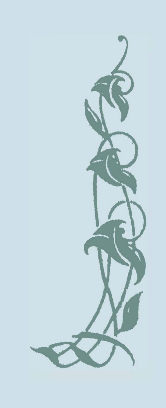
Мелькнула сине пелеринка
На крэме платья — за углом...
О Синей Птице Метерлинка
Вдруг в мыслях выражен излом.

Ассоциация символик,
Как ты захватна иногда!
По смеху узнаю я полек,—
По солнцу таяние льда.

Не женщиной ли морефея
Прикинулась, или жена
Какого-либо Тимофея
В костюмы фей наряжена?!

И в первом случае — за птицей,
За Синей Птицей возгореть!
А во втором — за той «синицей»
Не стоит даже и смотреть.

Петроград. I

БЫЛОЕ

Он длится, терпкий сон былого:
Я вижу каждую деталь,
Незначущее слышу слово,
К сну чуток, как к руке — рояль.

Мила малейшая мне мелочь,
Как ни была б она мала.
Не Дельвигу ли Филомела,
Чуть ощутимая, мила?

Люба не Пушкину ли няня?
И не Мюссэ ль — перо Жорж Занд?
Не маргаритка ли — поляне?
И не горошку ль — столб веранд?

Всё незначительное нужно,
Чтобы значительному быть.
Былое так головокружно!
Былого не могу забыть!

Петроград. I

ЛЕЙТМОТИВЫ

Всегда мечтательно настроен,
Я жизнь мечтаньям предаю.
Я не делец. Не франт. Не воин.
Я лишь пою-пою-пою!

На что мне царства и порфиры?
На что мне та иль эта роль?
За струнной изгородью лиры —
Наикорольнейший король!

На что мне ваших мыслей холод
И политический раздор?
Весенний день горяч и золот,—
И у меня весенний взор!

Благословенны будьте, травы
И воды в зелени оправ!
Виновных нет: все люди правы,
Но больше всех — простивший прав!

Петроград. I

КОЛЯСКА

Четырехместная коляска
(Полурыдван-полуковчег...)
Катилась по дороге тряско,
Везя пять взрослых человек.

Две очень молодые дамы
И двое дэнди были в ней.
Был пятым кучер. Этот самый
Стегал ленивых лошадей.

Июльский полдень был так душен,
Кружились злобно овода,
Наряд прелестниц был воздушен.
Сердца же — точно невода.

Их лица заливала краска,—
От страсти или от жары?..
— Вам не встречалась та коляска,
Скажите, будьте так добры?

Петроград. I

СТЭЛЛА

Баронессе С. Р. М. — ф

Сначала баронесса Стэлла
Прочла «Вы лжете мне, мечты!»
Потом из Грига мне пропела
Во имя *только* Красоты!

О, воплощенная Вервэна!
Античной пластики полна,
Прияла позы под Шопэна
Так отчеканенно она.

Апологетка поз Далькроза,
В окаменелости живой,
То пламенела грозороза,
То поникала головой...

... А я, в Калифа превращенный,
В халате пестром и чалме,
Сидел и, ею опаленный,
Крылил к ней руки в полутьме...

К Калифу руки простирая,
Заглядывала мне в глаза,—
И вновь кружилась, ускользая,
Вся — страсть! вся — трепет! вся — гроза!

А то, ко мне склоняясь близко
И наслаждения суля,
Утонченная одалиска
Отпрядывала, опаля...

В глазах — узор чаруйной боли,
В груди — брожение огней...
А если б вышел я из роли
И женщину увидел в ней?!

Петроград. I

ФЕВРАЛЬ

Февраль к Апрелю льнет фривольно,
Как фаворитка к королю.
Апрель, смеясь самодовольно,
Щекочет нервы Февралю.

Ночами снежно-голубыми
Мечтает палевый Февраль,
Твердя Весны святое имя,
О соловье, влекущем вдаль...

Дымящиеся малахиты
(Не море ль в теплом феврале?)
Сокрыв прибрежные ракиты,
Ползут и тают в белой мгле.

Снег оседает. Оседая,
Он бриллиантово блестит.
И на него сосна седая
Самоуверенно глядит.

Осядет снег — седые кудри
Смахнет бессмертная сосна.
Я слышу дрожь в февральском утре:
О, это вздрогнула весна!

Тойла. 5.II

ВЫСШАЯ МУДРОСТЬ

Петру Ларионову

Я испытал все испытанья.
Я все познания познал.
Я изжелал свои желанья.
Я молодость отмолодал.

Давно все найдены, и снова
Потеряны мои пути...
Одна отныне есть основа:
Простить и умолять: «Прости».

Жизнь и отрадна, и страданна,
И всю ее принять сумей.
Мечта свята. Мысль окаянна.
Без мысли жизнь всегда живей.

Не разрешай проблем вселенной,
Не зная существа проблем.
Впивай душою вдохновенной
Святую музыку поэм.

Внемли страстям! природе! винам!
Устраивай бездумный пир!
И славь на языке орлином
Тебе — на время данный! — мир!

Тойла. II

ЯМБУРГ

Всегда-то грязный и циничный,
Солдатский, пьяный, площадной,
С культурным краем пограничный,
Ты мрешь над лужскою волной.

И не грустя о шелке луга,
Услады плуга не познав,
Ты, для кого зеркалит Луга,
Глядишься в мутный блеск канав.

Десяток стоп живого ямба,
Ругательных и злых хотя б,
Великодушно брошу, Ямбург,
Тебе, растяпа из растяп!

Тебя, кто завтра по этапу
Меня в Эстляндию пошлет,
Бью по плечу, трясу за лапу...
Ползучий! ты мне дал полет!

Ямбург. 9.III

ПО ЭТАПУ

Мы шли по Нарве под конвоем,
Два дня под арестом пробыв.
Неслась Нарова с диким воем,
Бег ото льда освободив.

В вагоне запертом товарном,—
Чрез Везенберг и через Тапс,—
В каком-то забытьи кошмарном,
Все время слушали про «шнапс».

Мы коченели. Мерзли ноги.
Нас было до́ ста человек.
Что за ужасные дороги
В не менее ужасный век!

Прощайте, русские уловки:
Въезжаем в чуждую страну...
Бежать нельзя: вокруг винтовки.
Мир заключен, но мы в плену.

Ревель. 14.III

В ХВОЙНОЙ ОБИТЕЛИ

И снова в хвойную обитель
Я возвращаюсь из Москвы,
Где вы меня не оскорбите
И не измучаете вы.

Вы, кто завистлив и бездарен,
Кто подло-льстив и мелко-зол.
Да, гений мудр и светозарен,
Среди бескрылых — он орел.

Как сердцу нестерпимо грустно
Сознаться в ёловой тени,
Что мало любящих искусство,
Но тем ценней зато они.

Среди бездушных и убогих,
Непосвященных в Красоту,
Отрадно встретить их, немногих,
Кого признательно я чту.

Вы, изнуренные в тяжелых
Условьях жизни городской,
Ко мне придите: край мой ёлов,
В нем — Красота, а в ней — покой.

Тойла. 23.III

РЕСКРИПТ КОРОЛЯ

Отныне плащ мой фиолетов,
Берета бархат в серебре:
Я избран королем поэтов
На зависть нудной мошкаре.

Меня не любят корифеи —
Им неудобен мой талант:
Им изменили лесофеи
И больше не плетут гирлянд.

Лишь мне восторг и поклоненье
И славы пряный фимиам,
Моим — любовь и песнопенья! —
Недосягаемым стихам.

Я так велик и так уверен
В себе, настолько убежден,
Что всех прощу и каждой вере
Отдам почтительный поклон.

В душе — порывистых приветов
Неисчислимое число.
Я избран королем поэтов —
Да будет подданным светло!

ДВУСМЫСЛЕННАЯ СЛАВА

Моя двусмысленная слава
Двусмысленна не потому,
Что я превознесен неправо,—
Не по таланту своему,—

А потому, что явный вызов
Условностям — в моих стихах
И ряд изысканных сюрпризов
В капризничающих словах.

Во мне выискивали пошлость,
Из виду упустив одно:
Ведь кто живописует площадь,
Тот пишет кистью площадной.

Бранили за смешенье стилей,
Хотя в смешенье-то и стиль!
Чем, чем меня не угостили!
Каких мне не дали «pastilles»! *

Неразрешимые дилеммы
Я разрешал, презрев молву.
Мои двусмысленные темы —
Двусмысленны по существу.

Пускай критический каноник
Меня не тянет в свой закон,—
Ведь я лирической ироник:
Ирония — вот мой канон.

* Пилюли (*фр.*).

ЛЮБИТЕЛИ «ГЕЛИОТРОПА»

«Приказчик или парикмахер,
Еще вернее: maître d'hotel» —
Так в кретиническом размахе
Рычала критика досель.

За что? — за тонкое гурманство?
За страсть к утонченным духам?
За строф нарядное убранство?
Из зависти к моим стихам?

Но кто ж они, все эти судьи —
Холопы или мудрецы?
Искусством бились ли их груди?
Впускали ль их в себя дворцы?

И знают ли они, что значит
Лиловый crème des violettes?
Постигнут ли, как обозначит
Свои рефрэны триолет?

Поймут ли, что гелиотропа
Острей «Crigoria» Риго,
Что, кроме Тулы, есть Европа
И, кроме «русской», есть Танго?..

ВСЕПРИЕМЛЕМОСТЬ

Одно — сказать: «Все люди правы».
Иное — оправдать разбой.
Одно — искать позорной славы.
Иное — славы голубой.

Холопом называть профана
Не значит: брата — «мужиком».
Я, слившийся с природой рано,
С таким наречьем незнаком...

Любя культурные изыски
Не меньше истых горожан,
Люблю все шорохи, все писки
Весенних лесовых полян.

Любя эксцессные ликеры
И разбираясь в них легко,
Люблю зеленые просторы,
Дающие мне молоко.

Я выпью жизнь из полной чаши,
Пока не скажет смерть: «пора!»
Сегодня — гречневая каша,
А завтра — свежая икра!..

ЭПИЗОД

На «Сказках Гофмана», зимою,
Я был невольно потрясен
И больно уязвлен толпою,
Нарушившей чаруйный сон:

Когда в конце второго акта
Злодей Олимпию разбил,
Олимпию,— как символ такта,—
Чью душу Гофман полюбил,

И Гофман закричал от муки
(Ведь он мечту свою терял!) —
Нежданные метнулись звуки:
Вульгарно зал захохотал!..

Я побледнел. Мне больно стало
И стыдно, стыдно за толпу:
Она над драмой хохотала,
Как над каким-то «ки-ка-пу»...

И я не знал, куда мне деться
От острой боли и стыда,
И погрузился в интермеццо
Пред пятым актом — навсегда.

«КАРМЕН»

Кармен! какая в ней бравада!
Вулкан оркестра! Луч во тьме!
О, Гвадиана! О, Гренада!
О, Жорж Бизэ! О, Меримэ!

Кокетливая хабанера,
И пламя пляски на столе,
Навахи, тальмы и сомбреро,
И Аликант в цветном стекле!..

Застенчивая Микаэла
И бесшабашный Дон-Хозэ...
О ты, певучая новелла!
О Меримэ! О, Жорж Бизэ!

И он, бравурный Эскамильо,
Восторженный торреадор;
И ты, гитанная Севилья,
И контрабанда в сердце гор...

Кармен! И вот — Медея Фигнер,
И Зигрид Арнольдсон, и Гай...
Пускай навеки май их сгинул,—
Но он ведь был, их звучный май!

Пусть время тленно, и сквозь сито
Его просеяны лета,—
Она бессмертна, Карменсита,
И несказанно золота!

ДЮМА И ВЕРДИ

Дюма и Верди воедино
Слились, как два родных ручья.
Блистает солнце. Тает льдина.
Чья драма? музыка к ней чья?

Она дороже амулета
И для души, и для ума.
О, Маргарита — Виолетта,
В тебе и Верди, и Дюма!

Душа элегией объята,
В ней музыкальное саше:
То вкрадчивая Травиата,
Прильнувшая к моей душе.

Элементарна? Устарела?
Сладка? опошлена? бледна?
Но раз душа на ней горела,
Она душе моей родна!

Наивны сморщенные книги
Прадедушек, но аромат,
Как бы ни спорил Каратыгин,
Неподражаемый хранят.

Он, кстати, как-то в разговоре,
Пусть — полном едкого ума,
Поверг меня в большое горе,
Назвав «водицею»... Тома!

АМБРУАЗ ТОМА

Тома, который... Что иное
Сказать о нем, как не — Тома!..
Кто онебесил все земное
И кто — поэзия сама!

Тома — «водица»!.. Как хотите,
Подсуден даже модернист,
Сказавший,— вы меня простите,—
Что композитор... «водянист»!..

Тома, озвучивший Миньону,
Созданье Гетевской мечты,
Кому весь мир воздал корону
За звуки чистой красоты!

Каким же нужно быть чурбаном,
Бездушным, черствым и сухим,
И непробивным барабаном,
И просто гадким и плохим,

Чтобы назвать «Миньону» «нотным
Кваском», ее не ощутив
И не поняв, о чем поет нам
За лейтмотивом лейтмотив!

О ЧЕМ ПОЕТ?

О чем поет? поет о боли
Больного старика-отца,
Поет о яркой жажде воли,
О солнце юного лица.

О чем поет? о крае смутном,
Утерянном в былые дни,
О сне прекрасном и минутном,
О апельсиновой тени...

О чем поет? о вероломстве
Филины, хрупкой как газель,
О нежном с Мейстером знакомстве,
О хмеле сладостном недель...

О чем поет мотив крылатый,
Огнем бегущий по крови?
О страстной ревности Сператы,
О торжестве ее любви!

О чем поет? о многом, многом,
Нам близком, нужном и родном,
О легкомысленном и строгом,
Но вечно юном и живом!

ОБЗОР

В тебя, о тема роковая,
Душа поэта влюблена:
Уже глава сороковая
Любовно мной закруглена.

Я, перечитывая главы,
Невольно ими изумлен:
Они стрекозны и лукавы,
И шолковисты, точно лен.

Какая легкость и ажурность,
И соловейность, и краса!
И то — помпезная бравурность!
И то — невинная роса!

Чего в них нет! в них пульс культуры
И ассонансовый эксцесс,
И стилевой колоратуры
Страна безра́зумных чудес...

В них взгляд на ценности земные,
Омонумеченный момент,
В них волны моря голубые —
Балтийский аккомпанемент.

СОН В ДЕРЕВНЕ

Грассирующая кокетка,
Гарцующая на коне.
Стеклярусовая эгретка —
На пляже méditerrannée.

Навстречу даме гарцовальщик,
Слегка седеющий виконт,
Спортсмэн, флёртэр и фехтовальщик,
С ума сводящий весь beau-monde...

Она, в горжетке горностая,
В щекочущий вступает флёрт,
И чаек снеговая стая
Презреньем обдает курорт.

Ее зовет король рапирный
Пить с мандаринами крюшон,
И спецный хохоток грассирный
Горжеткой мягко придушён...

ТРАКТОВКА СНА

Фелиссе Крут

Зачем приснилась мне гарцунья
И он, неведомый гарцун?..
Уж это не весна ль — чарунья
Испытывает верность струн?..

Не смутные ли это зовы
Воспрянувшей от сна весны?..
Недаром дали бирюзовы,
Недаром небеса ясны...

Недаром в царстве беззаконий,
В повиновении весне,
Не только пламенные кони,—
Гарцуют всадники — во сне...

Недаром взор настроен зорко,
И возникают в сини гор
Она, неведная гарцорка,
И он, неведомый гарцор...

РЕЧОНКА

Меж Тойлою и Пюхаеги —
Ложбина средь отвесных гор.
Спускаясь круто к ней в телеге,
Невольно поднимаешь взор.

В ложбине маленькая речка,—
В июле вроде ручейка,—
(...О речка, речка — быстротечка!)
Течет... для рачного сачка?!

Уж так мала, уж так никчемна,
Что — для чего и создана?
Но и в нее глядит надземно
Небрезгающая луна...

По ней двухлетняя девчонка
Пройдет, «не замочивши ног»...
Но эта самая речонка
Весной — бушующий поток!

Она внушительна в разливе,
Она слышна за три версты,
Она большой реки бурливей
И рушит крепкие мосты.

Тогда люблю стоять над нею
На сером каменном мосту:
Она бурлит,— я пламенею,
В ней славословя Красоту!

ВАЛЕРИЮ БРЮСОВУ

Нежны berceuse'ные рессоры —
Путь к дорогому «кабаку»,
В нем наша встреча,— после ссоры,—
Меж наших вечеров в Баку.

Я пил с армянским мильонером
Токай, венгерское вино.
В дыму сигар лилово-сером
Сойтись нам было суждено.

Походкой быстрой и скользящей,
Мне улыбаясь, в кабинет
Вошли Вы тот же все блестящий
Стилист, философ и поэт.

И вдохновенно Вам навстречу
Я встал, взволнованный, и вот —
Мы обнялись: для новой речи,
Для новых красок, новых нот!

О, Вы меня не осудили
За дерзкие мои слова,—
И вновь певцу лесных идиллий
Жизнь драгоценна и нова!

Я извиняюсь перед Вами,
Собрат, за вспыльчивость свою
И мне подвластными стихами
Я Вас по-прежнему пою!

ТЕ, КОГО ТАК МНОГО

От неимения абсента,
От созерцания кобур —
Я раздраженней дез'Эссента
У Гюисманса в «A rebours».

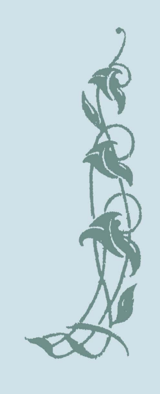
И глаз чужих прикосновенье
На улице или в лесу,—
Без бешенства, без раздраженья,
Без боли — как перенесу?!..

А от «мурлыканья» и «свиста»
Меня бросает в пот и дрожь:
В них ты, ирония, сквозисто
Произрастаешь и цветешь!

Но нет непереносней боли —
Идти дорогой меж домов,
Где на скамейках в матиоле
Немало «дочек» и «сынков»...

Скамейки ставят у калиток,
И дачники садятся в ряд;
Сидят, и с мудростью улиток
О чем-то пошлом говорят.

И «похохатывают» плоско,—
Сам чорт не разберет над чем:
Над тем ли, что скрипит повозка,
Иль над величием поэм!..

ОБОЗЛЕННАЯ ПОЭЗА

В любви не знающий фиаско
(За исключеньем двух-трех раз...)
Я, жизнь кого — сплошная сказка,
От дев не прихожу в экстаз:

Я слишком хорошо их знаю,
Чтоб новых с ними встреч желать,
И больше не провозглашаю
Им юношески: «Исполать»!

Все девы издали прелестны
И поэтичны, и милы,—
Вблизи скучны, неинтересны
И меркантильны, и пошлы.

Одна гоняется за славой,
Какой бы слава ни была;
Другая мнит простой забавой
Все воскрыления орла;

Мечтает третья поудобней
Пристроиться и самкой быть;
Но та всех женщин бесподобней,
Кто хочет явно изменить!

При том не с кем-нибудь достойным,
А просто с первым наглецом —
С «красивеньким», богатым, «знойным»,
С таким картиночным лицом!

МАЛЕНЬКИЕ ПОЯСНЕНИЯ

То не пальнула митральеза,
Не лопнул купол из стекла,—
То «Обозленная поэза»
Такой эффект произвела!

Еще бы! надо ль поясненье?
Поэт «девический» — и что ж? —
Такое вдруг «разуверенье»,
Над девой занесенный «нож»...

Нет, кроме шуток,— «Отчего бы,—
Мне скажут,— странный этот взгляд
С оттенком плохо скрытой злобы?»
И — объясняться повелят.

Охотно, милые синьоры,
Охотно, милые mesdames,
Рассею я все ваши споры,
Вам объяснения я дам!

Мой взгляд на женщин есть не *личность*,
А всеми обобщенный факт:
Не только «*этих* дам публичность»,
Но и «*не этих* дамный такт»...

Есть непонятные влеченья,—
Живой *по-своему* ведь жив...
Бывают всюду исключенья,
Но в массе — вывод мой не лжив.

О ЮГЕ

Тебя все манит Калабри́я,
Меня — Норвегии фиорд.
О, дай мне взять, моя Мария,
Последний северный аккорд!

Дай утонуть в Балтийском море
Иль на эстляндском берегу,
Уснуть, лаская взором зори,
Что вечно в сердце берегу...

Тебя влечет Александрия,
Тебе все грезится Каир,
Как мне Миррэлия, Мария,
Как Сологубу — сон-Маир!

Ты мной всегда боготворима,
И за тобою я пойду
За них — меридианы Рима —
Прославить южную звезду.

Тебе угрозна малярия,
Но если хочешь,— верный друг,
Я для тебя, моя Мария,
Уеду с севера на юг!

МАРТ

Март — точно май: весь снег растаял;
Дороги высохли; поля
Весенний луч теплом измаял,—
И зеленеет вновь земля.

И море в день обезольдилось,
Опять на нем синеет штиль;
Все к созиданью возродилось,
И вновь зашевелилась пыль.

На солнце дров ольховых стопик
Блестит, как позлащенный мел,
И соловей,— эстонский: ööpik,—
Запеть желанье возымел...

Опять звенит и королеет
Мой стих, хоть он — почти старик!..
В закатный час опять алеет
Улыбка грустной Эмарик.

И ночь — Ночь Белая — неслышной
К нам приближается стопой
В сиреневой накидке пышной
И в шляпе бледно-голубой...

MADIS

Ежевечерно из «Quo vadis»
Играл чахоточный цитрист.
Ему внимал грустящий Madis,
Рыбак и местный колонист.

«Как в сеть весной пойдет салака,
И как-то будет дорога?»
Блестит луна на глянце лака
Шикарящего сапога...

«И крапчатая лососина
Поймается ли весом в пуд?»
Белеет шляпы парусина,
Дрожит клочок паучьих пут...

«А вдруг среди костлявых сирко
Пошлет мне небо осетра?!»
И поощряет грезы кирка,
В луне сафирно-серебра...

НОРВЕЖСКИЕ ФИОРДЫ

Я — северянин, и фиорды
Норвежские — моя мечта,
Где мудро, просто, но и гордо
Живет Царица Красота.

Лилово-ста́льные заливы
В подковах озерносных гор;
В них зорь полярных переливы,
Меж сосен белой розы взор.

И синеглазые газели,
Чьи игры созерцает лось,
Устраивают карусели,
Где с серым синее слилось...

Там тишина невозмутима,
И только гордый орлий клич
Ласкает ухо пилигрима,
Способного его постичь...

ЛЬВУ НИКУЛИНУ

Когда, воюя, мир лукавил
Позерством социальных проб,
Несчастный император Павел
Свой покидал столетний гроб...

В крестах, отбрасывавших тени,
На склоне золотого дня,
Приял великий неврастеник
Поэта облик, трон кляня...

Приял для самооправданья,
Для выявленья существа
Своей души, в часы страданья
Струившей чары волшебства...

Что ж, вверьтесь странному капризу,
Поэт и царь, и, сев верхом,
Направьте шаг коня на мызу
Ивановку, в свой бредный дом.

Въезжайте в ветхие ворота,
Где перед урной, над рекой,
Вас ждет скончавшаяся рота
И я, поклонник Ваш живой...

СТИХИ И. ЭРЕНБУРГА

В дни пред паденьем Петербурга,—
В дни пред всемирною войной,—
Случайно книжка Эренбурга
Купилась где-то как-то мной.

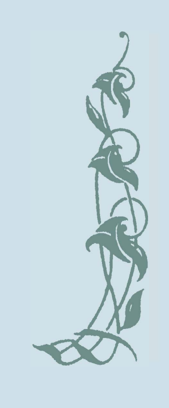
И культом ли католицизма,
Жеманным ли слегка стихом
С налетом хрупкого лиризма,
Изящным ли своим грехом,—

Но только книга та пленила
Меня на несколько недель:
Не шрифт, казалось, не чернила,
А — тонко-тонная пастэль.

Прошли лета. Кумиры ниже
Склонились, я — достиг вершин:
Мне автор книгу из Парижа
Прислал в обложке crêpe de chine.

Она была, должно быть, третьим
Его трудом, но в ней, увы,
Не удалось того мне встретить,
Что важно в небе — синевы.

И нет в ней сладостного ига,
Померкла росная краса...
Мне скажут: «Небеса не книга»,—
Пусть так: но книга — небеса!..

СИНЕЕ

Сегодня ветер, беспокоясь,
Взрывается, как динамит,
И море, как товарный поезд,
Идущий тяжело, шумит.

Такое синее, как небо
На юге юга, как сафир.
Синее цвета и не требуй:
Синей его не знает мир.

Такое синее, густое,
Как ночь при звездах в декабре.
Такое синее, такое,
Как глаз газели на заре.

«Синее нет»,— так на осине
Щебечут чуткие листы:
«Как василек, ты, море, сине!
Как небеса, бездонно ты!»

БАНАЛЬНОСТЬ

Когда твердят, что солнце — красно,
Что море — сине, что весна
Всегда зеленая,— мне ясно,
Что пошлая звучит струна...

Мне ясно, что назвавший солнце
Не иначе, как красным, туп;
Что рифму истолчет: «оконце»,
Взяв пестик трафаретных ступ...

Мне ясно, что такие краски
Банальны, как стереотип,
И ясно мне, какой окраски
Употребляющий их «тип»...

И тем ясней, что солнце — сине,
Что море — красно, что весна —
Почти коричнева!..— так ныне
Я убеждаюсь у окна...

Но тут же слышу голос бесий:
«Я вам скажу, как некий страж,
Что это ложный миг импрессий
И дальтонический мираж»...

РЫБНАЯ ЛОВЛЯ

Вновь ловля рыбная в разгаре:
Вновь над рекою поплавки,
И в рыбном, у кустов, угаре
Азартящие рыбаки.

Форель всегда клюет с разбегу
На каменистой быстрине.
Лещ апатичный любит негу:
Клюет лениво в полусне.

И любящий ракитный локон,
Глубокий теневой затон,
Отчаянно рвет леску окунь,
И всех сильнее бьется он.

Рыб всех глупей и слабовольней,
Пассивно держится плотва,
А стерлядь, наподобье молний
Скользнув, песком ползет едва.

У каждой рыбы свой характер,
Свои привычки и устав...
...Не оттого ли я о яхте
Мечтаю, от земли устав?..

В ПАРКЕ

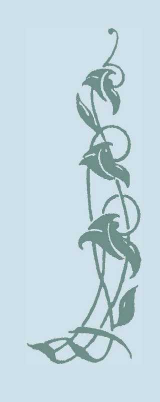
А ночи с каждым днем белее
И с каждым днем все ярче дни!
Идем мы парком по аллее.
Налево море. Мы — одни.

Зеленый полдень. В вешней неге,
Среди отвесных берегов,
Река святая,— Pühajõgi —
Стремится, слыша моря зов.

На круче гор белеет вилла
В кольце из кедров и елей,
Где по ночам поет Сивилла,
Мечтая в бархате аллей.

Круглеет колющий кротекус,
И земляничны тополя,
Смотрящиеся прямо в реку,
Собою сосны веселя.

О принц Июнь, приди скорее,
В сирень коттеджи разодень!
Ночь ежедневно серебрее,
И еженочно звонче день!

РАССКАЗ КНЯГИНИ

Св. кн. О. Ф. Им — ской

То было в Гатчине, лет десять
Тому назад, но до сих пор
Отрадно мне тем летом грезить
И вспоминать наш разговор.

И вот, я помню: мы, княгиня,
Сидим в столовой. Ночь близка.
Вы говорите мне о сыне,
И в Вашем голосе — тоска:

О, если юность возвратить бы!
И быть счастливою, как он!..
Его любовь... его женитьба...
И жизнь на озере — как сон...

Он в честь своей Прекрасной Дамы,—
Полу-поэт, полу-toqué,—
Под Витебском построил замок
На озеровом островке...

«Он создал царство в сердце леса!»
Восторженно твердите Вы.
Поддакивает Вам профессор
Наклоном легким головы.

Я пью вино и вижу: в тине
Озерной — косы, много кос...
Устала старая княгиня
От юных,— невозможных,— грез...

БЭБЭ

Баронессе М. А. Д — н

Что было сказочно лет в девять,
То в двадцать девять было б как?
Могли б Вы так же королевить
Теперь, вступив со мною в брак?

Вы оправдали бы те слезы,
Что Вами пролиты, теперь?
Вы испытали бы те грезы?
Почувствовали б ряд потерь?

Где Вы теперь? все так же ль новы
Для Вас мечтанья и слова?
Быть может, замужем давно Вы,
Но, впрочем, может быть, вдова?..

Меня Вы помните ль? бывали
Вы у меня на вечерах?
На Вашего лица овале
Текла ль слеза о детских снах?

Прочтете ли поэзы эти?
Найдете ль строки о себе?
А, может быть, Вас нет на свете,
Моя наивная Бэбэ?..

Иль Вашей зрелости одевить
Уже не в силах жизни мрак?..
Что было интересно в девять,
То в двадцать девять было б как?!

КН. Б. А. ТЕНИШЕВУ

Князь! милый князь! ау! Вы живы?
Перебирая писем ряд,
Нашел я Ваше, и, счастливый
Воспоминаньем, как я рад!

Мне сразу вспомнилась и школа,
И детство, и с природой связь,
И Вы, мой добрый, мой веселый,
Мой остроумный милый князь!

В Череповце, от скуки мглистом,
И тривиальном, и пустом,
Вас называли модернистом
За Сологуба первый том...

Провинциальные кокетки
От князя были без ума,
И казначейша (лик конфетки!)
Была в Вас влюблена сама...

Ведь штраусовская «Электра» —
Не новгородская тоска!..
О, Вы — единственный директор,
Похожий на ученика!

И вот, когда Вы, поседелый,
Но тот же юный и живой,
Пришли на вечер мой, я целый
Мирок восставил пред собой.

И поздравленья принимая
От Вас, и нежно Вас обняв,
Я вспомнил дни иного мая
И шорохи иных дубрав...

СТИХИ АХМАТОВОЙ

Стихи Ахматовой считают
Хорошим тоном (comme il faut...)
Позевывая, их читают,
Из них не помня ничего!..

«Не в них ли сердце современной
Запросной женщины?» — твердят
И с миной скуки сокровенной
Приводят несколько цитат.

Я не согласен,— я обижен
За современность: неужель
Настолько женский дух унижен,
Что в нудном плаче — самоцель?

Ведь это ж Надсона повадка,
И не ему ль она близка?
Что за скрипучая «кроватка»!
Что за ползучая тоска!

Когда ж читает на эстраде
Она стихи, я сам не свой:
Как стилен в мертвом Петрограде
Ее высокопарный вой!..

И так же тягостен для слуха
Поэт (как он зовется там?!)
Ах, вспомнил: «мраморная муха» *
И он же — Осип Мандельштам.

И если в Лохвицкой — «отсталость»,
«Цыганщина» есть «что-то», то
В Ахматовой ее «усталость»
Есть абсолютное ничто.

* Честь этого обозначения принадлежит кубо-футуристам.

ЛИРА ЛОХВИЦКОЙ

Порыв натуры героичной,
Полет в бездонье голубом,
Меж строчек голос мелодичный —
Вот пафос этой лиры в чем!

Ее слеза слезой зовется
И выглядит она слезой,
И полным сердцем сердце бьется,
Гроза трепещет в нем грозой.

Изысканные полутоны
Есть полутоны, а не ноль.
Мучительны Агнессы стоны
И настоящая в них боль.

Виденье принца Вандэлина
Есть не слова, а — Вандэлин,
Возникновения причина
Кого — в рядах мирских причин.

И ведьма у нее есть ведьма,
А не «нарочно», «для детей».
При том стихи бряцают медью
И веют запахом полей.

БАЛЬМОНТ

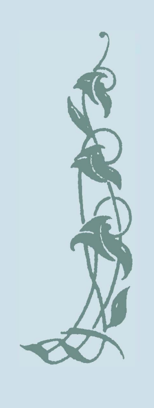
Его стихи — сама стихия.
Себе бессмертье предреша,
Свершает взлеты огневые
Его стихийная душа.

Он весь поэт, поэт великий.
В нем голоса всего и всех.
Неуловимый лик столикий
Отображает свет и грех.

Он ощущает каждый атом
И славословит солнце он.
То серафимом, то пиратом
Является хамелеон.

Но вместе с тем он весь, из дюжин
Томов составленных своих,
Мне не желанен и не нужен:
Я не люблю Бальмонта стих.

Есть что-то приторное в книгах
Его, что слаще голубей...
И Фофанов в своих веригах,
В своих лохмотьях — мне любей!

БРЮСОВ

Никем непревзойденный мастер.
Великий ритор и мудрец.
Светило ледовитой страсти.
Ловец всех мыслей, всех сердец.

Разламывающая сила
Таится в кованых стихах.
Душа рассудок научила
Любить, сама же пала в прах.

И оттого его холодность:
Душа, прошедшая сквозь ум.
Его бесспорная надмодность
Не столь от чувства, сколь от дум.

Великий лаборант, он каждый
Порыв усвоил и постиг.
Он мучим неизбывной жаждой
Познанья всех вселенских книг.

В нем фокус всех цветов и светов
И ясной мысли торжество.
Он — президент среди поэтов.
Мой царский голос — за него.

СОЛОГУБ

Какая тающая нежность!
Какая млеющая боль!
Что за чеканная небрежность!
Что за воздушная фиоль!

Он весь из сладостного вздоха,
Он весь — безгрешное дитя...
Плохое у него не плохо,
И темное поет, блестя...

Изысканнейший рисовальщик.
Провидец существа людей.
Он — чарователь, чаровальщик,
Чарун, он — чарник, чародей.

Так пой же, пой же нам, фиоль же,
Струи свой ароматный свет!
Такой поэт, каких нет больше:
Утонченней, чем тонкий Фет.

ГИППИУС

Блистательная Зинаида
Насмешливым своим умом,
Которым взращена обида,
Всех бьет в полете, как крылом...

Холодный разум ткет ожоги,
Как на большом морозе — сталь.
Ее глаза лукаво-строги,
В них остроумная печаль.

Большой поэт — в ее усмешной
И едкой лирике. Она
Идет походкою неспешной
Туда, где быть обречена.

Обречена ж она на царство
Без подданных и без корон.
Как царственно ее коварство,
И как трагично-скромен трон!

ПЯТЬ ПОЭТОВ

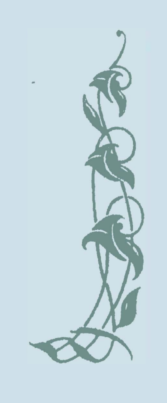
Иванов, кто во всеоружьи
И блеске стиля,— не поэт:
В его значительном ненужьи
Биенья сердца вовсе нет.

Андрея Белого лишь чую,
Андрея Белого боюсь...
С его стихами не кочую
И в их глубины не вдаюсь...

Пастэльно-мягок ясный Бунин,
Отчетлив и приятно свеж.
Он весь осолнечен, олунен,
Но незнаком ему мятеж.

Кузмин изломан черезмерно,
Напыщен и отвратно-прян.
Рокфорно, а не камамберно,
Жеманно-спецно обуян.

Нет живописней Гумилева:
В лесу тропическом костер!
Благоговейно любит слово.
Он повелительно-остер.

ЕЕ КАПРИЗ

Памяти Н. Львовой

Я с нею встретился случайно:
Она пришла на мой дебют
В Москве. Успех необычайный
Был сорван в несколько минут.

Мы с Брюсовым читали двое
В «Эстетике», а после там
Был шумный ужин с огневою
Веселостью устроен нам.

И вот она встает и с блеском
В глазах — к Валерию, и тот,
Поспешно встав движеньем резким,
С улыбкою ко мне идет:

«Поцеловать Вас хочет дама»,—
Он говорит, и я — готов.
Мы с ней сближаемся, и прямо
Передо мной — огонь зрачков...

Целую в губы просветленно,
И тут же на глазах у всех
Расходимся мы церемонно,
Под нам сочувствующий смех.

ВИКТОР ГОФМАН

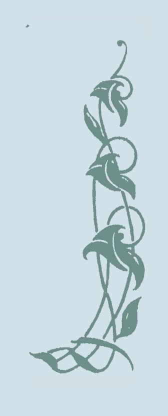
Памяти его

Его несладкая слащавость,
Девическая бирюза
И безобидная лукавость
Не «против» говорят, а «за».

Капризничающий ребенок,
Ребенок взрослый и больной,
Самолюбив и чутко-тонок
Души надорванной струной.

К самопожертвованью склонный,
Ревнивый робко, без хлопот,
В Мечту испуганно-влюбленный,—
Чего ему недостает?

Недостает огня и силы,
Но именно-то оттого
Так трогательно сердцу милы
Стихи изящные его.

ПУШКИН

Он — это чудное мгновенье,
Запечатленное в веках!
Он — воплощенье Вдохновенья,
И перед ним бессилен прах...

Лишь он один из всех живущих
Не стал, скончавшись, мертвецом:
Он вечно жив во всех поющих,
И смерть здесь не звучит «концом».

В его созданьях Красота ведь
Показывает вечный лик.
Его нам мертвым не представить
Себе, и этим он велик!

Пускай он стар для современья,
Но современье для него
Ничтожно: ведь его мгновенье —
Прекрасней века моего!

У МОРЯ

Финляндский ветер с моря дует,—
Пронзительно-холодный норд,—
И зло над парусом колдует,
У шлюпки накреняя борт.

Иду один я над отвесным
Обрывом, видя волн разбег,
Любуясь йзрозо-телесным
Песком. Все зелено — и снег!..

Покрыто снегом все подскалье
От самых гор и до песка.
А там, за ним, клокочет далью
Все та же синяя тоска...

Зеленый верх, низ желто-синий,
И промежуток хладно-бел.
Пустыня впитана пустыней:
Быть в море небу дан удел.

К МОРЮ

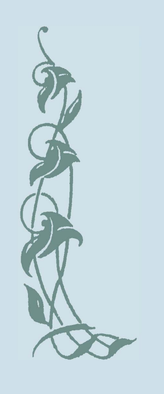
Полно тоски и безнадежья,
Отчаянья и пустоты,
В разгуле своего безбрежья,
Безжалостное море, ты!

Невольно к твоему унынью
Непостижимое влечет
И, упояя очи синью,
Тщетою сердце обдает.

Зачем ты, страшное, большое,
Без тонких линий и без форм?
Владеет кто твоей душою:
Смиренный штиль? свирепый шторм?

И не в тебе ли мой прообраз,—
Моя загадная душа,—
Что вдруг из беспричинно-доброй
Бывает зверзче апаша?

Не то же ли и в ней унынье
И безнадежье, и тоска?
Так влейся в душу всею синью:
Она душе моей близка!

РАЗБОР СОБРАТЬЕВ

Разбор собратьев очень труден
И, согласитесь, щекотлив:
Никто друг другу не подсуден,
И каждый сокровенным жив...

Но не сказать о них ни слова —
Пожалуй, утаить себя...
Моя душа сказать готова
Всё, беспристрастье возлюбя.

Тем мне простительней сужденье
О них, что часто обо мне
Они твердят — без снисхожденья,
Не без пристрастия вполне...

Я Пушкиным клянусь, что святы
Характеристики мои,
Что в них и тени нет расплаты
За высмеянные стихи!

ВАСИЛИЮ КАМЕНСКОМУ

Да, я люблю тебя, мой Вася,
Мой друг, мой истинный собрат,
Когда, толпу обананася,
Идешь с распятия эстрад!

Тогда в твоих глазах дитяти —
Улыбчивая доброта
И утомленье от «распятий»
И, если хочешь, красота...

Во многом расходясь с тобою,
Но ничего не осудя,
Твоею юнью голубою
Любуюсь, взрослое дитя!

За то, что любишь ты природу,
За то, что веет жизнь от щек
Твоих, тебе слагаю оду,
Мой звонкострунный *Журчеек*!

ПОСЛЕ «ОНЕГИНА»

Сегодня утром после чая,
Воспользовавшись мерзлым днем,
«Онегина» — я, не скучая,
Читал с подъемом и огнем.

О, читанные многократно
Страницы, юности друзья!
Вы, как бывало, ароматны!
Взволнован так же вами я!

Здесь что ни строчка — то эпиграф!
О, века прошлого простор!
Я современности, как тигров,
Уже боюсь с недавних пор.

И если в пушкинское время
Немало было разных «но»,
То уж теперь сплошное бремя
Нам, современникам, дано...

Конечно, век экспериментов
Над нами — интересный век...
Но от щекочущих моментов
Устал культурный человек.

Мы извращеньем обуяны,
Как там, читатель, ни грози:
И духу вечному Татьяны
Мы предпочтем «душок» Зизи!..

ИНТЕРМЕЦЦО

Чаруют разочарованья
Очарованием своим...
Культурные завоеванья
Рассеиваются, как дым...

Обвеяны давно минувшим,
Им орошенные мечты,
Минувшим, ласково-прильнувшим
К мечтам, больным от пустоты...

Неизъяснимые волненья
Поят болеющую грудь...
На нежном пляже вдохновенья
Так несказáнно — отдохнуть!..

Непостижимые желанья
Овладевают всей душой...
Чаруют разочарованья
Очарованья пустотой...

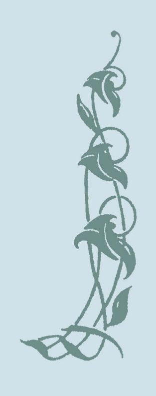
РИСУНОК ИГЛОЙ

Ореховые клавесины,
И отраженная в трюмо
Фигурка маленькой кузины,
Щебечущей на них Рамо...

В углу с подушкою качалка
Воздушнее затей Дидло.
На ней засохшая фиалка,
Которой сердце отцвело...

Оплывшие чуть жалят свечи,
Как плечи — розу, белый лоб.
Окно раскрыто в сад. Там вечер.
С куртин плывет гелиотроп.

Все ноты в слёзовом тумане,
Как будто точки серебра...
А сердце девичье — в романе,
Украдкой читанном вчера...

В ДЕРЕВНЕ

В деревне, где легко и свято
Природе душу передам,
Мне прямо страшно от разврата
Столичных девствующих дам.

И здесь,— где поле, лес и книги,
И Богом озаренный дом,—
Тем отвратительней интриги,
Столиц Гоморра и Содом.

Я вовсе не любитель охать
И ныть, но любо вспомнить зло
Их торжествующую похоть,
И как их ею развезло.

Не любящий нравоученья
И презирающий мораль,
Я не могу без возмущенья
Их пакостную вспомнить саль...

«ЗОЛА В СТЕКЛЕ»

Казалось бы, что благородство
Есть свойство нужное для всех,
Что в негодяйстве яд уродства
И в пакости — бесспорный грех;

Что не достоинством считать бы
Нам благородство, а — судьбой,
Не волочиться после свадьбы
За первой юбкой площадной;

Не наставлять рогов мужьям бы
С мимоидущим молодцом,
И не писать бы эти ямбы
С гневом пылающим лицом.

Казалось бы!.. На самом деле ж
Всё по-иному на земле:
В меня за правду злобой целишь
Ты, человек,— «зола в стекле»!

А. К. ТОЛСТОЙ

Кн. Л М. Ухтомской

Граф Алексей Толстой, чье имя
Звучит мне юностью моей
И новгородскими сырыми
Лесами в густоте ветвей;

Чей чудный стих вешне-березов
И упоенно-соловьист,
И тихий запад бледно-розов;
И вечер благостно росист;

Он, чьи припевы удалые —
Любви и жизни торжество;
Чья так пленительна Мария
И звонко-майно «Сватовство»;

Он, чье лицо так благородно,
Красиво, ясно и светло;
Чье творчество так плодородно
И так роскошно расцвело.

Ему слагаю, благодарный,
Восторженные двадцать строк:
Его напев великодарный —
Расцвета моего залог!

ТАЙНА ПЕСНИ

Обворожительных имений,
Рек, деревень, садов и сел
На свете много; тем не меней,—
Кто где всю жизнь свою провел,

Иль только юность, только детство,—
Свой славословит уголок,
Поет, не разбирая средства,
Его, от прочих мест далек.

Неподражаемых поэтов,
Художников, артистов и
Музыкотворцев много, в этом
Уж убедиться вы могли.

Однако же, у всяких вкусов
Излюбленный искусник *свой*:
Одним — мил Дебюсси и Брюсов,
Другим — Серов и А. Толстой.

Очаровательных созданий
Немало между разных рас:
Блондинок цвета шерсти ланей,
Брюнеток с васильками глаз.

И редко тот, кто любит шведку,
Японкой будет увлечен.
Лишь соловей, вспорхнув на ветку,
И я, такой же, как и он.

Поем равно все то, что видим,
И славословим всех равно.
Мы никого не ненавидим
Да и не любим заодно!

НЕ ОТТОГО ЛЬ?..

Итак, нежданное признанье
Слетело с изумленных уст!..
Не оттого ль мое терзанье?
Не оттого ли мир мне пуст?

Не оттого ли нет мне места,
Взлелеянного мной вполне?
И в каждой девушке невеста
Является невольно мне?

Не оттого ль без оговорок
Я не приемлю ничего?
Не оттого ль так жутко-зорок
Мой взор, вонзенный в Божество?

Не оттого ль мои паденья
Из глуби бездны снова взлет?
Не оттого ль стихотвореньям
Чего-то все недостает?..

И как судить я брата смею,
Когда я недостатков полн,
И,— уподобленный пигмею,—
Барахтаюсь в пучине волн?..

ЧАРЫ СОЛОВЬЯ

Но соловей не величавей
Меня, а все ж он — соловей,
Чья песнь посвящена дубраве
И первым трепетам ветвей!

В его бесцельном распеванье
Не больше смысла, чем в траве,
И все же в нем очарованье,—
В ничтожном этом соловье!

И в пенье бестенденциозном
Не мудрость высшая ль видна?
Не надо вовсе быть серьезным,
Когда томит тебя весна!

Весной упиться всем уменьем
Души безра́зумной умей!
Так говорим волшебным пеньем
Тебе и я, и соловей!

ВОЗРОЖДЕНИЕ

Величье мира — в самом малом.
Величье песни — в простоте.
Душа того не понимала,
Нераспятая на кресте.

Теперь же, после муки крестной,
Очищенная, возродясь,
Она с мелодией небесной
Вдруг обрела живую связь.

Освободясь от исхищрений
Когтистой моды, ожил стих —
Питомец чистых вдохновений
И вешних радостей живых.

И вот потек он ручейково,
Он бьет струей поверх запруд,
И нет нигде такой оковы:
Зальдить ручей — мой вольный труд!

«ЭТИ» МУЖЧИНЫ

Предвижу критиков ухмылки,
Их перекошенные рты.
Их презирает стих мой пылкий —
Явленье истой красоты!

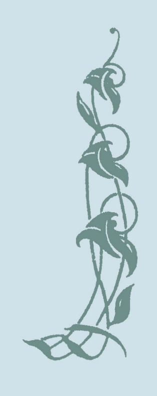
Огонь святого вдохновенья
Растопит скептицизма лед,
И критиков в одно мгновенье
Закружит мой водоворот.

В нем эти лысые, косые,
Кривые, пошлые и все,
Кем разукрашена Россия,
Вдруг явятся во всей красе.

И взвоют «евнухи Парнаса»,
Кружась передо мной волчком:
«Позволь, о автор „Ананасов“,
Тебя ругнуть... чуть-чуть... бочком:

Ведь при такой дороговизне
Как нам прожить без руготни?»...
Нет, кроме шуток, эти «слизни»
Существовали в оны дни.

Почти что мной напропалую
Меня угодливо браня,
В глаза — чуть руки не целуя
И ремесло свое кляня...

ВНЕ ПОЛИТИКИ

Где ходит море синим шагом
То к берегу, то к островам,
Нет плаца бешеным ватагам,
Нет фразы взбалмошным словам;

Где в зелень берегов одета
Златисто-карая река,
Здесь нет ни одного «кадета»,
Ни одного «большевика».

И где в растущем изумруде
Лесов и поля дышит Бог,
Здесь братьями живут все люди
И славословят каждый вздох.

И здесь, где лишь от счастья плачет
Живой, где горести чужды,
Здесь нет политики, и значит:
Нет *преднамеренной* вражды!

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО РАБСТВА

Есть доказательство (бесспорней
Его, пожалуй, не найти!)
Что вы, культурники, покорней
Рабов, чем вас ни возмути! —

Вы все,— почти без исключенья,
И с ранних юношеских лет,—
Познали радость опьяненья
И пьяных грез чаруйный бред.

И что же? Запрещенье водки —
Лишенье вас свободных грез —
Вы,— апатичны, вялы, кротки,—
Перенесли, как жалкий пес!

Вы без малейшего протеста
Позволили вас обокрасть,—
И ваше грёзовое место
Взяла разнузданная власть!

Пожалуй, с солнцем и с сиренью
Могли б расстаться без борьбы?!..
Примите ж хлесткое презренье
Мое, культурные рабы!

СОНАТА «ИЗЕЛИНА»

(КНУТ ГАМСУН, «ПАН»)

I. ВСТРЕЧА

Спи, спи! пока ты будешь спать,
Я расскажу тебе о ночи
Моей любви, как не отдать
Себя ему — не стало мочи.

Я дверь ему забыла запереть
Свою шестнадцатой весною:
Ах, веял теплый ветер, ведь,
Ах, что-то делалось со мною!..

Он появился, как орел.
Мы встретились однажды утром
Перед охотой. Он пришел
Из странствий юно-златокудрым.

Со мной по саду он гулял,
И лишь меня рукой коснулся,
Он близким, он родным мне стал.
В нас точно кто-то встрепенулся.

И у него на белом лбу
Два лихорадочных и красных
Пятна явились. Я судьбу
Узрела в них — в желаньях страстных.

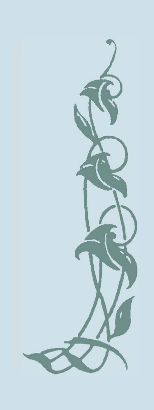
II. НАИВНОСТЬ

Потом... Потом я вышла в сад,
Его искала и боялась
Найти. А губы чуть дрожат
Желанным именем. Смеркалось.

Вдруг он выходит из кустов
И шепчет: «Ночью. В час». Вздыхает.
Вдыхает аромат цветов.
Молчит. Молчит — и исчезает.

Что этим он хотел сказать:
«Сегодня ночью. В час»? — не знаю.
Вы это можете понять?
Я — ничего не понимаю.

Что должен он уехать в час,
Хотел сказать он, вероятно?..
Что мне за дело! вот так раз:
Зачем мне это непонятно?..

III. ПЕРВОЕ СВИДАНИЕ

И вот я забываю дверь
Свою закрыть, и в час он входит...
Как я изумлена теперь,
Что дверь открытою находит!..

— Но разве дверь не заперта?..—
Я спрашиваю. Предо мною
Его глаза, его уста,
В них фраза: «Я ее закрою»...

Но топота его сапог
Боюсь: разбудит он служанку.
И стула скрип, и топот ног...
«Не сесть ли мне на оттоманку?»

— Да,— говорю. Лишь потому,
Что стул скрипел... Ах, оттого лишь!..
Он сел, приблизясь к моему
Плечу. Я — в сторону. Неволишь?..

Глаза я опустила. Он
Сказал: «Ты зябнешь». Взял за руку,
Своею обнял. Входим в сон.
Петух провозгласил разлуку.

IV. ВКУШЕНИЕ

«Пропел петух, ты слышишь?» Сжал
Меня,— совсем я растерялась.
Я бормотала: ты слыхал?
Ты не ослышался? Металась,

Хотела встать. Но вновь на лбу
Пятна два лихорадно-красных
Увидев, вверила судьбу
Свою глазам его прекрасным...

Настало утро. Пробудясь,
Я комнаты не узнавала
И даже башмачков. Смеясь,
Себя невольно вопрошала:

Во мне струится что-то. Что ж
Во мне струиться-то могло бы?..
Который час,— как тут поймешь?
И я — одна? и мы — не оба?

V. ВОСТОРГ

Ах, я не знаю ничего...
Лишь помню: дверь закрыть забыла...
Служанка входит. «Отчего
Свои цветы ты не полила?»

— Я их забыла.— Снова та:
«Где платье ты свое измяла?»
Смеется сердце. Та-та-та!
О, если бы я это знала!..

Подъехал к саду фаэтон...
«И ты не накормила кошку»,—
Твердит служанка. «Это он!»
Твердит мне сердце. Я — к окошку!

Проси, проси его ко мне,—
Я жду его: мне надо что-то...
И у меня наедине —
Запрет он дверь? — одна забота...

VI. ВТОРОЕ СВИДАНИЕ

Стучится. Отворяю. И,
Желая оказать услугу,
Дверь вмиг на ключ. В уста мои
Меня целует, как подругу.

— Не посылала за тобой,—
Шепчу... «Так ты не посылала?»
Смущаюсь и кричу душой:
— Да, мне тебя не доставало!

Да, посылала! да, побудь
Немного здесь! — Глаза руками
Закрыла от любви, на грудь
К нему склонив уста с глазами...

«Но кажется пропел петух?»
Он стал прислушиваться. Я же
Подумала невольно вслух:
— Как это мог подумать даже?..

Никто не пел. Пожалуй, лишь
Кудахтала немного кура...
Он мне: «Немного погодишь,—
Я дверь запру». И вечер хмуро

В окно взглянул. А я едва
Могла шепнуть: — Но дверь закрыта...
Я заперла уже...— Трава,
Деревья, всё — луной облито.

VII. У ЗЕРКАЛА

Уехал он опять. Во мне
Как будто золото струилось.
Я — к зеркалу. Там, в глубине,
Влюбленных глаза два светилось.

Лишь я увидела тот взгляд,
Во мне вдруг что-то задрожало,
И заструился сладкий яд
Вкруг сердца, выпуская жало...

О, раньше я была не та:
Так на себя я не смотрела!..
И в зеркале себя в уста
Поцеловать я захотела...

ГЕОРГИЮ ШЕНГЕЛИ

Ты, кто в плаще и в шляпе мягкой,
Вставай за дирижерский пульт!
Я славлю культ помпезный Вакха,
Ты — Аполлона строгий культ!

В твоем оркестре мало скрипок:
В нем всё корнеты-а-пистон.
Ищи средь нотных белых кипок
Тетрадь, где — смерть и цепий стон!

Ведь так ли, и́наче (ина́че?..)
Контрастней раков и стрекоз,
Сойдемся мы в одной задаче:
Познать непознанный наркоз...

Ты, завсегдатай мудрых келий,
Поющий смерть, и я, моряк,
Пребудем в дружбе: нам, Шенгели,
Сужден везде один маяк.

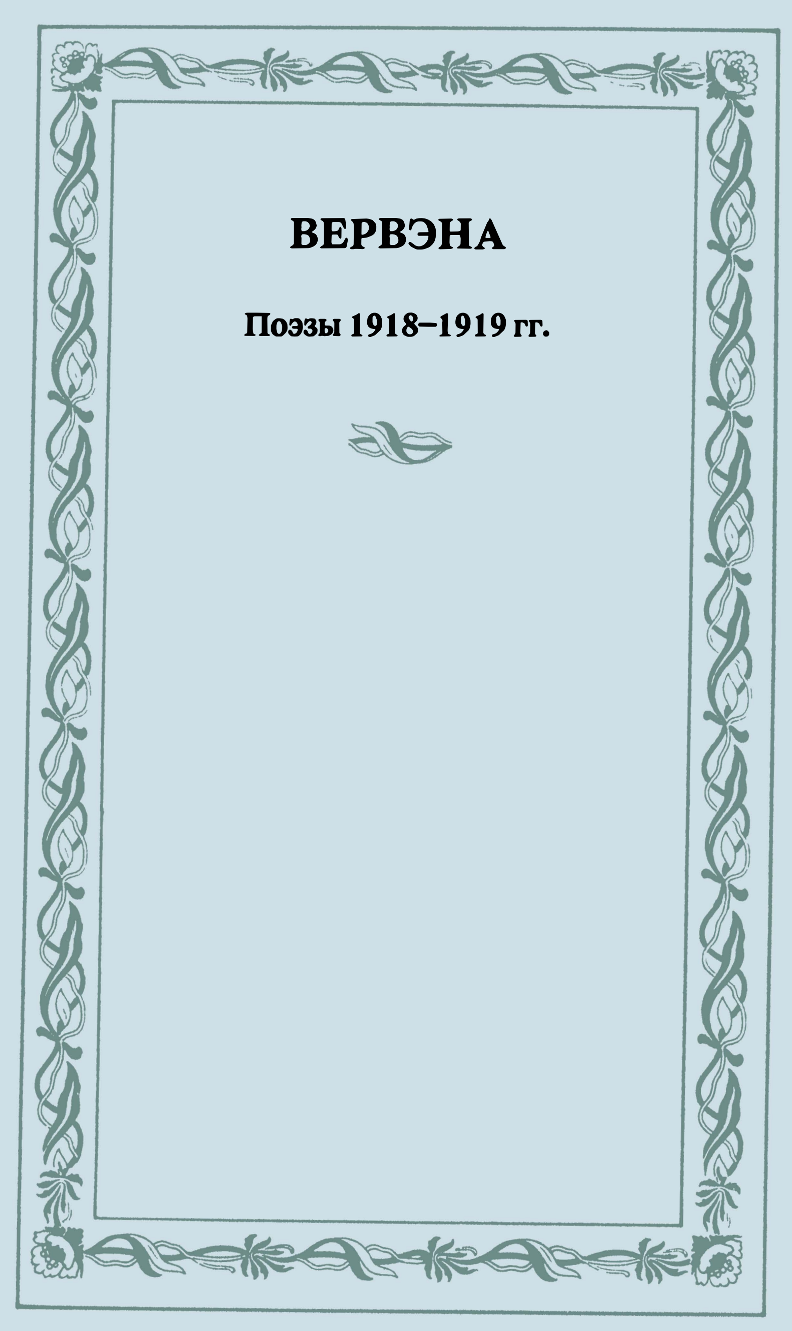
ФИНАЛ

Закончен том, но не закончен
Его раздробленный сюжет.
Так! с каждою главою звонче
Поет восторженный поэт.

Напрасно бы искать причала
Для бесшабашного певца:
В поэме жизни нет начала!
В поэме жизни нет конца!

Неисчерпаемая тема
Ждет всей души, всего ума.
Поэма жизни — не поэма:
Поэма жизни — жизнь сама!

ВЕРВЭНА

Поэзы 1918–1919 гг.

I. ЖЕМЧУГ ПРИЛИВА

ИНТРОДУКЦИЯ

Вервэна, устрицы и море,
Порабощенный песней Демон —
Вот книги настоящей тема,
Чаруйной книги о святом Аморе.

Она, печалящая ваши грезы,
Утонченные и больные,
Приобретает то льняные,
То вдруг стальные струнные наркозы.

Всмотритесь пристальнее в эти строки:
В них — обретенная утрата.
И если дух дегенерата
В них веет, помните: всему есть сроки.

Все поэзы этого тома, за исключением помеченных 1918 г., написаны в январе 1919 г., причем написаны в Эстонии, на курорте Тойла. Поэза «Музе музык» написана в Ревеле.

УСТРИЦЫ

О, замороженные льдом,
Вы, под олуненным лимоном,
Своим муарным перезвоном
Заполонившие мой дом,
Зеленоустрицы, чей писк
И моря влажно-сольный запах,—
В оттенках всевозможных самых —
Вы, что воздвигли обелиск
Из ваших раковин,— мой взор,
Взор вкуса моего обнищен:
Он больше вами не насыщен,—
Во рту растаял ваш узор...

Припоминаю вас с трудом,
Готовый перерезать вены,
О, с лунным запахом вервэны,
Вы, замороженные льдом!

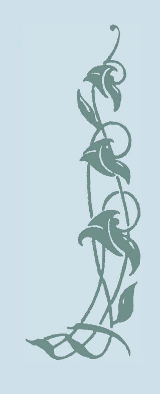
ЛИКЕР ИЗ ВЕРВЭНЫ

Ликер из вервэны — грёзерки ликер,
Каких не бывает на свете,
Расставил тончайшие сети,
В которые ловит эстетов — Амор
Искусно.

Луною, наполнен сомнамбул фужер
И устричным сердцем, и морем.
И тот, кто ликером аморим,
Тому орхидейное нежит драже
Рот вкусно.

Уста и фужер сетью струн сплетены,
При каждом глотке чуть звенящих,
Для нас — молодых, настоящих,—
Для нас, кто в Сейчас своего влюблены
Истому.

Лишь тот, кто отрансен, блестящ, вдохновен,
Поймет тяготенье к ликеру,
Зовущему грезы к узору,
К ликеру под именем: Creme de verveine —
Больному.

ПРИ СВЕТЕ ТЬМЫ

Мы — извервэненные с душой изустреченною,
Лунно-направленные у нас умы.
Тоны фиолетовые и тени сумеречные
Мечтой болезненной так любим мы.

Пускай упадочные, но мы — величественные,
Пускай неврастеники, но в свете тьмы
У нас задания, веку приличественные,
И соблюдаем их фанатично мы.

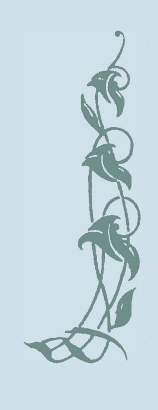
ФАНАТИКИ ИЗБОРОВ

Мы — фанатики наших изборов,
        Изысков, утонка.
        Мы чувствуем тонко
Тем, что скрыто под шелком проборов,

Тем, что бьется под легким, под левым,—
        Под левым, под легким.
        Мечтам нашим кротким
Путь знаком к бессемянным посевам.

Не подвержены мы осязанью
        Анализов грубых.
        В их грохотных трубах —
Нашим нервам и вкусам терзанье.

Пусть структура людей для заборов:
        Структура подонка.
        Мы созданы тонко:
Мы — фанатики наших изборов.

МОРЕФЕЯ

Флакон вербэны, мною купленный,
        Ты выливаешь в ванну
И с бровью, ласково-насупленной,
        Являешь Монну-Ванну.

Правдивая и героичная,
        Ты вся всегда такая...
Влечешь к себе, слегка циничная,
        Меня не отпуская.

И облита волной вербэновой,
        Луной и морем вея,
Душой сиренево-сиреневой
        Поешь, как морефея.

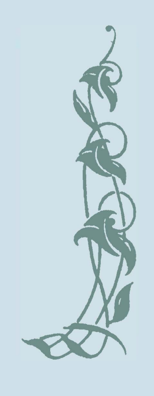
БЕЛЫЙ ТРАНС

Ночью, вервэной ужаленной,—
Майскою, значит, и белой,—
Что-нибудь шалое делай,
Шалью моею ошаленный.

Грезь о луне, лишь намекнутой,
Но не светящей при свете
Ночи, невинной, как дети,
Грешной, как нож, в сердце воткнутый.

Устрицы, острые устрицы
Ешь, ошаблив, олимонив,
Грезы, как мозгные кони,
Пусть в голове заратустрятся.

Выплыви в блеклое, штильное
Море, замлевшее майно.
Спой, опьяневши ямайно,
Что-нибудь белое, стильное...

ЛУННЫЕ БЛИКИ

Лунные слезы легких льнущих ко льну сомнамбул.
Ласковая лилейность лилий, влюбленных в плен
Липких зеленых листьев. В волнах полеты камбал,
Плоских, уклонно-телых. И вдалеке — Мадлэн.

Лень разветвлений клена, вылинявшего ало.
Палевые поляны, полные сладких сил.
Лютиковые лютни. В прожилках фьоль опала.
Милая белолебедь в светлом раскрыльи крыл.

Лучше скользить лианно к солнечному Граалю,
Кроликов ланно-бликих ловко ловить в атлас
Платьев лиловых в блестках. Пламенно лик реалю
И, реализм качеля, плачу печалью глаз.

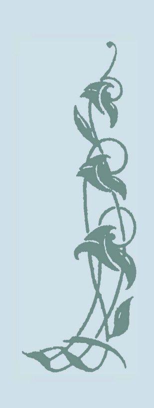

ЧАРЫ ЛЮЧИНЬ

Лючинь печальная читала вечером ручьисто-
вкрадчиво,
Так чутко чувствуя журчащий вычурно чужой ей плач,
И в человечестве чтя нечто вечное, чем чушь Боккачио,
От чар отчаянья кручинно-скучная, чла час удач.

Чернела, чавкая чумазой нечистью, ночь бесконечная,
И челны чистые, как пчелы-птенчики безречных
встреч,
Чудили всячески, от качки с течами полуувечные,
Чьи очи мрачные из чисел чудную чеканят речь.

Чем,— чайка четкая,— в часы беспечные мечтой
пречистою
Отлично-честная Лючинь сердечная лечила чад,
Порочных выскочек? Коричне-глетчерно кричит
лучистое
В качалке алчущей Молчанье чахлое, влача волчат...

ОБРАЗ ПРОШЛОГО

Я слышу в плеске весла галер,
Когда залив заснет зеркально:
Судьба Луизы де Лавальер —
И трогательна, и печальна.

Людовик-Солнце, как кавалер,
Знал тайну страсти идеально.
Судьба Луизы де Лавальер
Всё ж трогательна и печальна.

Когда день вешний печально-сер,
И облака бегут повально,
Судьба Луизы де Лавальер
Там трогательна и печальна.

И пусть этот образ из прежних эр
Глядит и тускло, и банально:
Судьба Луизы де Лавальер
Всегда пленительно-печальна.

У ОКНА

В мое окно глядит луна.
Трюмо блистает элегантное.
Окно замерзло бриллиантное.
Я онемела у окна.

Луна глядит в мое окно,
Как некий глаз потустороннего.
С мечтой о нем, молю: «Не тронь его,
Луна: люблю его давно...»

В мое окно луна глядит
То угрожающе, то вкрадчиво.
Молюсь за чистого, за падшего
В порок, с отчаяньем в груди.

Луна глядит в окно мое,
Как в транс пришедшая пророчица.
Ах, отчего же мне так хочется
Переселиться на нее?..

ЦВЕТЫ КАК КРЫЛЬЯ

В долине святой реки
Крылят цветы-мотыльки,
Крылят цветы-мотыльки
        Белоснежные.

Из снега они торчат,
Как уши моих зайчат,
Как уши моих зайчат:
        Уши нежные.

Сквозь снег они ввысь растут
В долине и там, и тут,
В долине и там, и тут —
        Шелкостружные.

Шуршащие так легки
Цветочные мотыльки,
Цветочные мотыльки —
        Грезокружные.

ДИЗЭЛЬ I

Ветер ворвался в окно —
Ветер весенний,
Полный сирени...

Мы не видались давно,—
Ветер ворвался в окно,
Полный видений...

Скучно и в сердце темно:
Нет воскресений
Прежних мгновений...

Ветер ворвался в окно.

ДИЗЭЛЬ II

Проплывает вдали канонерка
    Над кружком камамбера
    Ты читаешь Флобера.

И зачем тебе видеть, грезэрка,
Как плывет вдалеке канонерка:
    Ведь корабль — не гетера...

Вдруг снаряд,— и твоя этажерка,
    Где стихи эксцессера,
    Тлеет исчерна-серо...

Так плывет вдалеке канонерка.

КЭНЗЕЛЬ XI

Миньона, Мирра, Ингрид и Балькис —
Слиянных воедино их четыре,
Извечным украшеньем в этом мире
Проведших жизнь, и вот воспеть на лире,
Прославить их — начертан мой девиз.

От каждой взяв, что в каждой характерно,
По качествам оценивая верно,
Миньону, Мирру, Ингрид и Балькис
Я превращаю в пятую. Ильферна —
Вот имя ей: так хочет мой каприз.

И в этот год, когда, как бич, навис
Над миром гром неотвратимой кары,
Да отразит кровавые удары
Ильферна, в ком свои сокрыли чары
Миньона, Мирра, Ингрид и Балькис.

КЭНЗЕЛЬ XII

Птицы в воздухе кружатся
И летят, и поют,
И, летя, отстают,
Отставая, зовут...
Воздух северный южится.

Не считая минут,
Без печали, без смут,
Птицы в воздухе кружатся.
Мотыльки там и тут
Золотисто жемчужатся.

Стаи белые вьюжатся
Мотыльковых причуд,
Воздух золотом ткут...
Бросив трав изумруд,
Птицы в воздухе кружатся.

ГАЗЭЛЛА IV

Серый заяц плясал на поляне.
Лунный свет трепетал на воляне.

В сини глаз загорелся восторг.
Подойдя, я стоял на поляне.

Вот второй, вот и третий бегут,—
Собрались стар и млад на поляне.

Я смотрел на диковинный пляс
И на заячий бал на поляне.

Все танцуют: прыжок за прыжком.
Блекнет лунный опал на поляне.

ГАЗЭЛЛА V

Ты поехала кататься, сев в голубой кабриолет.
Покачивается рессорно твоей судьбой кабриолет.

Покачивается рессорно, стремясь на рокотный пуант,
Твой голубой, идущий гордо — ведь он с тобой! —
кабриолет.

Откинулась ты на подушки. Спит на коленях том
Жорж Занд.
Качелит сон старинной книги твой моревой кабриолет.

Его рессоры — точно волны. Им управляет лейтенант.
Он так похож на миноноску — твой огневой кабриолет.

Сама же ты угрозней мины: на твой чарующий талант
Кто натолкнется, тот взорвется. О, роковой кабриолет!

ГАЗЭЛЛА VI

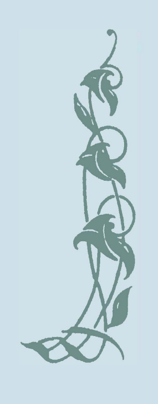
Приезжай ко мне обязательно, приезжай.
Эта встреча мне так желательна. Приезжай.

Привези с собой ноты новые и стихи:
Ты читаешь их увлекательно. Приезжай.

Привези с собой свой сиреневый пеньюар.
В нем ты, нежная, так мечтательна. Приезжай.

Привези с собой бриллиантовое колье:
Красота твоя в нем блистательна. Приезжай.

Привези с собой сердце ласковое свое:
Ах, поет оно обаятельно. Приезжай!

ГАЗЭЛЛА VII

Твоих невоплотимых глаз, Ильферна моя,
Никто не целовал из нас, Ильферна моя.

А кто бы их увидеть мог, тот не жил бы дня.
Когда бы в них взглянул хоть раз, Ильферна моя.

Тебе одной дары миров, сиянье огня,
Цветы, восторги и экстаз, Ильферна моя.

Тебе, одной тебе, поет и лира, звеня.
Тебе хвалу воздает Парнас, Ильферна моя.

Я твой, я безраздельно твой! люби же меня!
Тебя увижу в смертный час, Ильферна моя!

ГАЗЭЛЛА VIII

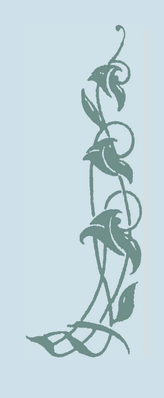
Ты любишь ли звенья персидских газэлл — изыска
Саади?
Ответить созвучно ему ты хотел, изыску Саади?

Ты знаешь, как внутренне рифмы звучат
в персидской газэлле?
В нечетных стихах, ты заметил, звук бел —
в изыске Саади?

Тебя не пугал однотонный размер в газэлловом стиле?
Поймать, уловить музыкальность сумел в изыске
Саади?

Так что же так мало поэты у нас газэлл написали?
Ведь только Кузмин был восторженно-смел с изыском
Саади...

Звените, газэллы — газельи глаза! — и пойте,
как пели
На родине вашей, где быть вам велел изыском —
Саади!

РОНДО XIX

Вервэна, упоенная морской
Муаровой волной, грустней Лювэна,
Овеяла меня своей тоской
Вервэна.

И под ее влияньем вдохновенно
Я начал петь глаза Манон Леско,
Смотрящие мне в душу сокровенно.

Возник в душе улыбчивый покой.
Она свята, как древняя Равенна:
То льется в душу лунною рекой
Вервэна.

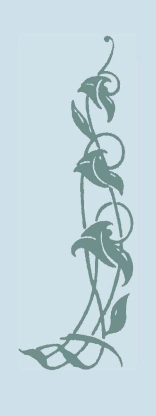
РОНДО XX

Пока не поздно, дай же мне ответ,
Молю тебя униженно и слезно,
Далекая, смотрящая мимозно:
Да или нет?
Поэзно «да», а «нет» — оно так прозно!

Слиянные мечты, но бьются розно
У нас сердца: тускнеет в небе свет...
О, дай мне отзвук, отзнак, свой привет,
Пока не поздно.

Ты вдалеке. Жизнь превратилась в бред.
И молния, и гром грохочет грозно.
И так давно. И так десятки лет.

Ты вдалеке, но ты со мною грезно.
Дай отклик мне, пока я не скелет,
Пока не поздно!..

РОНДЕЛЬ XV

Ее веселая печаль,
Ее печальная веселость...
Саней задернутая полость,
И теплая у губ вуаль.
Какая тяга в зовы миль!
Какая молодая смелость!
В душе — веселая печаль,
В душе — печальная веселость.
В мечтах — кабинки, пляж, Трувиль.
Вокруг — зимы нагая белость.
В устах — коралловая алость.
В ушах — весенняя свирель.
В глазах — веселая печаль.

СОНЕТ XXX

Петрарка, и Шекспир, и Бутурлин
(Пусть мне простят, что с гениями рядом
Поставил имя скромное парадом...)
Сонет воздвигли на престол вершин.

Портной для измеренья взял аршин.
Поэт, окинув нео-форму взглядом
И напитав ее утопий ядом,
Сплел сеть стихов для солнечных глубин.

И вот, сонета выяснив секрет,
Себе поэты выбрали сонет
Для выраженья чувств, картин, утопий.

И от Петрарки вплоть до наших дней
Сонет писали тысячи людей —
Оригинал, ты потускнел от копий!..

БАЛЛАДА XXI

Витает крыльный ветерок
Над звездочными васильками,
Над лентой палевых дорог,
Над голубыми ручейками.
Витает на восточной Каме,
Как и на западной Двине,
И цветовейными устами
Целует поле в полусне.

Витает, свой свершая срок,
Над рощами и над лесами,
Над оперением сорок
И над пшеничными усами.
Мы впив его, витаем сами,
Витаем по его вине
Над изумрудными красами,
Целуя травы в полусне.

Его полет — для нас урок,
Усвоенный чудесно нами:
Так добродетель и порок
Равно лелеемы волнами
Зефира, мучимого снами
И грезой о такой стране,
Где поэтическое знамя
Целует ветер в полусне.

Чаруемы его мечтами
О невозможной стороне,
Мы в этом мире, точно в храме,
Целуем знамя в полусне...

БАЛЛАДА XXII

В четверку серых лошадей
Несется синяя карета.
Внутри ее, средь орхидей,
Сидит печальная Иветта.
Она совсем легко одета,
За что ее корит злой толк.
Ее овил вокруг корсета
Gris-perle * вервэновейный шелк.

Она устала от людей,
Равно: от хама и эстета,
От их назойливых идей,—
Она, мимоза полусвета.
Ей так тяжел грассир корнета
И пред семьей дочерний долг,
Что прячет перламутр лорнета
В gris-perle вервэновейный шелк...

В нее влюбленный лицедей,—
С лицом заморыша-аскета,
С нелепым именем Фадей,—
Поднес ей белых два букета,
И в орхидеях, как комета
На отдыхе, кляня весь полк
Из-за корнета, грезит: «Где-то —
Волна,— вервэновейный шелк»...

Сверни же к морю, в дом поэта.
Что ехать в город? он — как волк!
Кто, как не ты, придумал это,
Gris-perle вервэновейный шелк?..

* Жемчужно-серый (*фр.*; правильно — *gris de perle*).

БАЛЛАДА XXIII

(ДИССО, фиг. 1)

Поэт, во фраке соловей,
Друг и защитник куртизанок,
Иветту грустную овей
Улыбкой хризантэмных танок,
Ты, кто в контакте с девой тонок,
Ты, сердца женского знаток,
Свой средь грузинок и эстонок,
Прими Иветту в свой шатрок!

Ты, вдохновенно-огневой,
Бродящий утром средь барвинок,
Приветь своей душой живой
Иветту, как певучий инок.
Врачуй ей боль душевных ранок,
Психолог! интуит! пророк!
Встречай карету спозаранок,
Прими Иветту в свой шатрок.

Стихи и грезы ей давай,
Беднеющей от шалых денег,
Пой про любовью полный май,
Дав ей любовь вкусить, весенник!
Целуй нежней ее спросонок
И помни меж поэзных строк:
Застенчивая, как ребенок,
Вошла Иветта в твой шатрок...

Тебе в отдар — созвучных струнок
Ее души журчащий ток.
Возрадуйся же, вечный юнок,
Что взял Иветту в свой шатрок!

БАЛЛАДА XXIV

(ДИССО, фиг. 2)

Царевич Май златистокудрый
Был чудодейный весельчак:
Прикидывался девкой бодрой,
То шел, как некий старичок,
Посасывая каучук
Горячей трубочки интимной...
То выдавал мальчишкам чек
На пикники весною томной.

А иногда царевич мудрый,
Замедлив в резвом ходе шаг,
Садился на коня, и бёдра
Его сжимал меж сильных ног.
Иль превращался в муху вдруг
И в ухо лез, жужжа безумно,
Смотря, как мчится человек
На пикники весною томной...

Осыпав одуванчик пудрой,
Воткнув тычинки в алый мак,
Налив воды студеной в ведра,
Сплетя из ландышей венок,
Хваля, как трудится паук,
И отстоявши в праздник храмный
Обедню,— направлял свой бег
На пикники весною томной.

Люблю блистальный майский лик,
Как антипода тьмы тюремной.
Ловлю хрустальный райский клик
На пикники весною томной.

БАЛЛАДА XXV

(НЕО)

Усни в зеленом гамаке
Под жёмчужными мотыльками,
Над слившимися ручейками,—
Усни в полуденной тоске.
Зажми в свежеющей руке,
Без дум, без грез и без желанья
С ним встречи в странном далеке,
Его последнее посланье.

Умей расслышать в ручейке
Его уста с его стихами,
Эола вьющееся знамя
Умей увидеть в мотыльке.
В отдальной песне на реке
Почувствуй слезы расставанья,
Прижми ладонью на виске
Его последнее посланье.

Следи за солнцем на песке,
За ползающими тенями.
Пробудят пусть сравненье с днями
Они в тебе, в людском цветке.
Ты, легкая, здесь — *налегке*,
Лишь гостья краткого свиданья,
И смерть твоя видна в листке
Его последнего посланья.

Чем ближе к гробовой доске,
Сильней — любви очарованье:
В руке, как в глиняном куске,
Его последнее посланье.

КВИНТИНА I

Благоухающая вся луною
И упоющая соловьем,
Она владычествует надо мною —
Вервэна, выглотанная живьем,—
С лимоном устрица — фужер с волною.

Не захлебнуться ли теперь волною?
Не погрузиться ли в нее живьем?
Весь озаряемый больной луною,
Остро я чувствую, что надо мною —
Соблазн, растрелившийся соловьем.

Кто не прикидывался соловьем
Под этой ветреной, шальной луною?
Кто не мечтал меня изъять живьем?
Глубь не влекла ль меня своей волною?
Кто не рапировал в мечтах со мною?

О, благодать небес! Ты надо мною
Благоуханною течешь волною,
Поешь весенящимся соловьем,
И, обливая вдруг меня луною,
Возносишь в синие верхи живьем.

Та, кто живое все берет живьем,
Неторжествующая надо мною,
Легко выбрасывает мне волною
Вервэну, трелящую соловьем
И упоющую мозг луною...

КВИНТИНА II

Моя земля! любовью ты жива!
Моя любовь! ты вскормлена землею!
Ты каждый год по-вешнему нова!
Сверкающие утренней зарею
Пою тебе хвалебные слова!

О, что за власть имеют те слова,
Которые излучены зарею!
Земная жизнь! да будь всегда жива!
Земная страсть! да будь всегда нова!
Бессмертно будь, рожденное землею!

Я создан сам цветущею землею,
И только ею грудь моя жива.
Я вдохновляюсь юною зарею,
Шепчу в восторге нежные слова.
Так: жизнь земли всегда душе нова.

И ты, моя любимая, нова,
Когда щебечешь чарные слова,
Дарованные млеющей землею.
К тебе любовь бессмертная жива,
Она сияет майскою зарею.

О, наслаждайтесь красочной зарею
И славословьте жизнь: она нова!
Творите вдохновенные слова!
И пусть планета, что зовут Землею,
Пребудет ввек прекрасна и жива!

КВИНТИНА III

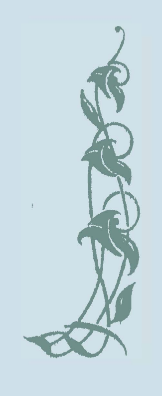
Я здесь один, совсем один —
В том смысле, что интеллигента
Ни одного здесь нет. Вершин
Сосновый говор. Речки лента
Зеркальная в кудрях долин.

Отрадны шелесты долин
И влажная влекуща лента.
Среди людей я все ж один,
И, право, тоньше шум вершин
Для слуха грез интеллигента.

Искусство — для интеллигента:
Среди невест лишь он один
Ждет, чтобы даже кинолента
Струила аромат долин,
И свято любит свет вершин.

Стремитесь к холоду вершин,
Привыкшие к теплу долин,
Беря пример с интеллигента.
Пусть из ползучих ни один
Не падает, виясь, как лента.

Милей всех лент — любимой лента,
Она превыше всех вершин.
Внемлите, жители долин,
Всей гамме чувств интеллигента:
Взлет — смысл единственный один!

КВИНТИНА IV

Любовь приходит по вечерам,
А на рассвете она уходит.
Восходит солнце, и по горам,
И по долинам лучисто бродит,
Лучи наводит то здесь, то там.

Мир оживает то здесь, то там,
И кто-то светлый по миру бродит,
Утрами бродит, а к вечерам
Шлет поцелуи лесам, горам
И, миротворя весь мир, уходит.

Уходят горы, и век уходит.
И что звучало по вечерам,
Забыто к утру. Лишь память бродит,
Как привиденье, то здесь, то там,
Да волны моря бегут к горам.

Нам надоели низы — к горам
Мы устремились: ведь солнце там!
А вечерами оно уходит...
Тогда — обратно: по вечерам
Уходит Ясность, и Нежность бродит.

Пока мы юны, пока в нас бродит
Кровь огневая, спешим к горам:
Любовь и Солнце мы встретим там!
Пусть на закате *оно* уходит,
Она приходит по вечерам...

ЛЭ I

О вы, белосиреневые сны,
Объятые вервэновой печалью!
О, абрис абрикосовой весны!
О, личико, окутанное шалью
Лимонною, ажурною, кисейною!
О, женщина с душой вервэновейною,
Приснившаяся в оттепель февралью!..

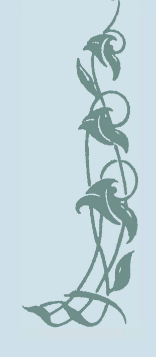
Приснившееся в оттепель февралью —
В моем коттэдже у кривой сосны —
Лицо под фиолетовой вуалью,
Лицо, глаза которого грустны
И, как вуаль, немного фиолетовы,
Я знал тебя, и, может быть, от этого
Мне многие туманности ясны...

Мне многие туманности ясны,
Они влекут недостижимой далью...
Ах, все наливки для меня вкусны,
Но предпочту кизилью и миндалью;
От них мои мечты ажурно кру́жатся,
То ярко грозоносятся, то вьюжатся,
Как ты, рояль с надавленной педалью...

О ты, рояль с надавленной педалью
И с запахом вервэновой волны,
Ты озарял квартиру генералью
Созвучьями, текущими с луны...
Улыбки уст твоих клавиатурные...
Ее лица черты колоратурные
На фоне бирюзовой тишины...

На фоне бирюзовой тишины
Я помню краску губ ее коралью,
Ее волос взволнованные льны
И всю ее фигуру феодалью...
Мы не были как будто влюблены,
А может быть — немного: ведь под алью
Ее слова чуть видны, чуть слышны...

Ее слова чуть видны, чуть слышны,
Заглушены поющею роялью
И шумом голосов заглушены,

Они влекут мечтанно к изначалью —
И я переношу свои страдания
В великолепный хаос мироздания,
Создавший и холеру, и... Италию!

Создавший и холеру, и Италию,
Тебе мои моленья не нужны...
Мне хочется обнять ее за талию:
Ее глаза зовущие нежны;
В них ласковость улыбчиво прищурена,
Им фимиамов множество воскурено...—
О вы, белосиреневые сны!..

О вы, белосиреневые сны,
Приснившиеся в оттепель февралью!
Мне многие туманности ясны,
И — ты, рояль с надавленной педалью...
На фоне бирюзовой тишины
Ее слова чуть видны, чуть слышны
Создавшему холеру и Италию...

BERCEUSE СИРЕНИ

Когда сиреневое море, свой горизонт офиолетив,
Задремлет, в зеркале вечернем луну лимонно отразив,
Я задаю вопрос природе, но, ничего мне не ответив,
В оцепененьи сна блистает, и этот сон ее красив.

Ночь, белой лилией провеяв, взлетает, точно белый
лебедь,
И исчезает белой феей, так по-весеннему бела,
Что жаждут жалкую планету своею музыкой онебить,
Бряцая золотом восхода, румяные колокола.

Все эти краски ароматов, всю филигранность
настроений
Я ощущаю белой ночью у моря, спящего в стекле,
Когда, не утопая, тонет лимон луны в его сирени
И, от себя изнемогая, сирень всех нежит на земле.

1918 — VI

ПОСЛЕДНИЕ ЗЕЛЕНЫЕ ЛИСТКИ...

На эстляндском ли берегу, восемнадцатого ноября,
У Балтийского в сизый цвет моря выкрашенного,
Над вершинами гор и скал — я над крышами иду,
паря,
В бездну тучи летят песка, шагом выкрошенного.

Что за пламенная мечта, увлекающая, словно даль,
Овладела опять душой? чего выскочившая
И вспорхнувшая снова ввысь, возжелала ты,
птица-печаль,
В это утро, как малахит, все заиндевевшее?

Цель бесцельных моих шагов — не зеленые ли вы,
листки,
Уцелевшие от костлявой,— сочувствующие,—
Той, что осенью все зовут, покровительницы чар тоски,
Той, чьи кисти — шалобольные, безумствующие?..

1918 — XI

ПОРА БЕЗЖИЗНИЯ

Кончается октябрь, бесснежный и туманный.
Один день — изморозь. Тепло и дождь — другой.
Безлистый лес уснул гнилой и безуханный,
Бесцветный и пустой, скелетный и нагой.

На море с каждым днем все реже полотенца:
Ведь Осень, говорят, неряха из нерях...
И ходят две сестры — она и Инфлюэнца,
Две девы старые,— и топчутся в дверях.

Из скромных домиков их гонят: кто — дубиной,
Кто — жаркой банею, кто — ватным армяком;
Кто подогадливей, их просто гонит хиной,
Легко тягающейся с крепким тумаком...

Пора безжизния!.. И даже ты, телега,
Не то ты ленишься, не то утомлена...
Нам грязь наскучила. Мы чистого ждем снега.
В грязи испачкала лицо свое луна...

1918 — X

ПРЕДВЕШНЯЯ ЭЛЕГИЯ

Не знаю — буду ли я жив
К весне и вкрадчивой, и нежной;
Пойду ли вновь с мечтой элежной
К полянам, песнь о них сложив.

Не знаю — станет ли сирень
Меня дурманить вновь фиолью,
Какою занеможет болью
Моя душа в весенний день.

Не знаю — буду ли я знать,
Что значит упиваться маем,
Туберкулезом злым ломаем,
И, умирая, жить желать.

1918 — XII

ЭТО ЯВЬ ИЛИ ГРЁЗА?

Сон мой был или не был? что мне снилось,
    что снилось? только море и небо,
Только липы и поле! это явь или греза? сон мой
    был или не был?

Я здесь жил или не́ жил? ты была ли со мною?
    здесь тебя ли я нежил?
Что-то все по-другому... Будто то, да не то же...
    Я здесь жил или не́ жил?

Та же самая дача... Те же самые окна...
    В них смотрела ты, плача...
А потом улыбалась... А потом... Да, конечно:
    та же самая дача!..

Значит, «Тост безответный» здесь написан,
    не правда ль? И обложкой приветной,
Все сомненья рассеяв, убедил меня в яви
    милый «Тост безответный».

1918 — IV

МУЗЕ МУЗЫК

Не страшно ли,— тринадцатого марта,
В трехлетье неразлучной жизни нашей,
Испитое чрез край бегущей чашей,—
Что в Ревель нас забрасывает карта?

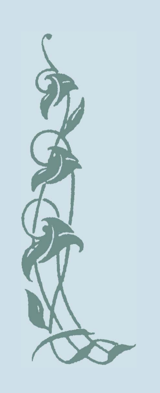
Мы в Харькове сошлись и не в Иеве ль
Мечтали провести наш день интимный?
Взамен — этап, и, сквозь Иеве, в дымный
Холодный мрак,— и попадаем в Ревель.

Как он красив, своеобразен, узок
И элегантно-чист, весь заостренный!
Восторженно, в тебя всегда влюбленный,
Твое лицо целую, муза музык!..

Придется ли нам встретить пятилетье
И четверть века слитности — не знаю.
Но знаю, что никто-никто иная
Не заменит тебя, кого ни встреть я...

Встреч новых не ищу и не горюю
О прежних, о дотебных,— никакие
Соблазны не опасны. Я целую
Твое лицо открытое, Мария.

13 марта 1918
Ревель, гостиница «Золотой лев»

ЭЛЕГИЯ ИЗГНАНИЯ

В моем добровольном изгнании
Мне трудно представить, что где-то
Есть мир, где живут и мечтают,
Хохочут и звонко поют.
Да полно! Не только ль мечтанье —
Соблазны культурного света?
Не всюду ли жизнь проживают,
Как я в заточении тут?

И разве осталась культура,
Изыски ее и изборы,
Утонченные ароматы
Симфоний, стихов и идей?
И разве полеты Амура
Ткут в воздухе те же узоры?
И разве мимозы не смяты
Стопой озверелых людей?

Вот год я живу, как растенье,
Спасаясь от ужасов яви,
Недавние переживанья
Считая несбыточным сном.
Печально мое заточенье,
В котором грущу я по славе,
По нежному очарованью
В таком еще близком былом...

1918 — X

II. ПЧЕЛЫ И СТРЕКОЗЫ

ВОСЕМНАДЦАТЫЙ ВЕК

Восемнадцатый век! не ему ли дано
Слыть изысканным хамом во веки веков?
В нем с учтивостью грубость — сплелась заодно,
И с изяществом пошлость придворных домов.

Ришелье исщипал в синяки Шаролэ.
Бил Субиз по щекам, наземь бросив де Нель.
За Шасси выбегала кокетка Буфле
И кричала: «Желаю его на постель!»

Герцогиня Беррийская в пьянстве сожглась.
Graile и Logre называли maman... Помпадур!
Было много чудовищных зрелищ для глаз,
Было много средь фрейлин развратниц и дур.

Куаньи, проиграв капитал принцу Домб,
Закричал: «Так везет лишь ублюдкам одним!»
Создавая шантан, устроители помп
Говорили: «Традиции monde'a храним...»

Эстрада́, в браке с маршалом, и́горный дом
Совершенно открыто держала, свой сан
Позабыв,— дом, где «в пух» проигрался Вандом
И богачкою стала madame Монтеспан.

1918 — X

СОНЕТ XXIX

Век грации, утонченный век-стебель!
Ланкрэ, Ла-Туш, Бушэ, Грэз и Ватто!
Андрэ Шарль Булль — поэт, не твой ли мебель?
И ты, Бертон, не ты ль певец манто?

Век мушек-«поцелуев», вздохов гребель,
Духов и комплиментов,— но зато
Виконт бранится дома, как фельдфебель,
А виконтесса, как — не знаю! — кто...

Двуликий век Раттье и Фрагонара —
Изящества и грубого кошмара! —
Ты мне напомнил «эти» времена:

Не та же ли культурность показная,
Которую определенно зная,
Спасти не могут наши имена?

1918 IX

ГАЗЭЛЛА IX

А если б Пушкин ожил и к нам пришел?..
Тогда б он увидел, что хам пришел.

И Мережковскому бы сказал он: «Да,
Собрат, вы были правы,— «он» там пришел.

Грядущий Хам окончил свой дальний путь,
И рады иль не рады, он к вам пришел...»

Потом бы Пушкин «новых» читал стихи:
«На смену мне рой целый в мой храм пришел,

И «гениев» так много теперь у вас,
Что и меня забыли, я сам пришел:

Хотелось насмотреться на вашу жизнь,
Но, посмотрев, воскликну: «В бедлам пришел!..»

«САМАРСКИЙ АДВОКАТ»

Посредственному адвокату
Стать президентом — не удел.
Он деловито шел к закату,
И вот дойдя — он не у дел!..

Напрасно чванилась Самара:
«Волжанин стал почти царем!»
Он поднимался, как опара,
А лопнул мыльным пузырем.

Но не конфузятся волжане:
«Керенки» знает вся страна.
Они у каждого в кармане —
А чтобы драл их сатана!

Народ, жуя ржаные гренки,
Ругает «детище» его:
Ведь потруднее сбыть «керенки»,
Чем Ке́ренского * самого!..

1918 — V

* Простонародное произношение.— *Прим. Северянина.*

«АЛЕКСАНДР IV»

Что думал «Александр Четвертый»,
Приехав в гатчинский дворец,
Обозревая пол, протертый
Людьми без мозга и сердец?

Аллеей векового сада
Бродя, он понял ли афронт,
Что шел к нему из Петрограда?
Ужель надеялся на фронт?

Как он, чей путь был сладко-колок,
Свой переоценил завет!
Какой же он плохой психолог
И жалкий государствовед!

Как символичен «милосердья
Сестры» костюм, который спас
Его: не то же ли в н е т в е р д ь е
И сердобольностей запас?

Да, он поэт! да, он фанатик!
Идеалист style décadence! *
Паяц трагичный на канатѐ.
Но идеальность — не баланс...

1918 — V

* В декадентском стиле (*фр.*).

КРАШЕНЫЕ

Сегодня «красные», а завтра «белые» —
Ах, не материи! ах, не цветы!
Людишки гнусные и озверелые,
Мне надоевшие до тошноты.

Сегодня пошлые и завтра пошлые,
Сегодня жулики и завтра то ж,
Они, бывалые, пройдохи дошлые,
Вам спровоцируют любой мятеж.

Идеи вздорные, мечты напрасные,
Что в «их» теориях — путь к Божеству?
Сегодня «белые», а завтра «красные» —
Они бесцветные по существу.

ВЛЮБЛЕННЫЕ В ПОЭТИКУ

Меня мутит от Асквита,
Либкнехта, Клемансо.
Стучит у дома засветло
Пролетки колесо.

«Эй, казачок!» Дав Витеньке
Пальто, она — в дверях,
Мы с нею вне политики,
Но целиком в стихах.

Нам дела нет до канцлера,
До ультиматных нот,
До Круппа и до панциря,
И ноль для нас — Синод.

Мы ищем в амфибрахиях
Запрятанный в них ямб.
В ликерах и ратафиях
Находим отблеск рамп.

Строй букв аллитерации
И ассо-диссонанс —
Волшба версификации —
Нас вовлекают в транс.

Размеры разностопные
Мешаем мы в один —
Узоры многотропные
На блесткой глади льдин.

И сближены хореями,
Слиянные в одно,
Мы над землей зареяли,
Как с крыльями зерно.

ПО СПРАВЕДЛИВОСТИ

Его бесспорная заслуга
Есть окончание войны.
Его приветствовать, как друга
Людей, вы искренне должны.

Я — вне политики, и, право,
Мне все равно, кто б ни был он.
Да будет честь ему и слава,
Что мир им, первым, заключен!

Когда людская жизнь в загоне,
И вдруг — ее апологет,
Не все ль равно мне — как: в вагоне
Запломбированном иль нет?..

Не только из вагона — прямо
Пускай из бездны бы возник!
Твержу настойчиво-упрямо:
Он, в смысле мира, мой двойник.

1918 — V .

ТЭФФИ

Где ты теперь, печальная душа
С веселою, насмешливой улыбкой?
Как в этой нови, горестной и зыбкой,
Ты можешь жить, и мысля, и дыша?

Твои глаза, в которых скорбь и смех,
Твои уста с язвительным рисунком
Так близки мне и серебристым стрункам
Моей души, закутанная в мех.

О, странная! О, грустная! в тебе
Влекущее есть что-то. Осиянна
Ты лирикой души благоуханной,
О лилия в вакхической алчбе!

1918 — XII

ПАМЯТИ Н. И. КУЛЬБИНА

Подвал, куда «богемцы» на ночь
Съезжались, пьяный был подвал.
В нем милый Николай Иваныч
Художественно ночевал.

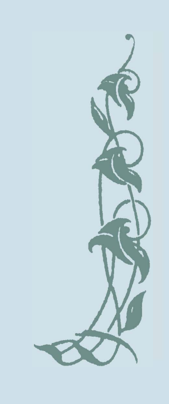
А это значит — спич за спичем
И об искусстве пламный спор.
Насмешка над мещанством бычьим
И над кретинами топор.

Новатор в живописи, доктор.
И Дон-Жуан, и генерал.
А сколько шло к нему дорог-то!
Кто, только кто его не знал!

В его улыбке миловзорца
Торжествовала простота.
Глаза сияли, как озерца
В саду у Господа-Христа.

Среди завистливого, злого
Мирка, теплел он, как рубин.
Да, он в хорошем смысле слова
Был человеком — наш Кульбин!

1918 — V

СУДЬБА ТАСИ

Наш век — чудо-ребенка эра
И всяких чуд. Был вундеркинд
И дирижер Вилли Ферреро,
Кудрявый, точно гиацинт.

Девятилетний капельмейстер
Имел поклонниц, как большой,
И тайно грезил о невесте
Своею взрослою душой.

Однажды восьмилетке Тасе
Мать разрешила ехать с ней —
На симфоническом Парнасе
Смотреть на чудо из детей.

В очарованьи от оркестра,
Ведомого его рукой,
В антракте мальчику-маэстро
Малютка принесла левкой.

Хотя чело его увили
Цветы,— их нес к нему весь зал,—
Все ж в знак признательности Вилли
В лоб девочку поцеловал.

О, в этом поцелуе — жало,
А в жале — яд, а в яде — тлен...
Блаженно Тася задрожала,
Познало сердце нежный плен.

Уехал Вилли. Стало жутко.
Прошло три года. Вдалеке
Ее он помнил ли? Малютка
Скончалась в муке и тоске.

1918 — V

ЛОСОСЬЯ ИДИЛЛИЯ

Там, где растет на берегу осина
И вкривь, и вкось,
Вплыла из моря в речку лососина,
За ней — лосось.

И стала выкрапчатая лососька
Метать икру.
На душегубке слышен шепот: «Фроська,
Оставь игру.

Не шевелись. Ах, лучше б ты осталась
На берегу.
Зря к делу на ночное затесалась...
Дай острогу».

И дедушка, дрожащею, но верной
Сухой рукой
Взмахнул, слегка прицелился примерно
И — острогой!

От восхищенья закричала Фроська:
«Поди, небось,
Ты пала, икрометная лососька!»
Но пал лосось.

КОНДИТЕРСКАЯ ДОЧЬ

Германский лейтенант с кондитерскою дочкой
Приходит на лужок устраивать пикник.
И саркастически пчела янтарной точкой
Над ним взвивается, как злой его двойник.

Они любуются постельною лужайкой,
Тем, что под травкою, и около, и под.
И — френч ли юнкерский затейливою байкой
Иль страсть заводская — его вгоняет в пот.

Так в полдень млеющий на млеющей поляне
Млеть собирается кондитерская дочь...
Как сочь июльская, полна она желаний:
В ее глазах, губах, во всей — сплошная сочь...

Вот страсть насыщена, и аккуратно вытер
Отроманировавший немец пыль и влажь...
А у кондитерской встречает их кондитер
С открытой гордостью — как связи их бандаж.

1918 — XI

В РОЛИ РИКШИ

Пятнадцать верст на саночках норвежских
Я вез тебя равниной снеговой,
На небе видя зубров беловежских,
Из облаков содеянных мечтой.

Пятнадцать верст от Тойлы и до Сомпе,
В дороге раза два передохнув,
Я вез тебя, и вспоминал о помпе,
С какой поил вином меня Гурзуф...

Пятнадцать верст, уподобляясь рикше,
Через поля и лес тебя я вез...
Но, к лошадиной роли не привыкши,
Прошу мне дать обед, а не овес...

КВИНТИНА V

Когда поэт-миллионер,
При всем богатстве,— скряга,
Он, очевидно, духом сер.
Портянки, лапти и сермяга —
Нутро. Снаружи — эксцессер.

О, пошехонский эксцессер,
Офрачена твоя сермяга!
О нищенский миллионер,
Твой алый цвет промозгло-сер!
Ты даже в ощущеньях скряга!

Противен мот. Противен скряга,
Тем более — миллионер,
Кому отцовская сермяга
Стеснительна: ведь эксцессер
Фрак любит — черен он иль сер...

Вообразите: фрак — и сер...
Тогда рутинствуй, эксцессер!
Тогда крути беспутно, скряга!
Тогда бедуй, миллионер!
Стань фраком, серая сермяга!

Компрометирует сермяга
Того лишь, кто душою сер.
Отвратен горе-эксцессер,—
По существу — скопец и скряга,
По кошельку — миллионер.

ЛЭ II

Алексею Масаинову

В Японии, у гейши Ойя-Сан,
Цветут в саду такие анемоны,
Что друг ее, испанский капитан,
Ей предсказал «карьеру» Дездемоны.
Не мудрено: их пьяный аромат
Всех соблазнит, и, ревностью объят,
Наш капитан ее повергнет в стоны.

Наш капитан ее повергнет в стоны,
Когда микадо, позабыв свой сан,
Придет к японке предлагать ей троны,—
За исключением своей,— всех стран...
И за зеленым чаем с ней болтая,
Предложит ей владения Китая:
«За поцелуй Китай Вам будет дан».

«За поцелуй Китай Вам будет дан»,—
И Ойя-Сан воздаст ему поклоны,
И Ойя-Сан введет его в дурман,
В крови царя она пробудит звоны...
Сверкая черным жемчугом зубов,
Струя ирис под шелк его усов,
Она познает негные уроны.

Она познает негные уроны,
И, солнцем глаз гетеры осиян,
Забудет бремя и дефект короны
Микадо, от ее лобзаний пьян.
Потом с неловкостью произношенья
Сказав «adieu», уйдет — и в подношенье,
Взамен Китая, ей пришлет... тюльпан.

Взамен Китая ей пришлет тюльпан
Высокий bon vivant * «нейтральной зоны»,
Не любящий в свиданьях «барабан»,
Ходящий чрез ограды и газоны,
Чтоб (как грузины говорят: шайтан!)
Придворный не схватил за панталоны,
Усердием особым обуян...

* Кутила, весельчак, любитель хорошо пожить; человек беспечного склада (*фр.*).

Усердием особым обуян,
Придворный сыщик, желтый, как лимоны,
Не постеснится из дворца шантан
Устроить на пиру жрецов мамоны
И (сплетней,— не буквально!) за штаны
Схватить царя, с вспененностью волны
Друзьям расскажет «сверх-декамероны»...

Друзьям расскажет «сверх-декамероны»
Дворцовый шпик — невежда и болван.
Не оттого ль, чтоб не дразнить «тромбоны»,
Избрал забор микадо-донжуан?
Как отдохнет от суеты житейской,
Как азиатской, так и европейской,
У подданной, у гейши Ойя-Сан.

В Японии, у гейши Ойя-Сан,
Микадо сам ее повергнет в стоны:
«За поцелуй Китай Вам будет дан»,—
Она познает негные уроны,—
Взамен Китая ей пришлет тюльпан.
Усердием особым обуян,
Друзьям расскажет «сверх-декамероны».

У ГЕЙШ

Разноцветно поют фонарики,
Озеркаленные заливом,
И трелят на флейтах арийки
Гейши, подобные сливам.

В кимоно фиолетово-розовом,
Смеющиеся чаруйно,
С каждым, волнуемым позывом,
Встречаются беспоцелуйно...

Уютные домики чайные
Выглядят, как игрушки.
Моряки, гости случайные,
Пьют чай из фарфоровой кружки.

И перед гейшами желтыми
Хвастают лицами милых
На карточках с глазами проколотыми
За нарушенье «клятв до могилы»...

Японки смотрят усмешливо
На чуждых женщин безглазых
С душою края нездешнего
Вынутых из-за пазух...

Шалунья Сливная Косточка
Отбросила веер бумажный,
И на гостя посыпалась горсточка
Вишен, манящих и влажных...

III. ШОРОХИ ИНТУИЦИИ

ПОЭЗА УПАДКА

К началу войны европейской
Изысканно-тонкий разврат
От спальни царей до лакейской
Достиг небывалых громад.

Как будто Содом и Гоморра
Воскресли, приняв новый вид:
Повальное пьянство. Лень. Ссора.
Зарезан. Повешен. Убит.

Художественного салона
И пьяной харчевни стезя
Совпала по сходству уклона.
Их было разли́чить нельзя.

Паскудно гремело витийство,
Которым восславлен был грех.
Заразное самоубийство
Едва заглушало свой смех.

Дурил хамоватый извозчик,
Как дэнди эстетный дурил.
Равно среди толстых и тощих
Царили замашки горилл.

И то, что расцветом культуры
Казалось, была только гниль.
Утонченно-тонные дуры
Выдумывали новый стиль.

Они, кому в нравственном тесно,
Крошили бананы в икру,
Затеявали так эксцессно
Флиртующую игру.

Измызганно-плоские фаты,
Потомственные ромали,
Чьи руки торчат, как ухваты,
Напакоститься не могли.

Народ, угнетаемый дрянью
Безмозглой, бездарной, слепой,
Усвоил повадку баранью:
Стал глупый, упрямый, тупой.

А царь, алкоголик безвольный,
Уселся на троне втроем
С царицею самодовольной
И *родственным ей* мужиком.

Был образ правленья беспутен —
Угрозный пример для корон:
Бесчинствовал пьяный Распутин,
Усевшись с ногами на трон.

Упадочные модернисты
Писали ослиным хвостом
Пейзажи, и лишь букинисты
Имели Тургенева том.

Свирепствовали декаденты
В поэзии, точно чума.
Дарили такие моменты,
Что люди сбегали с ума.

Уродливым кактусом роза
Сменилась для моды. Коза
К любви призывалась. И поза
Настойчиво лезла в глаза.

И этого было все мало,
И сытый желудок хотел
Вакхического карнавала
Разнузданных в похоти тел.

И люди пустились в эксцессы,
Какие не снились скотам.
Изнервленные поэтессы
Кривлялись юродиво там.

Кишки обжигались ликером,
И похоть будили смешки,
И в такт бархатистым рессорам
Качелились в язвах кишки.

Живые и сытые трупы,
Без помыслов и без идей,
Ушли в черепашии супы,—
О, люди без сути людей!

Им стало филе из лягушки
Дороже пшеницы и ржи,
А яды, наркозы и пушки —
Нужнее, чем лес и стрижи.

Как сети, ткать стали интриги
И, ближних опутав, как рыб,
Забыли музеи и книги,
В руке затаили ушиб!

Злорадно они ушибали
Того, кто доверился им.
Так все очутилось в опале,
Что было правдиво-святым.

И впрямь! для чего людям святость?
Для святости — анахорет!
На подвиги, боль и распятость
Отныне наложен запрет.

И вряд ли притом современно
Уверовать им в интеллект
И в Бога. Удел их — надменно
Идти мимо «разных там сект»...

И вот, под влиянием моды,
Святое отринувшей, все
На модных ходулях «комоды»
Вдруг круг завели в колесе.

Как следствие чуши и вздора —
Неистово вверглись в войну.
Воскресли Содом и Гоморра,
Покаранные в старину.

1918 — X

БОРИСУ ВЕРИНУ

В свое «сиреневое царство»
Меня зовешь ты в Петроград.
Что это: едкое коварство?
Или и вправду ты мне рад?

Как жестко, сухо и жестоко
Жить средь бесчисленных гробов,
Средь диких выходцев с востока
И «взбунтовавшихся рабов»!

И как ты можешь, тонкий, стильный,
Ты, принц от ног до головы,
Жить в этой затхлости могильной,
В болотах призрачной Невы?

Скелетовидная Холера
И пучеглазая Чума
Беспутствуют, смеются серо,
Ужасные, как смерть сама.

И методически Царь Голод
Республику свергает в топь...
А ты, который горд и молод,
Пред ним — опомнись! — не холопь!

Беги ко мне, страшись «татарства»!
Мой край возник, как некий страж.
Твое ж «сиреневое царство» —
Болотный призрак и мираж.

Не дай мне думать, рыцарь верный,
Чей взлет всегда был сердцу люб,
Что ты бесчувственный, безнервный,
Что ты средь грубых сам огруб.

1918 — XII

ОТХОДНАЯ ПЕТРОГРАДУ

За дряхлой Нарвой, верст за двести,
Как окровавленный пират,
Все топчется на топком месте
Качающийся Петроград.

Кошмарный город-привиденье!
Мятежный раб! Живой мертвец!
Исполни предопределенье:
Приемли страшный свой конец!

В молитвах твоего литурга
Нет о твоем спасеньи просьб.
Ты мертв со смертью Петербурга,—
Мечты о воскресеньи брось.

Эпоха твоего парада —
В сияньи праздничных дворцов.
Нет ничего для Петрограда:
О, город — склеп для мертвецов!

Твоя пугающая близость —
Над нами занесенный нож.
Твои болезни, голод, сырость —
Вот чем ты власть свою умножь!

Ты проклят. Над тобой проклятья.
Ты точно шхуна без руля.
Раскрой же топкие объятья,
Держащая тебя земля.

И пусть фундаментом другому
Красавцу-городу гранит
Пребудет твой: пусть по-иному
Тебя Россия сохранит...

1918 — XII

КОНЕЧНОЕ НИЧТО

С ума сойти — решить задачу:
Свобода это иль мятеж?
Казалось,— все сулит удачу,—
И вот теперь удача где ж?

Простор лазоревых теорий,
И практика — мрачней могил...
Какая ширь была во взоре!
Как стебель рос! и стебель сгнил...

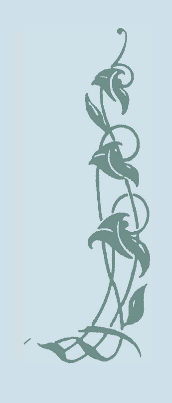
Как знать: отсталость ли европья?
Передовитость россиян?
Натура ль русская — холопья?
Сплошной кошмар. Сплошной туман.

Изнемогли в противоречьях.
Не понимаем ничего.
Всё грезим о каких-то встречах —
Но с кем, зачем и для чего?

Мы призраками дуализма
Приведены в такой испуг,
Что даже солнечная призма
Таит грозящий нам недуг.

Грядет Антихрист? не Христос ли?
Иль оба вместе? Раньше — кто?
Сначала тьма? не свет ли после?
Иль погрузимся мы в *Ничто*?

1918 — XII

МОНОЛОГ ИМПЕРАТРИЦЫ

Я, вдовствующая императрица,
Сажусь на свой крылатый быстрый бриг
И уплываю в море, чтоб укрыться
От всех придворных сплетней и интриг.

Мой старший сын, сидящий на престоле,
И иноземная его жена
В таком погрязли мрачном ореоле,
Что ими вся страна поражена.

Его любовниц алчущая стая,
Как разъяренных скопище пантер,
Рвет мантию его из горностая
Руками недостойными гетер.

Его жена, от ревности свой разум
Теряя, зло и метко мстит ему.
И весь народ, подверженный заразам,
Грузится в похоть, пьянство, лень и тьму.

Им льстит в глаза разнузданная свита,
Куя исподтишка переворот.
О, паутинкой цепкою повита
Интрига та, ползущая в народ.

Ни с кем и ни о чем не сговориться
В стране, пришедшей к жалкому нолю.
Бездействующая императрица,
Спешу уплыть к соседу-королю.

К ВОСКРЕСЕНЬЮ

Идут в Эстляндии бои,—
Грохочут бешено снаряды,
Проходят дикие отряды,
Вторгаясь в грустные мои
Мечты, вершащие обряды.

От нескончаемой вражды
Политиканствующих партий
Я изнемог; ищу на карте
Спокойный угол: лик Нужды
Еще уродливей в азарте.

Спаси меня, Великий Бог,
От этих страшных потрясений,
Чтоб в благостной весенней сени
Я отдохнуть немного мог,
Поверив в чудо воскресений.

Воскресни в мире, тихий мир!
Любовь к нему, в сердцах воскресни!
Искусство, расцвети чудесней,
Чем в дни былые! Ты, строй лир,
Бряцай нам радостные песни!

ВО ИМЯ ИСКУССТВА

Они идут на Петроград
Спасти науку и искусство.
Всей полнотой, всей ширью чувства
Поэт приветствовать их рад.

Печальный опыт показал,
Как отвратительна свобода
В руках неумного народа,
Что от свободы одичал.

Царь свергнут был. Пустой престол
Привлек немало претендентов,
И в выкрашенных кровью лентах
На трон уселся Произвол.

А ты, поэт-идеалист,
В свободу веривший так свято,
Постиг, что ею нагло смято
Все то, чем мира взор лучист.

Ни президента, ни царя,—
Или обоих сразу вместе!
Лишь бы была на прежнем месте
Святая ценность алтаря.

ГАЗЭЛЛА X

В эти тягостные годы сохрани меня, Христос!
Я тебе слагаю оды,— сохрани меня, Христос!

Каюсь: грешен. Каюсь: вспыльчив. Каюсь: дерзок.
Каюсь: зол.
Но грешней меня народы. Сохрани нас всех, Христос!

Я в тебя, Господь мой, верил. Я всегда тебя любил.
Я певец твоей природы: сохрани меня, Христос!

Пусть воскреснут, оживая, исцеляясь, мир хваля
Все калеки и уроды,— сохрани их всех, Христос!

Помни: я твой рыцарь верный, твой воспевец, гений
твой —
Человеческой породы,— сохрани меня, Христос!

Словом добрым, делом мудрым, отпущением грехов,
В наших душах, где невзгоды, сохрани себя,
Христос!

СЕКСТИНА IV

(«ИНГЕБОРГ» КЕЛЛЕРМАНА)

Кто смерть, на жизнь напавшую, отторг
Своей любовью,— бархатной рапирой,—
Какой тому пришлось вкусить восторг!
Как он воспет вселенской вечной лирой!
Бессмертен Аксель, спасший Ингеборг
Своей любви благоуханной миррой!

Чье чувство распустилось в сердце миррой,
Тот, победив стихию, смерть отторг,
Пусть вероломна память Ингеборг
И пусть измены свежею рапирой
Она пронзила Акселя, пусть: лирой
Воспетые, их имена — восторг.

Любовь всегда должна будить восторг,
Благоухая терпко-пряной миррой,
Звучать волшебно-звонко-пламной лирой,
И горе тем, кто светлую отторг:
Проклятье поразит его рапирой,—
Так проклята вовеки Ингеборг.

О, радость жизни! солнце! Ингеборг!
Будившая вокруг себя восторг!
Разившая сердца взорорапирой!
Упившаяся сердцем друга,— миррой,—
Чей, как не твой, взор — Акселя отторг,
Прославленного пламенною лирой!

О бедный князь! взамен воспетья лирой —
Ты возвратил бы лучше Ингеборг...
Но нет, но нет! души твоей восторг,
Которым смерть ты от нее отторг,
Не понят ею. Не кадить бы миррой
Изменнице,— пронзить ее рапирой.

Благословен, не тронувший рапирой:
Он не был бы воспет вселенской лирой.
Благословенна вспыхнувшая миррой
Для Акселя, и ты, ты, Ингеборг,
Проклятая, исторгшая восторг
В его душе, что смерть твою отторг!

1918 — VIII

СЕКСТИНА V

В моей стране — разбои и мятеж,
В моей стране — холера, тиф и голод.
Кто причинил ее твердыне брешь?
Кем дух ее кощунственно расколот?
Надежда в счастье! сердце мне онежь!
Я жить хочу! я радостен и молод!

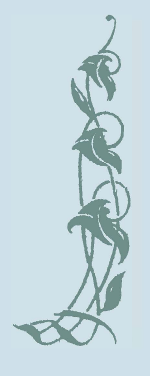
Меня поймет, кто, как и я, сам молод,
Кому претит разнузданный мятеж.
Кто, мне подобно, молит жизнь: «Онежь!»
Кому угрозен тиф и черный голод,
Кто целен, бодр и духом не расколот,
Кому отвратна в государстве брешь.

Да, говорит о разрушеньи брешь...
Живой лишь раз, единственный раз молод!
И если жизни строй разбит, расколот,
И если угнетает всех мятеж,
И если умерщвляет силы голод,
Как не воскликнешь: «Счастье! нас онежь!»

Лишь грубому не нужен вскрик: «Онежь!»
Ему, пожалуй, даже ближе брешь,
Чем целостность: ему, пожалуй, голод
Отраднее, чем сытость; он и молод
По-своему: вскормил его мятеж,
И от рожденья грубый весь расколот.

Ужасный век: он целиком расколот!
Ему смешно сердечное: «Онежь!»
Он, дикий век, он сам сплошная брешь.
Его мятеж — разбойничий мятеж.
Он с детства стар, хотя летами молод,
И вскормлен им царь людоедов — Голод.

Но он умрет, обжора жирный Голод,
Кем дух людской искусственно расколот!
И я, и ты, и каждый будет молод!
И уж не мы судьбе, она: «Онежь!» —
Воскликнет нам. Мы замуравим брешь
И против грабежа зажмем мятеж!

СЕКСТИНА VI

Эстония, страна моя вторая,
Что патриоты родиной зовут,
Мне принесла все достоянье края,
Мне создала безоблачный уют,
Меня от прозы жизни отрывая,
Дав сладость идиллических минут.

«Вкуси восторг чарующих минут
И не мечтай, что будет жизнь вторая;
Пей жадно радость, уст не отрывая;
И слушай, как леса тебя зовут;
Ступай в зеленолиственный уют
Принявшего гостеприимно края.

Быть может, под луной иного края
Когда-нибудь ты вспомнишь песнь минут,
Тебе дававших благостный уют,
Вздохнешь, что где-то родина вторая,
Которую Эстонией зовут,
Влечет тебя, от юга отрывая.

Тогда приди, в мечтах не отрывая
Любви ко мне, от пламенного края
На север свой, где все своим зовут
Тебя, поэт, чарун святых минут;
Ведь творчество твое, как жизнь вторая,
Дает нам сказку, счастье и уют».

Благословен Эстонии уют,
Который, от России отрывая
Благочестивою душою края,
Как мать, как сон, как родина вторая,
Соткал гамак качелящих минут.
Минуты те! их творчеством зовут...

Но чу! что слышу я? меня зовут
К оружию! Прости, лесной уют,
И вы, цветы сиреневых минут,
Простите мне! Бездушно отрывая
От вас, от милых мне, за целость края
Жизнь требует мою страна вторая...

СЕКСТИНА VII

Здесь в Крымскую кампанию жил Фет —
В Эстляндии приморской, прибалтийской;
Здесь Сологуб, пленительный поэт,
Жил до войны с Германией царийской;
Здесь я теперь живу, почти семь лет
Знакомый с нею, милою и близкой.

Здесь жил Бальмонт — в стране, к России близкой,
Здесь Брюсов был, изысканный, как Фет,
Здесь лейтенант Случевский, в цвете лет,
Пел красоту природы прибалтийской,
Но, послан в бой по воле злой царийской,
У берегов японских пал поэт.

Не для боев рождается поэт,
А для души, его напеву близкой...
Лишь произвол убийственный царийский
Мог посылать таких певцов, как Фет,
В отряды!.. Но хранил край прибалтийский
Талантливых людей в расцвете лет.

Тому назад уже тринадцать лет,
Как у Цусимы смерть нашел поэт,
На «Александре III-м» прибалтийский
Край бросивший, воспевший Ревель, близкий
Своей душе. Приветь его, о Фет,
В обители над солнечно-царийской!

Царизм земной отринув, лишь царийский
Небесный рай я признаю, где лет,
Как и мгновений, нет, где жив поэт,
Кто б ни был он: Случевский или Фет,—
И вот теперь, к своей кончине близкий,
Я рай пою, живя в стране балтийской.

Цвети же, край — эстонский, прибалтийский,
Отвергнувший строй низменный, царийский:
Моей душе ты родственный и близкий!
Цвети же, край, десятки, сотни лет
И помни, что мечтал в тебе поэт,
Такой поэт, как несравненный Фет!

СЕКСТИНА VIII

Мой дом стоит при въезде на курорт
У кладбища, у парка и у поля.
Он с виду прост, но мною дом мой горд;
Он чувствует — там, где поэт, там воля.
В нем за аккордом я беру аккорд,
Блаженствуя, мечтая и коро́ля.

Привыкни, смертный, жить, всегда короля,
И в каждой деревушке видь курорт,
Буди в своей душе цветной аккорд,
Люби простор и ароматы поля,—
И, может быть, тебя полюбит воля,
И будешь ты ее любовью горд.

Безличный раб — и вдруг ты будешь горд,
Средь окружающих рабов короля!..
Познаешь ли, что означает воля?..
Не превратишь ли в свальный ров курорт?..
Не омерзишь ли девственного поля?..
Не соберешь ли ругань всю в аккорд?..

Аккорд аккорду рознь. Звучи, аккорд
Лишь тот, что упоителен и горд;
Аккорд лесов, ручьев, морей и поля!
Над толпами властительно короля,
Озвучь своим бряцанием курорт
И покажи, как сладкозвучна воля!

Да здравствует всегда и всюду воля
И вольный, волевой ее аккорд!
Кто слушал песню воли, будет горд.
Пусть вольные сберутся на курорт,
Над плотью духом солнечно короля,
Свободу растворяя в воле поля.

Не оттого ли и мой дом у поля,
Где на просторе поля бродит воля?
Не оттого ль душа моя, короля,
Берет свободный, огненный аккорд?
Не оттого ль моим воспетьем горд
И мне самим заброшенный курорт?..

СЕКСТИНА IX

Две силы в мире борются от века:
Одна — Дух Тьмы, другая — Светлый Дух.
Подвластна силам сущность человека,
И целиком зависит он от двух.
И будь то Эсмеральда иль Ревекка,
У них все тот же двойственный пастух.

На пастуха восстал другой пастух.
Для их борьбы им не хватает века.
Для Эсмеральды точит нож Ревекка —
То ею управляет Злобный Дух.
Когда ж победа лучшей сил из двух,
Тогда прощают люди человека.

Кто выше — оправданья человека?!
Когда блюдет стада людей Пастух
В одежде белой, грешницы, из двух
Оправданными будут обе: века
Ограда и надежда — Светлый Дух,
И как ты без него жила б, Ревекка?

Нет, ты не зла: злых вовсе нет, Ревекка,
Но горе причинить для человека
Тебе легко: так хочет Черный Дух...
Но светозарный не уснул Пастух:
Он зло твое рассеял вихрем века,—
И ты невинна, как дитя лет двух.

Но так как ты во власти грозных двух
Великих сил, ничтожная Ревекка,
Но так как ты и облик человека
Имеешь данный Силами, то века
Тебе не переделать: Злой Пастух
В тебя опять вмещает грешный дух.

Издревле так. Но будет день — и Дух
В одежде солнца и луны, из двух
Планет сотканной, встанет как Пастух
И Духа тьмы, и твой, и всех, Ревекка!
Господь покажет взору человека,
Что покорен Бунтующий от века!..

СЕКСТИНА X

Мне кажется, что сердце биандрии,
Идейной биандрии — виноград.
Она стремится в зной Александрии,
Лед Мурмана в него вместиться рад.
Ему отраден запах малярии,
Ему набатны оргии трибад.

Влиянье винограда на трибад,
Как и на сердце пламной биандрии,
Утонченней миазмов малярии.
Да, в их телах блуждает виноград,
Он опьянять безумствующих рад
Экваторьяльностью Александрии.

Причин немало, что в Александрии
Гораздо больше чувственных трибад,
Чем в Швеции: способствовать им рад
Там самый воздух. Но для биандрии
И вырьденный шипучий виноград
На севере — намек о малярии...

В Батуме -— там, где царство малярии,
Гордятся пальмы, как в Александрии,
У рощ лимонных вьется виноград,
Зовя к себе мечтания трибад.
Он, родственный инстинктам биандрии,
Припасть к коленям, льнущим к страсти, рад.

О, как турист бывает ярко рад,
Когда ему удастся малярии
Избегнуть, или в зной Александрии
Умерить льдяным взором биандрии
Кокетливой, иль в хохоте трибад
Пить дышущий поляром виноград...

Не для мужчин трибадный виноград,—
Его вкусив, не очень будешь рад:
В нем смех издевкой девственных трибад...
Страшись и биандрийной малярии,
То веющей огнем Александрии,
То — холодом распутной биандрии...

ЛЭ III

Покаран мир за тягостные вины
Свои ужаснейшей из катастроф:
В крови людской цветущие долины,
Орудий шторм и груды мертвецов,
Развал культуры, грозный крах науки,
Искусство в угнетеньи, слезы, муки,
Царь Голод и процессии гробов.

Царь Голод и процессии гробов,
Пир хамов и тяжелые кончины,
И притесненье солнечных умов,
И танки, и ньюпор, и цеппелины,
И дьявол, учредивший фирму Крупп,
Испанская болезнь, холера, круп —
Всё бедствия, притом не без причины...

Всё бедствия, притом не без причины:
От деяний, от мыслей и от слов.
Еще порхают ножки балерины,
Еще не смолкли ветерки стихов,
Еще звучат цветения сонат,
Еще воркуют сладко адвокаты,—
А мир приять конец уже готов.

Да, мир приять конец уже готов
В когтях нечеловеческой кручины,
Пред судным ликом массовых голгоф
И пред разверстой пропастью трясины.
Но жизнь жива, и значит — будет жив
И грешный мир — весь трепет, весь порыв!
Он будет жить, взнесенный на вершины!

Он будет жить, взнесенный на вершины,
В благоуханном шелесте дубров,
В сияньи солнца, в звуках мандолины,
В протяжном гуде северных ветров,
В любви сердец, в изнежии малины,
В симфониях и в меди четких строф.

Мир исполин — бессмертны исполины!
Мир исполин,— бессмертны исполины!
Он будет до скончания веков
Самим собой: тенеты паутины
Ему не страшны — богу из богов!
Да здравствует вовек величье мира!
Да славит мир восторженная лира!
Да будет мир и радостен, и нов!

Да будет мир и радостен, и нов!
Греми, оркестр! Цветите, апельсины!
Пылай, костер! Я слышу жизни зов!
Перед глазами — чарные картины,
И дали веют свежестью морской.
Но помни впредь, безбожный род людской:
Покаран мир за тягостные вины.

Покаран мир за тягостные вины:
Царь Голод и процессии гробов —
Все бедствия, притом не без причины,
И мир приять конец уже готов,
Но будет жить, взнесенный на вершины,
Мир исполин,— бессмертны исполины!
Да будет мир и радостен, и нов!

ЛЭ IV

Нет табаку, нет хлеба, нет вина,—
Так что же есть тогда на этом свете?!
Чье нераденье, леность, чья вина
Поймали нас в невидимые сети?
Надолго ль это? близок ли исход?
Как будет реагировать народ? —
Вопросы, что тоскуют об ответе.

Вопросы, что тоскуют об ответе,
И даль, что за туманом не видна...
Не знаю, как в народе, но в поэте
Вздрожала раздраженная струна:
Цари водили войны из-за злата,
Губя народ, а нам теперь расплата
За их проступки мстительно дана?!

За их проступки мстительно дана
Нам эта жизнь лишь с грезой о кларете...
А мы молчим, хотя и нам ясна
Вся низость их, и ропщем, точно дети...
Но где же возмущенье? где протест?
И отчего несем мы чуждый крест
Ни день, ни год — а несколько столетий?!

Ни день, ни год, а несколько столетий
Мы спины гнем. Но близкая волна
Сиянья наших мыслей,— тут ни плети,
Ни аресты, ни пытка, что страшна
Лишь малодушным, больше не помогут:
Мы уничтожим произвола догмат,—
Нам молодость; смерть старым суждена.

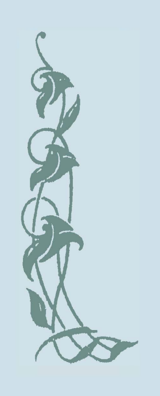
Нам молодость. Смерть старым суждена.
Художник на холсте, поэт в сонете,
В кантате композитор, кем звучна
Искусства гамма, репортер в газете,
Солдат в походе — все, кому нежна
Такая мысль, докажут пусть все эти
Свою любовь к издельям из зерна.

Свою любовь к издельям из зерна
Докажет пусть Зизи в кабриолете:
Она всем угнетаемым верна.
Так пусть найдет кинжальчик на колете
И бросит на подмогу бедняку,
Чтоб он убил в душе своей тоску
И радость в новом утвердил завете.

Так радость в новом утвердил завете
И стар, и мал: муж, отрок и жена.
Пусть в опере, и в драме, и в балете
Свобода будет впредь закреплена:
Пускай искусство воспоет свободу,
И следующий вопль наш канет в воду:
«Нет табаку, нет хлеба, нет вина!»

Нет табаку, нет хлеба, нет вина —
Вопросы, что тоскуют об ответе.
За «их» поступки мстительно дана,—
Ни день, ни год, а целый ряд столетий,—
Нам молодость. Смерть старым суждена!
Свою любовь к издельям из зерна
Пусть радость в новом утвердит завете.

ЛЭ V

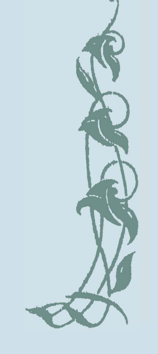
Они придут — ни эти и не те,
Те, что живут теперь и прежде жили,
А новые, кто предан Чистоте,
С лазурью в каждой вене, в каждой жиле.
Безвраждные, не знающие смут,
Незлобиво-прекрасные,— придут,
Чтоб мы при них глаза свои смежили.

Чтоб мы при них глаза свои смежили
И отошли, погрязшие в тщете,
В свой смертный сон, чтоб больше не вражили
В уродстве, зле, грязи и нищете.
Мы им уступим место на планете,
И наши торжествующие дети
Возгрянут гимн добру и красоте.

Возгрянут гимн добру и красоте,
Зло победят единодушно или
Не будут вовсе жить, в своей мечте
Узревшие лазоревые были.
Пленительным и легким станет труд,
Все лучшее себе они возьмут
И забожат, как деды не божили.

И забожат, как деды не божили,
Грядущие, со взором, к высоте
Направленным, с которым подружили
Луна и звезды в светлой темноте.
Они отвергнут спецное гурманство,
Они воздвигнут культ вегетарьянства
И будут жить в священной простоте.

И будут жить в священной простоте,
Служа не зверской, дерзкой, мерзкой силе;
А духу своему, петь о Христе,
О том, как мы Исуса поносили
В своей бесчеловечной пустоте,
Петь о Его расхолмленной могиле,
Петь о Христовом пóдвижном кресте.

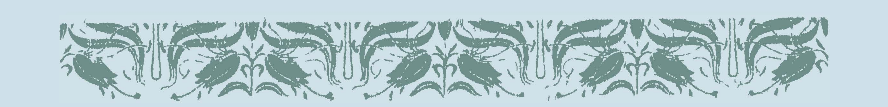

Петь о Христовом по́движном кресте
Могли б и мы, пока еще мы были
Безгрешными, пока на животе
Не ползали и не глотали пыли.
Но нет: мы тьме сиянье предпочли,
Погрязли в злобной тине и пыли,
О том, кем быть могли, мы позабыли.

О том, кем быть могли, мы позабыли,
Предавшись сладострастью, клевете
И всем земным грехам,— мы утаили
В себе наш дух, в своей неправоте.
Пусть нас, разнузданных, без устрашенья,
Простить за деянья и прегрешенья
Они придут — ни эти и не те.

Они придут — не эти и не те,
Чтоб мы при них глаза свои смежили,
Возгрянут гимн добру и красоте
И забожат, как деды не божили.
И будут жить в священной простоте,
Петь о Христовом по́движном кресте,
О том, кем быть могли, мы позабыли.

ФИНАЛ

Кончается одиннадцатый том
Моих стихов, поющих о бывалом,
О невозвратном, сказочном, о том,
Что пронеслось крылатым карнавалом.

Не возвратить утраченных услад
В любви, в искусстве, в solrée, в ликерах,—
Во всем, во всем!.. Заплачьте, и назад
Смотрите все с отчаяньем во взорах.

Пусть это все — игрушки, пустяки,
Никчемное, ненужное, пустое!..
Что до того! Дни были так легки,
И в них таилось нечто дорогое!

Любили мы любовь и пикники,
И души вин и женщин тонко знали,
Вначале повстречали нас венки,
И поношенье хамское — в финале.

Мы смели жить! мы смели отдавать
Чаруйный долг великолепной моде,
Не утомясь, молитвенно мечтать
О равенстве, о братстве, о свободе.

Вам, «новым», вам, «идейным», не понять
Ажурности «ненужного» былого:
На ваших лбах — бездарности печать
И на устах — слух режущее слово!..

Конечно, я для вас — «аристократ»,
Которого презреть должна *Рассея*...
Поэт, как Дант, мыслитель, как Сократ,—
Не я ль достиг в искусстве апогея?

Но будет день — и в русской голове
Забродят снова мысли золотые,
И памятник воздвигнет мне в Москве
Изжив «Рассею», вечная Россия!

КОММЕНТАРИИ

ПОЭЗОАНТРАКТ

Отд. изд.: М.: Наши дни, 1915 (Пятая книга поэз).

В следующем году в том же издательстве вышел вторым изданием (М.: Северные дни, 1916). В авторском списке 1925 г. указано еще «Изд. 3 (Автора), 1919»,— но экземпляров этого издания нам отыскать не удалось.

ТОСТ БЕЗОТВЕТНЫЙ

Отд. изд.: М.: Изд. В. В. Пашуканиса, 1916 (Собрание поэз. Том 6-й).

Текст печатается по второму, исправленному, изданию: СПб.: Земля, 1918. Начиная с этого сборника, Северянин представил новый тип составления собственных поэтических книг — «погодный»: «Тост безответный» объединил стихи, написанные в 1915 году. Посвящение книги — «Посвящается моей Тринадцатой» — отражает серьезное увлечение Северянина: под именем «Тринадцатой» (иногда под именем «Балькис Савская») в его поэзии выступает Мария Васильевна Домбровская (Волнянская, 1895— ?), с которой он сожительствовал в 1913—1921 гг. Ср. посвящение к 7-му изданию сборника «Громокипящий кубок», относящееся к тому же 1915 г.: «Эта книга, как и все мое творчество, посвящается мною Марии Волнянской, моей тринадцатой и, как Тринадцатой, последней». Вместе с М. В. Домбровской Северянин выехал в 1918 г. в эмиграцию. После разрыва с ним «Тринадцатая» жила в Таллинне, затем ее следы затерялись.

МИРРЭЛИЯ

Отд. изд.: Берлин: маг. «Москва», 1922 (Новые поэзы. Т. VII). Сборник вышел тиражом 3000 экз. и был полон, по свидетельству автора, «невероятных ошибок» (Северянин Игорь. Письма к Августе Барановой. Stockholm, 1988. С. 68). Печатается по этому тексту с исправлением явных опечаток и неточностей. Название «Миррэлия» активно употреблялось уже в «Громокипящем кубке»; оно произведено от имени Мирры Александровны Лохвицкой (1869—1905) и означает некую «не видную никому» страну поэтических грез (см. вступ. статью).

РУЧЬИ В ЛИЛИЯХ

Впервые: Русская литература, 1990, № 1. С. 68—98 (публ. В. А. Кошелева), где напечатано по рукописи, хранящейся в Литературном музее им. Ф. Крейцвальда (Тарту, Эстония): Ф. 216, № 1, 2. Рукопись представляет собою переплетенную тетрадь малого формата, на 68 лл. которой рукой автора записаны его юношеские стихи. В списке 1925 г. сборник «Ручьи в лилиях» обозначен как «Том VIII». Собрания поэз: ранние стихи, представленные в хронологическом порядке их написания, должны были «разбавить» подготовленные тома «новых поэз». В мае 1918 г. этот сборник начался печатанием в петроградском издательстве «Земля» (вместе с другими томами «Собрания поэз»); однако книга из печати не вышла. Вероятно, именно к ней относится дневниковая запись А. А. Блока от 26 августа 1918 г.: «Издательство в Смольном завалило типографию заказами брошюр, запретило печатать И. Северянина...». (Блок А. Записные книжки. М., 1965. С. 423). Таким же собранием «избранного» должен был стать сборник «Настройка лиры» (в плане 1925 г.— «Том X» Собрания поэз), объединявший стихи 1910—1918 гг. Впоследствии Северянин произвольно изменял эту нумерацию, и под названием «Настройка лиры» существует его позднейший рукописный сборник (РГАЛИ, ф. 1152, оп. 1. Ед. хр. 2), объединивший его никуда не «вошедшие» стихи как раннего, так и позднего этапов творчества (1920—30-х гг.). Сборник «Ручьи в лилиях» вошел в позднейшую «Настройку лиры» составной частью.

СОЛОВЕЙ

Отд. изд.: Берлин—Москва: акц. общ. «Накануне», 1923. На обороте титула — авторская помета: «Эти импровизации в ямбах выполнены в 1918 г., за исключениями, особо отмеченными, в Петербурге и Тойле». Рукопись сборника была передана в издательство при содействии В. В. Маяковского (см. «Заметки о Маяковском», т. 5 наст. собр.) осенью 1922 г.; книга вышла тиражом 10 000 экз. С датой сдачи рукописи в печать связано и посвящение Борису Николаевичу Башкирову-Верину, поэту из дореволюционного окружения Северянина, называвшего его «Принц Фиолевый Сирени». Северянин встретил его по приезде в Берлин осенью 1922 г. и «экстазно» провел с ним время (см.: Северянин Игорь. Письма к Августе Барановой. С. 30). Многие стихотворения этого сборника оказались сюжетно связаны («Тайна песни», «Не оттого ль?..», «Чары соловья», «Возрождение» и др.), потому что они представляли собой фрагменты неосуществленной «Поэмы жизни» (над ней автор работал в 1917—1918 гг.); своеобразным объяснением причин незавершенности этой поэмы является «Финал» сборника.

ВЕРВЭНА

Отд. изд.: Юрьев: «Одамеес», 1920 (Поэзы 1918—1919. Собрание поэз. Т. XI). На обороте титула — авторская помета: «Все поэзы этого тома, за исключением помеченных 1918 г., написаны в январе 1919 г., причем написаны в Эстонии, на курорте Тойла. Поэза „Муза музык“ написана в Ревеле». Книга вышла в марте 1920 г. тиражом 5000 экземпляров. Название сборника — одно из излюбленных понятий Северянина. Вервэна (вербена) — магическое растение, способствующее уходу в идеальный, воображаемый мир любви и поэтических грез. С темой «Вервэны» — естественной (нерационалистической) жизни, золотого века любви и мира — связана поэма «Солнечный дикарь» (1924 — т. 3 наст. собр.). См. об этом: Круус Р. Две заметки об Игоре Северянине//Russian Literature, XIX, 1986. С. 342—346.

Содержание

ПОЭЗОАНТРАКТ

ТОСТ БЕЗОТВЕТНЫЙ

МИРРЭЛИЯ

РУЧЬИ В ЛИЛИЯХ

1896 г.

1899 г.

1903 г.

1906 г.

1907 г.

1908 г.

1909 г.

СОЛОВЕЙ

ВЕРВЭНА

Северянин Игорь

С28 Сочинения. В 5-ти т. Т. 2/Состав., вступ. статья, коммент В. А. Кошелева и В. А. Сапогова.— СПб.: Издательство «Logos», 1995.— 704 с.: ил.
ISBN 5-87288-082-0 (т. 2)
ISBN 5-87288-080-4

Игорь Северянин — псевдоним Игоря Васильевича Лотарёва (1887—1941), одного из кумиров читающей публики 1910-х годов. В настоящем собрании сочинений впервые его творчество представляется в возможно полном виде, во всем обилии жанров, к которому обращался «король поэтов»: сборники «поэз» и поздние книги лирики, поэмы и автобиографическая проза, теоретический трактат и избранные письма. Разные по художественным достоинствам, эти произведения, собранные воедино в соответствии с последней авторской волей, позволяют вполне представить и его «двусмысленную славу», и его «недвусмысленный талант».

С $\frac{4702010102}{Г73(03)-95}$ Подписное **ББК 84.Р1**

ИГОРЬ СЕВЕРЯНИН

СОЧИНЕНИЯ

Том 2

Художник *В Е. Корнилов*
Технический редактор *И В. Буздалева*
Корректор *Л. Б. Лаврова*

ЛР № 030078 от 20 08 91
Сдано в набор 15 07 94 Подписано в печать 07.06.95. Формат $84 \times 108^1/_{32}$
Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл печ. л. 36,96. Тираж 3000 экз
Заказ № 257

Издательство „Logos“. 190000, Санкт-Петербург, пер Пирогова, 18

Отпечатано в ордена Трудового Красного Знамени ГП «Техническая книга» Комитета Российской Федерации по печати 198052, г. Санкт-Петербург, Измайловский пр., 29

